

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Кипиани Э. «Девятые врата». Роман, повести и рассказы. Пер. с груз. А. Беставашвили. Вступительная статья Г. Гвердцители. М., 1978, 335 с. 50.000 экз. 1 р. 40 к.

Абашидзе Г. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. «Корнали». Роман. — Рассказы. — Статьи. Пер. с груз. М., 1978, 381 с. 50.000 экз. 2 р. 2 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Мрелашвили Л. «Кабахи». Роман. Кн. 1—2. Пер. с груз. Э. Ананиашвили. М., 1978. 752 с. 100.000 экз. 3 р. 30 к.

«Грузинские романтики». Вступит. статья Г. Л. Асатиани и Т. П. Буачидзе. Л., 1978. 335 с. с ил. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). 40.000 экз. 1 р. 30 к. — В сборник вошли произведения А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани в переводах П. Антокольского, Н. Заболоцкого, Б. Пастернака и других известных русских поэтов-переводчиков.

Бибилури Т. «Маска». Повести и рассказы. Авториз. пер. с груз. Л. Громеко. М., 1978. 222 с. 30.000 экз. 65 к.

Чиладзе О. «Шел по дороге человек». Роман. Авториз. пер. с груз. Э. Ананиашвили. М., 1978. 470 с. 30.000 экз. 2 р. 30 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Мишвеладзе Р. «Нет аэропорта». Рассказы. Пер. с груз. А. Абуашвили и А. Эбаноидзе. М., 1978. 204 с. (Молодые писатели). 65.000 экз. 60 к.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- ИРАКЛИИ АБАШИДЗЕ. Стихи. Перевод Михаи-
ла Синельникова 3
- КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. Стихи. Перевод Вале-
рия Краснопольского 38
- ЛИЯ СТУРУА. Стихи. Перевод Владимира
Леоновича и Юнны Мориз 42

ПРОЗА

- ТУРАМ ГЕГЕШИДЗЕ. Гость. Роман. Перевод А.
Беставашвили и В. Федорова-Цик-
лаури 5
- РЕВАЗ ГАБРИАДЗЕ. Дюма на Кавказе 46

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- НОДАР КАКАБАДЗЕ. Раздумья о Грузии. Пере-
вод Нодара Тархнишвили 92
- ЗИНАИДА КИРИЛЮК. Духовное единение 108
- ВАСИЛИЙ ЛАПЕРАШВИЛИ. Маяковский в му-
зыке 112
- ЕВГЕНИЙ ШАВШУКОВ. Постигая правду жизни 113
- РАФАИЛ ШАМЕЛАШВИЛИ. Первый сло-
варь несклоняемых слов 114

1

1979

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА.
ВОСПОМИНАНИЯ

ВАХТАНГ ГУРУЛИ, ВАЛЕРИАН МАЧАРАДЗЕ.
Страницы героической борьбы 117

ИСКУССТВО

ГАСТОН БУАЧИДЗЕ. Пиросмани или Прогулка
Олея 125
АННОТАЦИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУЗИИ» . 154
ХРОНИКА 156
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 159

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — Гурам АСАТИАНИ

Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Гиви ЖВАНИЯ, Марк ЗЛАТКИН,
Исидор КОЗАЕВ, Георгий ЛОМИДЗЕ, Георгий МАРГВЕЛА-
ШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Михаил МРЕВЛИ-
ШВИЛИ, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора),
Эммануил ФЕЙГИН, Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

НАШ АДРЕС:

380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора —
93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел
критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очер-
ка — 93-65-19.

ЧТО-ТО ВОСТОЧНОЕ

I

Нет ничего
Во мгле, простертой
За сновиденья...
Там — предел
Дорогам, по которым шел ты
И над которыми летел.

А ты — рубеж, межа, граница,
Времен
союз
и разнбой...

Все явное
И все, что снится,
Ведет свою игру
Тобой.

II

Я проповедую
И поднял ваше имя
лишь потому,
Что скрылись вы,
Что вы теперь с другими,
ушли во тьму.

Но смех и слезы,
И стезя и слово —
одни у нас!
Я тоже — прошлое,
И все же —
новый...
Живу — сейчас!

III

Есть возраст и у истины, пожалуй,
Как будто у живого существа.
Вот выросла она и возмужала,
И лишь теперь — поистине права.

Пусть говорят с тобой
 земля и небо,
Цветов и голосов
 бежит шитье...
Ты истине не доверяйся слепо
 ни в юности,
 ни в старости ее.

IV. ПОЛСТИХОТВОРЕНИЯ

Зовется юностью минута,
Когда бушуют, закипев,
В твоей душе костер и смута,
И сам ты — мұқа и напев.

Зовется юностью минута,
Когда ты неба слышишь зов,
Когда восходишь в гору круто
И веровать всему готов.

Зовется юностью минута...

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

ГОСТЬ

Роман

Мы вышли на улицу, я чувствовал себя крайне неловко, оставшись с этой незнакомой девушкой наедине, не зная, о чем с ней говорить. Мы могли поговорить о Важа, но мне не хотелось вспоминать о нем, хотя бы потому, что было гадко использовать его как предлог для сближения с этой девушкой. Долго мы шли молча, я был до того скован, что не мог разжать губ.

— Где вы живете? — наконец спросил я, чтобы Мери не вообразила, будто ее провожатый спит на ходу.

— На Коджорской улице.

— На Коджорской? — изумился я. — Я часто бываю в том районе, но почему-то ни разу не видел вас.

— Бывает... — снова ответила она.

— Хотя я вас откуда-то знаю, только не могу вспомнить.

— Я часто вас встречала вместе с Важа...

— Не знаю, не помню...

Мери испытующе покосилась на меня, печально улыбнулась, как бы уйдя в далекие милые воспоминания, и сказала:

— Полгода назад я обучала Важа английскому языку, и он часто приходил ко мне.

— Вы специалист по английскому?

— Хочу им стать. Я учусь на английском отделении.

Беседа постепенно наладилась. Разговор главным образом шел об английском языке, о его своеобразии. Я ни бельмеса не смыслил в нем, но внимательно слушал Мери — мне было приятно идти рядом с ней. Мы медленно шли по темным узким улочкам. Прохлада ранней осени загнала людей в дома, поразительная тишина царила вокруг. Затем Мери снова вспомнила о моем друге:

— Бедный Важа! Он был необычайно талантливый человек! — вздохнула она.

Я промолчал.

— Когда Важа погиб, вы были с ним в горах, правда? — спросила Мери и как-то сочувственно взглянула на меня.

— Я был в лагере, — нехотя ответил я.

— Он был сильно изуродован?

В памяти моей возник тот день, когда я узнал о смерти Важа... Я сидел в палатке, на подступах к вершине... Перед глазами встал бесконечный, изнурительный отвесный подъем, который без передышки взяла вся наша группа. Впереди меня шел Вахтанг, и весь путь, обливаясь потом, согнувшись в три погибели, я видел только стальные кошки, привязанные к его ботинкам, — больше ничего не осталось в памяти, да я ни о чем и не думал, кроме одного — как-нибудь выдюжить и дотащить груз до ледника... Потом я вспомнил разбитого, изуродованного, искалеченного Важа. Никак не верилось, что это безжизненно распластавшееся на льду почти голое тело, едва прикрытое изодранной одеждой, когда-то принадлежало Важа, Важа — вечному неспеде, жизнерадостному, неутомимому, полному жизни и надежд...

— Знаете, не стоит говорить об этом, лучше пойдемте выпьем вина.

— Куда? — спросила Мери.

— Куда хотите, в кафе или в ресторан.

— Нет, уже поздно. Лучше посидим у меня, я живу одна.

В ту ночь мы долго разговаривали. Мы сидели за столом, пили вино и пьянели. Потом выключили свет, Мери сказала, что за стенкой живут старики и ей неудобно оставлять свет так поздно. Когда Мери уже в полной темноте села за маленький столик напротив меня и наши колени соприкоснулись, я вдруг почувствовал, что нынешней ночью останусь у нее. Я был уже пьян, язык немного заплетался, но голова оставалась совершенно ясной. Я взял ее руки в свои и сказал: «Ты мне очень нравишься, я люблю тебя!». В ту минуту я верил, что говорю чистую правду, но при этом понимал, что все было игрой, и ощущение это придавало мне смелости. Мери засмеялась. Я знаю, обрадовалась она или не поверила моим словам, но рукам не отняла. Может быть, и она понимала, что все это было игрой, которую мы в ту минуту принимали за истину. Я сказал, что был счастлив познакомиться с ней. Мы произносили слова как можно тише, чтобы не беспокоить соседей, и этот шепот создавал особое настроение — волновал меня все больше и больше. Я шептал ей, что чувствую себя таким одиноким, что без нее мне будет очень плохо. «Знаю, — отвечала она, — нет ничего хуже одиночества». В глубине души мне было смешно и стыдно, ибо, несмотря на кажущуюся искренность наших слов, мы вовсе не стремились открыть друг перед другом душу, цель наша состояла в ином, к чему мы и стремились сейчас. А искренностью пользовались как маской, помогающей скрыть то, что сию минуту руководило нами обоими. Наши поступки смахивали на спекуляцию собственными

переживаниями, я ощущал эту фальшь, но не хотел думать о ней... В ту ночь я действительно остался у Мери. «Все лаган, — думал я, когда Мери ласкала меня в постели, — мы кривляемся, ломаем комедию и обманываем друг друга...»

С того дня мы почти не разлучались. Когда Мери была рядом, думы о смерти Вака не так тяготили меня. И Софиго постепенно забылась. Странное настроение владело мной в те дни — без Вака город казался мне обезлюдевшим. Опустошенный и подавленный, бродил я по городу, но такая красивая осень стояла в том году, таким теплым было солнце, льдистая голубизна окутывала дали, пестрые сады, зеленовато-бурые холмы, окружавшие город, а вид далеких синеватых гор так ласкал глаз, что невольно вместе с тоской неведомая радость переполняла грудь, эта удивительная грустная радость не покидала меня, овевая гармонией мою душу. Может быть, причиной тому была и Мери, которая облегчала мое горе, смягчала его, внося в мою жизнь что-то новое, не изведенное до сих пор. Никогда ни одна женщина не была так близка мне, и эта новизна увлекала меня. Почти ежедневно я заходил к Мери. Вечерами мы прогуливались по притихшим улицам, выходили на набережную, бродили по аллеям скверов, потом молчаливыми извилистыми улочками поднимались к Мери, где я оставался до утра. Иногда мы подолгу болтали лежа. Мери рассказывала о своей семье, много говорила о матери, о старшем брате, который, если не ошибаюсь, обосновался где-то в России. Она уверяла меня, что я очень похож на него, может быть, поэтому и любит меня так сильно, что всю любовь к брату перенесла на меня. Рассказывала она и о своей первой любви. «Я с ума сходила по этому парню, так любила его — дня не могла прожить. Мы поженились, но через месяц разошлись... Почему? Была причина. После него ты первый, кому я стала принадлежать, кого полюбила так, что...»

— Мы должны расстаться! — внезапно говорила она, приподнимаясь на локте и глядя мне прямо в глаза.

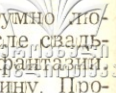
— Почему?

Оказывается, потому, что она без памяти любит меня, не мыслит без меня жизни, разлука будет для нее таким же сокрушительным ударом, как смерть отца, и поэтому, пока она не привязалась ко мне еще больше, нам лучше расстаться, все равно в конце концов я ее брошу!

— С чего это ты?

— Ты обязательно бросишь меня, я чувствую... Я ужасно несчастливая!

— Не бойся, я никогда не оставлю тебя! — уверял я, потому что было ясно, она именно это хотела услышать, поэтому и донимала меня внезапными капризами. Мои слова, разумеется, не были искренними. Пока я знал только одно — мне было приятно быть рядом с ней, и без долгих размышлений я следовал ходу событий. Я не очень-то доверял и клятвам Мери, уж слишком стремительно отдалась она мне, безо всяких колебаний, к тому же при весьма странных обстоятель-

ствах, а существование мужа, которого она якобы безумно любила и с которым почему-то развелась через месяц после свадьбы, казалось мне сомнительным красивым плодом фантазии. Но у меня не было ни малейшей охоты выяснять истину. Прошлое в устах Мери звучало так романтично, что я с удовольствием слушал ее. И переживания бывшего мужа, который после развода по пятам преследовал ее, не давал ей проходу, собираясь, кажется, наложить на себя руки или зарезать Мери, подошли на очень знакомую, милую, сентиментальную повесть, и мне вовсе не хотелось докапываться, что крылось за этим красивым вымыслом. Я понимал, что Мери приукрашивает свое прошлое, и старался подыгрывать ей, делая вид, будто верю каждому ее слову. Поведение мое смахивало на бегство от действительности. Мери стала тем убежищем, в котором я спрятался. Мне казалось, что все это происходит не на самом деле, а в каком-то фильме, в котором я принимал участие, как актер, а не настоящий Тархудж. Я — Тархудж, словно со стороны наблюдал за актером — своим вторым «я», будто бы лично не принимая никакого участия в проделках своего второго «я», оставаясь холодным и трезвым зрителем.

Так или иначе, но мне нравилась эта игра. Действительно, что может быть лучше, чем иногда, пропьянствовав целую ночь, в предрассветную стужу — облачка пара вылетают изо рта — по темным еще улицам — съезжившиеся от холода ночные сторожа греются у костров из разбитых ящиков, разведя огонь прямо на тротуаре, перед магазинами, — брести к дому Мери, а откуда-то издали, с противоположного конца города доносится приглушенный гудок паровоза, под ногами шуршат опавшие осенние листья, в темных подворотнях и подъездах мяукают бродячие кошки, кругом тишина, весь город спит, слышен только монотонный, ласковый шелест безмолвия и я думаю о том, что Важа уже нет, что разбились самые смелые мечты юности, что отныне наступила более суровая и трезвая пора моей жизни, и, пошатываясь, подходить к заветному окну. Я осторожно стучал, и тотчас же, словно там всю ночь ожидали этого стука, приподнималась занавеска, в окно выглядывала Мери, с распущенными волосами, в одной сорочке; на цыпочках, бесшумно провожала меня в теплую комнату, безо всяких упреков помогала мне раздеться, укладывала в теплую постель, от которой исходил дурманящий запах женского тела, ложилась рядом и, прижавшись ко мне, согревала меня, окоченевшего от холода. В такие минуты я очень любил ее, и мне, подобно некоторым серьезным и умным людям, казалось, что не существует страсти сильнее любви к женщине; вспыхнув, блаженная, нетерпеливая, дьявольская, она может отнять разум, заставить забыть все — долг, самого себя, весь мир, и всякая иная любовь рождается и возникает только из сексуальной, являясь лишь ее разновидностью. А наутро, когда я просыпался, когда оказывалось, что Мери убежала на лекции, у меня, оставшегося в одиночестве, пропадало ночное настроение, все казалось глупостью, и я снова проникался ощущением игры, снова со стороны трезво наблюдал за своим двойником, который принимал участие в этой игре.

Я тогда еще не знал, что совсем недавно Мери была любовницей Важа.

Потом я узнал и это. Именно тут до меня дошло, почему в последнее время мои друзья, в особенности Вахтанг, избегали и брезгливо сторонились меня. В какой-нибудь другой стране никто бы, наверно, и внимания не обратил на случившееся, но в Грузии, где веками достоинство ставилось выше выгоды, мой поступок считался бессовесным. Мне было горько, но я не мог ничего поделать. Не мог оправдать себя, это было бы крайней низостью, да и не в чем и не перед кем было оправдываться. То, что произошло, было роковой случайностью, и те, кто любил меня и доверял мне, должны были сами понять это. Но мои друзья, видимо, довольствовались тем, что волею судеб не оказались на моем месте и с чувством собственного превосходства свысока смотрели на меня. Улетел мой краткосрочный покой, рухнуло убежище, которое предоставила мне, бежавшему от самого себя, Мери. Меня больше не влекло к ней. Невыносимо было представить, что Важа, так же как я сейчас, когда-то обнимал эту женщину и ему доставались от нее те же ласки и тепло, остатки которых перепали на мою долю. Я предал своего друга и от этого невольного предательства иногда ненавидел самого себя. Но таким ли невольным было оно? Ведь с первых же дней сомнения прызли мою душу, то я сознательно не давал им определиться. Я закрывал глаза, затыкал уши, чтобы сохранить временное убежище в лице Мери. Все это стало мне совершенно ясно, едва я узнал правду. Все полетело к чертям, смешалось, жизнь моя и вовсе потеряла всякий смысл. Я пристрастился к вину, течение времени несло меня, как щепку, и я даже не пытался разобраться в себе, оглядеться, куда несет меня? А так как я плыл по течению, иногда меня, пьяного, прибивало к Мери, и в такие моменты я походил на животное, которое глухо ко всему, кроме животных порывов. Потом, когда, утолив страсть и избавившись от похоти, я приходил в себя, — был мерзок самому себе, ибо ясно видел, что у меня не осталось и признаков достоинства и гордости. Я не должен был являться сюда, но как последний трус не мог отказаться от этой женщины. Я чувствовал, что переживаю кризис, депрессию, теряю веру в себя, и принимался пить еще больше, чтобы ни о чем не помнить. Я понимал, что это безволие, страусиные прятки, но в то время я был безволен и слаб, а Мери никак не могла понять, отчего я зализ; почему прекратил вдруг ту приятную игру, когда ласковые слова фонтаном лились из моих уст? Я стал грубым и циничным. Я больше не говорил о любви, и под моим влиянием Мери тоже делалась грубой и резкой. И все-таки она долго не понимала, что случилось, почему я вдруг так переменялся? Я всегда избегал разговора о Важа, как будто мы с Мери вовсе не знали его. Ведь с самого начала интуитивно я что-то подозревал, с первых же дней догадывался, что за отношения были между ними, и кто знает, может, поэтому и старался не вспоминать о моем погибшем друге. Но так или иначе Мери долго не понимала причины моей взвинченности, хотя в конце концов разобралась что к чему...

...В тот день я был трезвый. Мери занималась при свете ночника. В комнате было почти темно. Я присел на тахту и взглянул на Мери. Она недавно похоронила мать и не принимала траура — черное платье с вырезом на груди, из тех, в которых появляются на экране красивые героини, черные чулки, черные, распущенные по плечам волосы. Мери молчала, и я видел, что она обижена. В приглушенном свете ночника она казалась бледной и удивительно красивой. Я смотрел на нее и чувствовал, что не так равнодушен к ней, как мне казалось до сих пор. Впервые я осмыслил это и удивился, неожиданно поняв, что эта женщина, чужая и близкая одновременно, кажется, в самом деле любит меня, хотя в глубине души я никогда не верил ее признаниям. Мне стало вдруг ясно, что наша игра, которой мы заслонялись от действительности, превратилась в реальность, именно поэтому Мери терпеливо сносила от меня столько унижений, именно поэтому я снова и снова приходил сюда, хотя каждый раз давал себе зарок не возвращаться. Сердце мое наполнилось жалостью к Мери, но в ту же минуту дикая злость накатила на меня, мне захотелось унижить ее, сказать что-нибудь оскорбительное, так как я понимал, что жалость моя от сочувствия, а сочувствие иногда признает любви. Я злился на себя за то, что своевременно не заметил превращения игры в действительность, и всю злость перенес на Мери. Сжав зубы, я процедил с ядовитой усмешкой:

- Подойди-ка, присядь рядом.
- Мне некогда, я занимаюсь.
- Подойди, я должен тебе что-то сказать.
- Мне не о чем с тобой говорить...
- Почему?
- Потому!
- Почему все-таки?
- Не хочешь, не приходи сюда, в конце концов я тоже человек и у меня есть самолюбие, — выпалила Мери то, что до сих пор хранила в душе.
- Хорошо, больше не приду, пусть сегодняшний день будет последним, — спокойно ответил я.
- Вот и прекрасно.
- А сейчас подойди, я что-то тебе скажу.
- Что, что ты скажешь?
- Давай-ка научи меня английскому!
- Что ты сказал? — Мери переменялась в лице.
- Английскому, говорю, научи. Ты, что, никого не учила английскому?

Мери вздрогнула. Руки ее затряслись, губы мелко дрожали. Вскочив на ноги, она с невыразимым отвращением закричала на меня:

— Сейчас же убирайся отсюда, чтоб я больше не видела тебя! Я тебя ненавижу.

Я поднялся, несколько ошарашенный неожиданным оборотом, а она, разрыдавшись, упала головой на стол. Я еще больше пожалел ее, и был момент, когда мне захотелось утешить эту рыдающую женщину, но я молча шагнул за дверь и,

только очутившись на улице, понял наконец, почему она бурно отреагировала на мои слова...

Памятен мне и следующий день, теплый и солнечный. Вяло шел я по улице. В то время я еще не был приучен к смерти друзей и сверстников и, впервые столкнувшись с ней, растерялся. Конечно, мне всегда было известно, что рано или поздно я должен умереть, но смерть представлял себе по-детски, относя ее к далекому будущему, к тому времени, когда мне самому надоест жить. Я был убежден, что смерть придет ко мне безболезненно, не нарушив моих планов и надежд, и своевременно поставит точку над прожитой жизнью. Благодаря этой наивной вере я ничего не боялся—ни лазить по горам, ни драк и ссор, ни болезней, ни стихии, ни роковых случайностей. Я не думал о причинах человеческой жизни и смерти. Меня заботили лишь те обстоятельства, которые приходилось переживать ежедневно. Но гибель Важа заставила меня отчетливо почувствовать, что смерть возможна и ждет нас в любую минуту. Рухнула моя наивная вера, я растерялся, не в силах сообразить сразу, как теперь смотреть на жизнь. Годом раньше я воспринял смерть Цотне как исключительный случай, но гибель Важа как будто приблизила смерть ко мне самому. Действительность застала меня врасплох, и я долго не мог отыскать точку опоры. Чтобы найти ее, требовалось время, а время тогда тянулось очень медленно. Безусловно, Мери в какой-то степени облегчила мое состояние, но как только я потерял ее, душевное бессилие и безнадежность словно удвоились...

Я шел по улице, не зная, куда направиться. Пить не хотелось, и денег не было, да и от систематических пьянок чувствовал я себя неважно. Наконец я отправился к Кахе. Я любил бывать в его маленькой комнате. Здесь можно было распахнуть окно и с пятого этажа наблюдать за людьми, снующими по узкой улочке, за пристраивающимися к тротуару машинами. Отсюда прекрасно просматривалось небо над городом, пожелтевшие вершины деревьев, разноцветные крыши более низких домов, сливающиеся друг с другом и бесконечной чередой уходящие вдаль. Можно было смотреть на окна противоположных домов, разглядывать обстановку комнат, горшки с цветами на подоконниках, женщин, занятых домашними делами.

Любил я бывать у Кахи. Присяду, бывало, к пианино, наигрываю что-нибудь. Каха, устроившись на тахте, читал или рисовал. Мое присутствие не мешало ему с головой уходить в свое занятие. На одной стене висели охотничья двустволка и патронташ, над тахтой — портрет Важа и его ледоруб. Каха был непосредственным свидетелем гибели нашего друга, они вместе поднимались на вершину. Он собственными глазами видел, как выскочил из каменной стены клин и Важа сорвался в пропасть, на белый лед, с пятисотметровой коричневой скалы. Ледоруб Каха нашел потом и повесил в своей комнате. Над пианино висели портреты Важа Пшавела, Пиросмани и Бетховена. Мой друг увлекался музыкой, живописью и литературой, но отдавал предпочтение живописи. Он верил в судьбу. Все происходящее казалось ему заранее предрешенным и предоп-

ределенным. Его ничуть не удивила моя связь с Мери, хотя он лучше других знал, что за отношения были у этой девушки с Важа. И смерть нашего друга не выбила его из колеи. «Жизнью управляет судьба, а не мудрость и законы морали», — часто приводил он высказывание какого-то римского мудреца и добавлял из Евангелия: «Господь знает, что умствования мудрецов суетны».

Теперь, когда он говорил нечто подобное, я уже не спорил, потому что сам все больше проникался такими же мыслями. И в тот день, сидя спиной к окну на круглом вертящемся фортепьянном стульчике, дымя сигаретой и глядя на Каху, который устроился на низкой тахте и, откинувшись к стене, играл на гитаре, я все же недоумевал:

— Если жизнью человека управляет только судьба, для чего ему дается воля?

— Воля? — сказал Каха. — Что может воля?

— Воля может изменить судьбу.

Каха отложил гитару, отодвинулся от стены, уперся локтями в расставленные колени и сцепил пальцы:

— Хочешь расскажу тебе сон?

— Сон?

— Да, сон, который я видел в горах в ночь перед гибелью Важа.

— Расскажи!

— Мне снилось, будто мы с Важа сидим на рюкзаках у подступов к вершине и отдыхаем. Сыплет густой снег, вершины уже не видно, все скрыто белой пеленой. Потом снег внезапно перестал, и прямо у наших ног, сверкая голубыми изломами льда, разверзлась широкая расщелина. Мы призадумались, не зная, как перебраться на ту сторону. И вдруг увидели — с вершины бегом спускается какой-то человек, направляясь прямо к нам. Приблизившись к краю расщелины, он мигом перемахнул через нее. Потом подошел к нам и спросил, что мы тут делаем. Я испугался этого человека, он стоял перед нами полуголый, босой — в этакий-то мороз! — лысый, морщинистый, пьяный, в какой-то меховой безрукавке. От страха я не смог ответить, а Важа сказал, что мы альпинисты, собираемся подняться на вершину, да вот вышла заминка. «Чего тут бояться, — услышали мы, — пошли, я проведу вас». Тут до меня донесся истерический женский крик: «Не ходите, не ходите!». Я в страхе обернулся — никого. Важа поднялся, а я от ужаса не мог вымолвить ни слова, мне хотелось схватить и не пускать его, но ноги одеревенели, и я продолжал сидеть неподвижно. То странное существо взлетело, одним махом преодолело расщелину и уже с того конца поманило Важа — давай, мол, чего ждешь? Важа разбежался и прыгнул, но не дотянул до края и рухнул вниз. Я вскочил в ужасе и ринулся к пропасти — никого, ни Важа, ни странного советчика. В этот же миг я проснулся, и хотя в ту ночь был сильный мороз, я обливался потом. Важа, положив голову на рюкзак, спокойно спал рядом. Сердце мое колотилось, воздуха не хватало. Я поднялся и откинул полог палатки. Лютый холод резанул по лицу. Над противоположным хребтом вставала огромная желтая луна и

таким мертвым светом озаряла царство льдов, что впервые в своей жизни я испугался гор, природа показалась мне страшной, чуждой, словно я был тут гостем, пришедшим издалека. Безотчетно схватил я Важа за руку и разбудил его. «Что случилось?» — спросил он. Я сказал ему, что видел плохой сон и умоляю его завтра не идти на вершину. «Чокнулся ты, что ли?!» — буркнул он и снова уснул. Я посидел немного. «Действительно, не чокнулся же я?» — подумал я и лег, но сон окончательно покинул меня. Всю ночь проворочался я в спальном мешке. Стояла невыносимая тишина. Чуть свет мы поднялись. Все тело у меня ломило. Солнце еще не взошло, и по восточной части неба протянулась кровавая полоса. Почему-то и она не понравилась мне, показалась дурным предзнаменованием. Ребята уже копошились, собирали палатку, готовили снаряжение. Плохое настроение не оставляло меня. Нехоту начал я приготовления к штурму. Ночной кошмар все еще грыз душу. «Давай не пойдем», — попросил я Важа. Он только улыбнулся насмешливо и беспечно:

— Сна испугался?

Остальные тоже подняли меня на смех, и, как ни странно, их смех приободрил меня. Если признаться честно, я ведь боялся чего-то несуществующего. После завтрака на скорую руку беспокойство мое улеглось. Взошло солнце, и я забыл о своем сне. Потом мы двинулись. Замечательная солнечная погода выдалась в тот день. Когда пошли на стену, я и думать позабыл о сне, не до того было. А в полдень Важа погиб. Никто из нас не верил снам, мы ничего не знаем об их природе, но мне кажется, что этот сон был каким-то интуитивным сигналом, проникнувшим в туман будущего. После такого сновидения сам Александр Македонский, возможно, повернул бы вспять, а мы не повернули. — Каха умолю.

— Если верить древним авторам, снам в их времена придавали решающее значение, это, наверное, интуиция, — сказал я.

— Называй как угодно, хочешь — интуицией, хочешь — судьбой, — ответил Каха, — но я глубоко верю, что тот сон был прозрением судьбы Важа, однако мы ему не поверили. Тот день был роковым для Важа, и никакая воля не могла изменить то, что уже было решено и предначертано. Воля главным образом действует внутри нас, она может в какие-то моменты изменить нас самих, но не наше предназначение. Она меняет степень, но не суть.

— А изменение качества разве не вызывает изменение сути?

— На это существует двойкий ответ.

— Хорошо, оставим это. Если бы вы вернулись назад, Важа бы уцелел?

— Вполне возможно.

— То есть была вероятность изменить его судьбу?

— Если бы мы полагались на интуицию, а не подчинялись лишь нашему знанию, не исключено, что такая вероятность была бы.

— Тогда судьбы нет.

— Почему?

— Потому что возможность познать будущее не отрицает вероятности существования судьбы, но способность или возможность изменить ее говорят о том, что не судьба управляет свыше человеком или явлением, но сама присутствует в человеке или явлении, будучи его руководящим индивидуальным свойством. То есть гибель Важа вовсе не была заведомо предопределена, но была следствием случайности.

— Человек заранее готовится к этой случайности. Его жизнь движется таким образом, что случай этот почти неизбежен, а почему он неизбежен, мы не можем уяснить, потому что существует великое множество явных или скрытых причин. Мы не способны разобраться в них, но они существуют.

— Не знаю, может быть, ты прав, может быть, ошибаешься.

— Наверняка это никому не известно. Я же верю, что все обусловлено заранее. Взять хотя бы твою близость с Мери, если хочешь знать, для чего-то это было необходимо... и тебе, и ей...

Приблизительно такую беседу вели мы, когда кто-то позвонил. Каха встал и вышел из комнаты. Я слышал, как он отворил дверь в темной передней и воскликнул:

— О, кого я вижу!

Послышался женский смех и приглашение Кахи: «Проходи, проходи». Затем он просунул голову в дверь:

— Посмотри, кого я привел! — обрадованно крикнул он мне, и в этот момент в дверях показалась Мери.

Мы оба растерялись. Мери улыбнулась. Это была улыбка растерянности. Каха почувствовал наше замешательство и сам смутился, пытаясь развеять неловкость напускной радостью:

— Ты легка на помине, мы только что говорили о тебе! — сказал он Мери.

Говорить это было, разумеется, глупо. Мери могла вообразить, что мы тут сидим и сплетничаем. Я встал и облокотился о подоконник. Мери переступила порог. Каха снял с нее плащ и вынес в переднюю повесить. Потом снова просунул в дверь голову:

— Не скучайте, я за вином, мигом вернусь!

Немного погодя звякнули бутылки и захлопнулась дверь.

И вот мы остались одни, от неловкости не смея взглянуть друг на друга. Мне почему-то захотелось рассмеяться, и это, вероятно, было заметно по моему лицу. Я совершенно не обижался на Мери, и она тут же уловила это. Со смущенной улыбкой подошла ко мне вплотную, обняла меня, прильнула ко мне всем телом, что, разумеется, взволновало меня, откинула голову и спросила:

— Ты очень злишься на меня?

— Нет, — сказал я, в тот же момент отметив в душе, что женщинам вообще свойствен дьявольский инстинкт, они прибегают к ласкам, когда хотят чего-то добиться. Я действительно несколько не злился, даже был рад в некотором роде, что она вчера дала мне предлог расстаться с ней. То, что не удавалось мне, решилось само собой.

— Прости меня, я тебя очень люблю!
Все начиналось сызнова, я не потерял ее окончательно, как мне представлялось до сей минуты. Я обрадовался, и одновременно стало досадно, что ничего не изменилось, что снова ждет прежняя жизнь. Новизну и боль, вызванную разрывом с Мери, я предпочитал знакомому покою прежних отношений.

— Я пришла, чтобы увидеть тебя. Я знала, что ты здесь. Прости, прошу тебя!

— Что я должен прощать?

— Что я тебя выгнала.

— Глупости, я ничуть не обижен, — холодно ответил я и подумал, что если кто-нибудь наблюдает сейчас из окна противоположного дома, то, наверное, прекрасно видит, как Мери прижимается ко мне.

— Ты вчера причинил мне боль своими словами, но умоляю, поверь мне, все это ложь, клевета...

— Что клевета?

— То, что тебе сказали.

— Мне никто ничего не говорил.

— Я знаю, что говорили... Между нами ничего не было, умоляю, поверь мне.

Я посмотрел ей в глаза, и мне стало жалко ее. Во взгляде Мери было столько мольбы, словно она заклинала — «знаю, что ты не веришь, но все-таки поверь!». Видимо, в то время у нее не было иного выхода, вот она и лгала. Я пожалел ее еще больше.

— Ладно, верю! — сказал я, и вдруг на меня навалилась такая усталость от всей этой фальши, от столь сложных отношений, что, будь комната Кахи на первом этаже, я бы, возможно, не задумываясь, выпрыгнул в окно, убежал куда глаза глядят, скрылся где-нибудь в таком месте, где все просто и ясно, где людям не приходится ничего маскировать и приукрашивать, но я не знал, есть ли где-нибудь такое место...

Я перешел улицу и прошел мимо гостиницы «Тбилиси». У парадного входа ее сгрудились иностранные туристки в коротеньких юбочках. Много лет назад на первом этаже гостиницы была бильярдная — притон темных личностей. Игроки в кости, дельцы, шулера, продувные бестии, кто только не ошивался там! Бились об заклад, играли на деньги. Играть на деньги я не мог, да и не тянуло, но бильярд любил и частенько бывал там. В зеленой своей юности я нагляделся на всевозможные плутни. Жаль, что не нашлось ни одного взрослого, кто бы догадался выставить меня оттуда взащей. Если бы каждый из нас думал о будущем поколении и пытался как-то упорядочить его жизнь, в один прекрасный день на земле бы в конце концов восторжествовали счастье и справедливость. Каждый наш шаг, верный или ошибочный, оказывает неизгладимое воздействие на наших детей, внуков, на наших далеких потомков, на судьбы тысяч и десятков тысяч, а возможно, и миллионов людей будущего, потому, что и наша личная история

начинается не со дня нашего рождения, но имеет более глубокие истоки, уходя далеко в глубь веков, к тому времени, когда раса или нация, к которой мы принадлежим, только формировалась, а может быть, и еще раньше; и каждый шаг наших предков, все, к чему подводила их жизнь или собственные страсти, продолжает и тысячелетия спустя отражаться на нашем сегодняшнем бытии. Жизнь в каждую эпоху правят объективные, присущие только данной эпохе законы, но существует и незримая духовная связь между нами и нашими предками, между нами и нашими далекими потомками, потому что по этой земле, по которой ходим мы сейчас, ходили и наши предки, благодаря которым мы появились на свет, и будут ходить наши потомки, которые благодаря нам будут являться на эту землю в грядущем. Какими будут они, какой будет их жизнь некоторым образом зависит от нашей сегодняшней жизни, потому что причина содержит в самой себе и условие. Судьба каждого человека, хотя бы отчасти, формируется гораздо раньше, чем он является на свет, и если это так, то на каждом из нас лежит величайшая ответственность перед всем человечеством, поскольку наши сегодняшние поступки находят отклик в далеком будущем. Тот, кто ощущает в себе эту внутреннюю ответственность, какой бы незначительной личностью ни казался он на общественном поприще, пусть всеми забытый и не оцененный, все-таки есть достойнейший из достойных, а того, кто думает, что после него пусть хоть камня на камне не остается, разумеется, трудно признать человеком, хотя бы потому, что истинная человечность — преодоление животного — в природе самого человека.

К сожалению, на жизненном пути я встречал немало по-настоящему одаренных и просвещенных людей, которые не вылезали из скорлупы личных, низменных, эгоистических интересов и не имели за душой ничего, кроме мелкого честолюбия. Умеренное честолюбие необходимо для достижения успехов в любом деле, но неистовое, переходящее всяческие границы честолюбие, когда не помнят ни о чем, кроме собственной персоны, и ни на что не обращают внимания, вызывает неодолимое отвращение. Видимо, главное — внутреннее, духовное кредо человека, а не так называемое просвещение. По-настоящему сильный и прямой человек не должен бояться своих слабостей. Отрицание слабости вытекает опять-таки из слабости, подтверждает ее, тогда как признание слабости есть бесспорное проявление мужества...

Увлечшись этими бессвязными мыслями, я почему-то вспомнил батони Давида, отца Вахтанга. Может быть, потому, что в последнее время жизнь его представлялась мне насквозь фальшивой. Я бросил окурок в урну и посмотрел на ту сторону проспекта, где милиционер свистком остановил легковую машину и требовал у водителя права. Заглядевшись, я налетел на прохожего. Смуглый мужчина в очках, до того, видимо, спокойно читавший на ходу газету, недовольно взглянул на меня. Худой — он был, — в чем только душа держится, но со значком мастера спорта на пиджаке. Интересно, каким спортом он

занимается? Наверное, шахматами. Он опустил газету. Я извинулся и продолжил путь.

Батони Давид был литератором, довольно известным писателем...

У театра Руставели я остановился. Пока просматривал афишу, снова увидел того шахматиста, с которым столкнулся минутой назад. Он брел, опять-таки уткнувшись в развернутую газету, и было вполне вероятно, что этот страстный читатель снова налетит на кого-нибудь. Из сберкассы вышел пузатый гражданин, такой надутый — вот-вот лопнет от важности, жадно считая на ходу деньги. Внешностью — вылитый мясник, но в роскошном костюме, при дорожных часах с широким золотым браслетом на левом запястье. Поплевывая на жирные пальцы, он проворно перебирал хрустящие ассигнации. Потом, смяв пачку в кулаке, небрежно, но глубоко засунул ее в боковой карман брюк. Когда денежный туз пересек тротуар и с большим трудом залез в новенькую «Волгу», я снова обратился к афише, но не обнаружил ничего интересного. Я никогда не был завзятым театралом, но все-таки соскучился по театру. Припомнилось ощущение неловкости, которое всегда овладевало мной в самом начале спектакля. Мне казалось, что актеры безбожно кривляются, что взрослые люди, ничуть не стесняясь, представляются как маленькие дети. Но постепенно меркла грань между условностью и действительностью, и если пьеса была хорошей, я входил во вкус, невольно увлекался представлением, и бесследно исчезало ощущение фальши, которое испытывал я в самом начале спектакля. На память пришло, как дотошно разбирали каждую новую пьесу в семье Вахтанга. Когда у них собирались гости, театр служил весьма удобной темой для застольной беседы. Дом батони Давида вообще отличался щедрым гостеприимством. Кого только ни увидишь там: известных писателей и поэтов, приезжих из разных уголков страны, а часто и из-за рубежа. В богато обставленных комнатах и в огромном кабинете хозяина вечно не умолкали разговоры о высоких материях. Этот кабинет был украшен с таким вкусом и тщанием, что больше походил на музей, чем на рабочую комнату. Сам хозяин так представительливо восседал в покойном, мягком кресле, что я иногда сомневался, как может что-нибудь творить столь беспечный и благополучный человек? Мне почему-то представлялось, что для творческого труда нужно больше свободы, простоты и немного беспорядка. А здесь и книги выстраивались на полках, как музейные экспонаты; дорогой письменный стол, к которому боязно прикоснуться, как бы ненароком не испортить чего-нибудь, скажем, не поцарапать его зеркальной поверхности, дорогие авторучки, требующие сугубой осторожности в обращении, просто отпугивали человека. Раньше, когда семья Вахтанга жила по соседству с дядей Илико, все было намного скромнее, и если батони Давид что-то создал, он создал это там, в старой квартире. По-моему, душа творца от комфорта обрастает жиром, хотя я слышал от Шалвы Дидимамишвили, что композитору Рихарду Вагнеру необходим был комфорт, комфорт вызывал в нем творческое вдохновение, а в иных условиях Вагнер не мог работать. Ра-

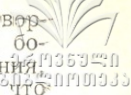
зумеется, для творчества недостаточно только карандаш и бумага, но я отчетливо видел, что в последнее время батони Давид больше печется об упрочении своего материального положения, чем о будущих произведениях. Он почти ничего не пишет, только хлопотал о переиздании давно написанных книг да о переводах их на другие языки. Поэтому он с распростертыми объятиями принимал каждого переводчика и всех тех, кто мог поспособствовать в этом деле. Чего он добивался этим? Кахе казалось, что ничего. Но можно ли считать ничем обеспеченность? Благоустроенная квартира в лучшем районе города, собственная машина, дача, имя, популярность, всяческие привилегии... Каха утверждал, что для истинного творца все это мизантро, не имеющая никакого значения. Вообще мой друг с чрезмерной крайностью подходил к каждому вопросу. По его мнению, настоящий творец должен походить на святого. Святой же непременно должен быть чист и девствен.

Что касается святых, то я не разбирался в этом вопросе, но писателю и художнику ничто человеческое не должно быть чуждо. Они же не святые? Вместе с талантом для них обязательны и ошибки, и опыт. Но вот что не прощается их брату, это фальшь и ложь. Если ты носишь имя писателя, ты должен сказать что-то свое, должен служить правде, истине, а не какой-нибудь иной цели, ибо от тебя ждут только правды...

В оценке батони Давида Каха проявлял чрезмерную жестокость. По его мнению, отец Вахтанга не интересовался ничем, кроме денег и барахла. Мой друг не думал о том, что, прежде чем добиться нынешнего благополучия, этот человек вынес жестокую борьбу. Что же удивительного, что он, как всякий человек, дорожил завоеванным благополучием?

Каха знает, так ли уж был доволен всем батони Давид? Правда, он мнил себя непревзойденным литератором и только свои произведения считал достойными пристального внимания, но...

Но какова цена уважению тех людей, которых ты сам ни во что не ставишь, мнение которых по многим вопросам совершенно не разделяешь? Мне кажется, что в глубине души батони Давид все-таки был недоволен собой, потому что он не мог хотя бы один раз не почувствовать, что в своем литературном труде он топчется на одном и том же, давно вытоптанном месте, и раздражался от неспособности продвинуться вперед. Несомненно, из этого раздражения и бесплодия вытекали его странная, мелочная зависть и скептицизм по отношению к собратьям по перу. В книгах своих коллег он прежде всего выискивал слабые стороны, а обнаружив, заметно ликовал, как будто изъяны других свидетельствуют о наших достоинствах. Стоит ли говорить, что он никогда не позволял себе публично выражать свои чувства из осторожности, из опасения испортить кое с кем отношения, но в домашнем кругу недвусмысленно проявлял полное безразличие к труду своих товарищей по литературе. Успехи других его не радовали, из чего можно было заключить, что он любил не литературу, но те блага, которые получал по ее милости. Зато все свои духовные силы он вкладывал в иную сферу, старался жить безбедно и беззаботно, а

это отнимало массу нервной энергии, необходимой для творчества, и чем больше иссякал его духовный источник, тем богаче становился он, тем больше приобретал вещей и влияния, создавал дутое имя в массе несведущих читателей, потому что за эти годы поднялся на такую высоту, снискал такой авторитет, что никто не отваживался публично заявить о слабости его произведений. Он много лет уже не писал ничего интересного, но что бы ни появлялось в печати под его фамилией, все единогласно заявляли, что последнее его творение представляет собой значительный вклад в нашу литературу. Как же приводил в пример некоторых деятелей прошлого, которые в силу ряда причин не были по достоинству оценены современниками, но затем заметно превзошли славою виднейших авторитетов их эпохи. По всей вероятности, слава — это нечто такое, о чем истинный творец не должен хлопотать и заботиться, слава должна приходиться сама собой, и хотя прижизненное признание окрыляет творца, ничуть не обременяя его, главное все-таки не оно, главное — честный труд, потому что в большинстве случаев именно в труде человек находит истинное удовольствие. Остальное тебя не касается. Ты должен только добросовестно служить своему делу. Иной цели нет и быть не может, если ты действительно любишь дело, которому служишь. Но батони Давид нянчился со своим именем, как левца с новорожденным детенышем. Между тем он прекрасно устроился, помог сыну сделать блестящую карьеру, повозил его по разным странам. Только на свое жалование Вахтанг не смог бы жить с таким размахом, но сейчас у него был прекрасный оклад, перспективное, как говорят, будущее и прелестная супруга — Софико...

Я знал, что Вахтанг великолепно устроился. Чем же в таком случае мог быть недоволен батони Давид? Но по словам Кахи, он прежде всего был творцом, то есть человеком, пытающимся проникнуть в глубь вещей и явлений; а если к тому же он действительно был одарен талантом и умением созерцать, без чего творец немислим, невозможно, чтобы он хотя бы подсознательно не ощущал убожества собственного бытия, ибо где-то в сокровеннейшем уголке души главным для него оставался все-таки творческий успех, а не, скажем, карьера. Трудно сказать, кто и какую цель ставит перед собой, когда берется за перо, но одно совершенно ясно: как бы мы ни обманывались на свой счет, мы лучше всех знаем, чего мы стоим. Некоторые, кому эта правда не по душе, всячески борются с ней, прибегая к разным ухищрениям и уловкам. Иногда закрывают глаза, чтобы не видеть нежелательного, но реальность берет свое. Разве борьба с реальностью имеет какой-нибудь смысл? Не лучше ли сделать эту реальность такой, чтобы не стыдиться ее?

Однако подобное желание присуще далеко не всем, оно не столь выгодно. Некоторые предпочитают закрыть глаза и изображать, что угодно. Скажешь, я гений — будешь гением. Скажешь, великий патриот — будешь великим патриотом. Короче говоря, мни себя кем угодно, им и будешь, необходимо только покрепче зажимуриться да заткнуть уши. Милостью этого способа муж моей тетки воображал себя непревзойденным

ученым. Но и он был человеком того же типа, что и Батони Давид, больше всего любил блага, которыми обеспечивал его имя ученого. В те годы сплошная фальшь окружала меня. Меня прямо выворачивало, когда я наблюдал, как в этих серьезных по виду семьях до двух часов ночи, бесконечно дымя, пили чай или кофе и неутомимо болтали о культуре, науке, об искусстве и родине, хотя не нужно было большой прозорливости, чтобы понять, что все это — и наука, и родина — понадобилось им, чтобы убить время, чтобы скрыть собственную никчемность, и все это переливание из пустого в порожнее никому не приносило пользы. И мне невыносимо хотелось покинуть этот город, уехать куда-нибудь, в деревню, стать земледельцем, единокровным сыном природы.

Я поравнялся с оперным сквером и обратил внимание на собравшихся там ребят. Одни, спокойно беседуя, сидели на длинных скамьях, зато другие так громко сквернословили, что их голоса достигали улицы и прохожие недовольно оглядывались. Пожилой мужчина в берете, одетый опрятно, хотя и несколько старомодно, прогуливающий крохотного мопса на длинном поводке, остановился, поправил пенсне и, заложив руки за спину, уставился на ребят. Некоторые из них в самом деле вели себя в этом общественном месте так, будто находились в пустыне Сахаре, где кроме них не было ни души. Я видел, как один симпатичный парень выхватил что-то из рук другого и бросился наутек. Приятель, разумеется, погнался за ним. Как озорные дети носились они вокруг фонтана. Первый хохотал от души, а потерпевший, стараясь схватить его, грозил и нес похабщину, догнав же, отвесил несколько тумачков. Все это, разумеется, делалось в шутку. Мужчина в берете и пенсне молча следил за их возней. Потом так же спокойно повернулся и пошел прочь со своим смешным песиком.

Я наклонился над фонтанчиком и напился. Перед оперой стоял народ, ожидавший троллейбуса. Мне почему-то вспомнился дедушка. Он, даже будучи моложе этих парней, наверное, не позволял себе подобных выходов. Не представляю, чтоб он мог у кого-то что-то выхватить, а если бы у него что-то вырвали из рук — по-моему это совершенно исключено — изумлению его не было бы границ. Ветреность и легкомыслие этих юношей никак не вязались с обликом моего деда. И речь его отличалась степенностью, не то что у меня и моих сверстников. Театр, искусство, литература, наука представлялись ему чрезвычайно серьезными, святыми понятиями, и, отбросив остальные причины, только из уважения к ним он бы, наверное, не позволил себе носиться и гикать в этом сквере. Разумеется, те юноши собрались здесь не из любви к театру; я отлично понимал, что сейчас другая эпоха, и совершенно не собирался обвинять этих лоботрясов. Всею есть свои причины. Может быть, они вовсе не были такими бездельниками и шалопутами, как казалось со стороны. День был воскресный, и, вероятно, им негде было собраться, кроме этого сквера. Кто знает, может, и среди них находился какой-нибудь серьезный, одаренный юноша, который задумывался о многом в этой жизни, но вы-

бранная ими форма развлечений не вызывала у окружающих особого восторга. Возможно, подобные забавы вовсе не нравились ему, но он все-таки участвовал в них, потому что очень трудно отделаться от привычек того круга и поколения, к которому ты принадлежишь. Дед мой жил в иное время и был воспитан по-иному...

Я шел по проспекту, и перед глазами стоял портрет моего деда в молодые годы, тот самый, который бабушка почтительно поместила на первой странице своего старинного, обтянутого черным бархатом альбома. На этой фотографии дед выглядел гораздо старше своих лет, вероятно, из-за усов и бороды, которые носил в молодости. Войдя в лета, он стал бриться и усы укоротил, потому что мода изменилась. Особая манера держаться смолodu придавала ему серьезный и зрелый вид. Степенность, спокойствие, такт и уверенность в себе отличали деда и его друзей. Во всяком случае, мне так казалось. Из уст деда я не помню ни одного бранного слова. Среди дедовского окружения мне больше всех запомнился Элизбар. После смерти дедушки он часто заходил к нам. Это был представительный, остроумный и располагающий к себе старик. Он жил напротив оперы, на улице Чавчавадзе, в старинном доме с широким, деревянным балконом по всей длине, как было принято строить в старом Тбилиси. Потом жильцы, с целью расширения площади, застеклили этот балкон, понастроили там кухонь и кладовых, но Элизбар и не помышлял ни о чем таком. Единственная незастекленная часть во всем дворе осталась только у него. Наш старик не нуждался ни в кухне, ни в кладовой, он был одинокий, поэтому никогда не столовался дома. В обед он неизменно отправлялся в ресторан гостиницы «Интурист», которую называл прежним названием «Ориант», точно так же как и бывшую духовную семинарию, ныне Музей искусств, называл «Палас-Отелем». Он так привык. Старые названия казались ему более удобными, хотя меня его привычка порой сбивала с толку и я не сразу мог понять, о чем идет речь.

В том старинном доме он занимал одну просторную комнату. В углу ее стояла широкая тахта, заваленная мутаками и подушками. Со стены спускался длинный персидский ковер, на котором красовались увеличенные портреты Ильи Чавчавадзе и Ивана Джавахишвили, а также различное оружие — старинные, изогнутые полумесяцем турецкие сабли, длинные, обоюдоострые русские клинки, тяжелые, грубые и нестигаемые; легкие, гибкие, самые жалающие и прочные грузинские шашки, а рядом с ними всевозможные кинжалы — черкесские, дагестанские, персидские, грузинские; оправленные в серебро пистолеты и инкрустированные кожей кремневые ружья. В комнате пахло стариной, точно такой же запах минувшего века, казалось, исходил и от самого Элизбара. Он напоминал мне оживший дагерротип. Круглый год не снимал он рыжей черкески с серебряным поясом и мягких азиатских сапог. Зимой этот наряд довершали длинная бурка и башлык, которым он повязывал голову. У Элизбара были густые, волнистые седые волосы, закрученные сверху белые усы, высоко приподнятые черные брови, орлиный нос, степенные жесты и надменный гордый взгляд.

Истинный аристократизм отличал его, и я любил этого много перенесшего старика. Врожденная гордость в сочетании с обычной простотой восхищали меня. Где бы он ни появлялся, все провожали его глазами. В детстве, завидев его на улице, я старался погромче поздороваться с ним, потому что иногда он мог не заметить меня. Элизбар непременно протягивал мне руку, гладил по голове и почтительно разговаривал со мной, расспрашивая о домашних делах, интересуясь, куда я иду, а если бывал не один, то обязательно представлял меня своему спутнику:

— Этот юноша, милостивый государь, внук нашего Симона, — и каждый раз с ласковой улыбкой добавлял: — Настоящий мужчина растет! — или: — Весьма одаренный юноша!

Я таял от его простых похвал, не в силах скрыть радости, и ужасно гордился, что и на меня, идущего рядом с Элизбаром, все обращают внимание.

Сейчас на улицах Тбилиси уже не встретишь подобных стариков, но в годы моего детства они при полном параде прогуливались, бывало, по проспекту Руставели. Некоторые вместо черкесок носили длинные рубахи навыпуск со стоячим воротничком, перехваченные в талии тонким поясом, галифе, мягкие сапожки, папахи. Одежда эта была старинной грузинской и вызывала уважение хотя бы тем, что являлась последним проявлением внешней самобытности. Но находились и такие люди, которых не только не интересовало, но буквально выводило из себя любое прикосновение к старине. По мнению супруга моей тетки, все грузинские церкви следовало бы давно снести за ненадобностью. Он иронично и пренебрежительно относился к Элизбару, видя в нем человека старой закваски, а в верности черкеске, архалухи и дедовским традициям — азиатскую отсталость. Прогресс он понимал как одни внешние изменения, и если искореняли какой-нибудь вековой, мудрый и благородный обычай, он радовался, находя в этом знамение прогресса. Все новое казалось ему более привлекательным и удобным. Элизбар прекрасно чувствовал ироничное отношение этого прогрессиста и сам с насмешливой улыбкой относился к увлечению того всеми новшествами и полному пренебрежению прошлым, но это не мешало старику часто приходиться к нам. Он считал себя обязанным не порывать с нашей семьей, ибо это была семья дочери его старинного друга Симона.

Как я любил, когда Элизбар гостил у нас. Он садился и долго, степенно рассказывал что-нибудь, вспоминал старые истории, иногда живописал свои приключения — много горя довелось хлебнуть ему на жизненном пути. Особенно любил он говорить об истории Грузии. Знание прошлого своего народа представлялось ему тем фундаментом, на котором должно строиться уважающее себя, крепкое в национальном самознании, борющееся за интересы нации общество. Затаив дыхание ловил я каждое его слово, и мне часто казалось, он обращается ко мне, старается для меня, пытается пробудить у меня интерес, когда увлеченно рассказывал о подвижниках прошлого, о героических деяниях великих грузин. Мне думается, что он старался не напрасно. Его слова западали мне в душу.

разжигали неосознанное еще в том возрасте чувство любви к отчему краю. Сейчас, когда я вспоминаю прошедшее, меня уже не удивляет, почему не могли найти общий язык Элизбар и муж моей тетки. Теткиному супругу казалось, что недалеко тот день, когда все народы сольются в один и заговорят на одном наречии. Элизбар даже слушать не желал об этом.

— Я уважаю каждую нацию, но любой нормальный человек в первую очередь любит свою и каждый честный гражданин прежде всего печется о благополучии собственного народа. Так было испокон веков и так будет всегда, — спокойно рассуждал Элизбар.

— Хм, — ухмылялся теткин муж, — эти взгляды весьма обветшали, мой Элизбар.

Элизбар был неисправимым идеалистом, в молодости пустившим на ветер свое имущество — поместье разделил между беднейшими соседями и родственниками, большую часть состояния отписал на благотворительные цели, потом пожелал повидать мир и объездил его почти весь, но любовь его к отечеству отнюдь не уменьшилась. Вернувшись на родину, он сразу не сумел разобраться в происходящем, однако духом не пал, не было денег — жил в жесточайшей экономии, были — обедал в «Орианте». О материальном благополучии он никогда не заботился. Дружба, верность, самоотверженность — вот единственное, чем он руководствовался в жизни. Никогда не терял душевной стойкости. Несмотря на многочисленные удары судьбы, он не менялся. В каждом его поступке, в каждом слове сквозила величайшая вера в самого себя, любое испытание он встречал подготовленным, ибо не знал, что значит сомневаться в самом себе или в порядке собственной жизни, внутренние противоречия, вероятно, не мучили его. Он был твердый и цельный человек. Его убежденность не содержала и следа сомнения, поэтому ему чужды были упрямство и поза, он умел быть хорошим рассказчиком и внимательным слушателем. Некоторые из кожи вон лезут, чтобы заслужить хотя бы часть того уважения, которое Элизбар приобрел походя. Даже муж моей тетки, за глаза посмеивавшийся над некоторыми привычками и мыслями старика, тем не менее относился к нему с почтением. Чем иным была вызвана эта почтительность, если не подспудным уважением личных и человеческих качеств старика?..

И неожиданная грусть охватила меня, беззаботно идущего по улице. Вот если бы кто-нибудь, похожий на Элизбара, находился рядом со мной в детские и отроческие годы! Ведь в это время мы больше всего нуждаемся в степенном советчике, умудренном жизненным опытом старшем друге, слова которого укрепляют дух, укрепляют надежду и указывают путь. А я жил, как в пустыне, не находя вокруг ни одного надежного и достойного человека, а тем более такого, которому хотелось бы подражать. Из взрослых я любил и уважал одного Арчила, но о нем, как и об Элизбаре, сохранились только детские воспоминания, а те, что окружали меня потом или встречались на жизненном пути, не вызывали должного почтения. Это не радовало меня. Но когда я переходил улицу перед строем машин,

ждущих зеленого света, то стал успокаивать себя, что в жизни всегда чего-то недостает, человек борется не только с внешним миром, но и с самим собой. Я достал из кармана сигарету, закурил и остановился у витрины книжного магазина. Окинув взглядом книги за стеклом, я сразу ощутил облегчение, что вовремя унес ноги из этого шумного города. В моей глухой деревушке у меня было и время, и желание читать, я уже не вертелся белкой в колесе, как городской житель.

Книги аккуратно стояли на полках. Я разглядывал их и думал, что и они — результат чьей-то внутренней борьбы. Внутренняя борьба, возможно, менее заметна, но куда более напряженна. «Кто знает, — последовал я за своей мыслью, глядя на книги, — может быть, внутреннее состояние, настроение, мировоззрение влияют на человека и даже на судьбу целой нации не меньше, чем внешнее на внутреннее, только внешнее влияние более заметно?»

Легко разрушить могущественное государство. Почему мои предки не сумели сплотиться и восстать из пепла, подобно фениксу, неужели всему виной только внешние враги? Может быть, помимо исторических, объективных обстоятельств, существуют и чисто субъективные причины, специфические особенности национального характера? Если верить известному историку и географу Вахушти Багратиони, грузины были «в походах храбры, оружейнолюбивы, отважно-смелы, славолюбивы так, что ради своего имени не остановились бы причинить досаду родине и природному своему царю...». Наверное, поэтому и не сумели мы сплотиться, объединиться под знаменем отечества. Поэтому и заблуждались в выборе друзей и врагов, часто преклонялись перед теми идолами, от которых надо было отречься. Мы равнодушно наблюдали за деяниями достойнейших сынов нашей родины, безо всякого сочувствия и поддержки относясь к ним, словно борьба, которую вели эти одиночки, не касалась остальных, не служила благополучию всей нации. Одиночки бессильны что-либо изменить, если национальное самосознание не проникло в кровь и плоть масс...

Около меня остановился коренастый мужчина и попросил огонька. Я дал ему прикурить. Он затянулся и посмотрел на книги в витрине. Судя по внешности, никогда не скажешь, что он умеет читать и писать. Я бы с удовольствием купил пару книг, но магазин сегодня не работал, и я двинулся дальше. Народ непрерывной толпой тек по проспекту. Я шел, и навстречу мне попадались «... мужчины и женщины прекрасны, статны, с черными глазами, бровями и волосами; они белолицы, редко бывают смуглы и желтокожи... Волосы у женщин спущены и заплетены, у мужчин подрезаны у ушей. Они с талиями тонкими, особенно женщины, редко же с толстыми. Они энергичны в труде, терпеливы в лишениях, на коне и в коннице смелы, проворны и быстры... Гостеприимны, любят чужеземцев, жизнерадостны. Если их бывает вместе два или три, лишения им нипочем, щедры, не щадят ни своего, ни чужого, сокровищ не копят; благоразумны, быстро-сообразительны, усваивающие, любят учение. Впрочем, с некоторого времени уче-

нием называют только чтение книг, письмо, пение церковное и светское и военную службу... Они уступчивы, помнят добро и за добро воздают добром, стыдливы, к добру и злу легко соглашаются, опрометчивы, славолюбивы, вкрадчивы и обидчивы»¹...

Я шагал, любуясь проходящими мимо горожанами. Я любил их, но сердце мое щемило, и грусть напомнила мне, как у меня в первый раз родилось желание убежать из этого города...

Тот апрель был солнечным. Сидя у окна, я глядел на наш маленький, уютный дворик. Промко чирикали воробьи, облепившие ветки стройного кипариса. Пухлые соседские мальчишусердно ковыряли землю игрушечными лопатками, наполняли ею зеленые ведерки и старательно тащили их в другой угол двора. Дети со всей серьезностью занимались своим делом, а с четвертого этажа доносились звуки рояля.

...И вот в тот день, когда, сидя у окна, я смотрел на малышей, странная тоска сжимала сердце. Звуки рояля нагоняли горькие мысли, что этих невинных детей ожидает трудная, сложная жизнь. День этот губоко запал в память. Помню, как раздался звонок. Наверное, тетка пришла, — подумал я, выходя в переднюю, спокойно открыл дверь и вздрогнул от неожиданности — оборванный, смуглый мужчина лет пятидесяти, с потертым и жалким лицом, протягивал ко мне руку:

— Ради бога, будьте милостивы, подайте кусочек хлеба!

Я вернулся в комнату, достал из буфета большой кусок грузинского хлеба, нащупал в кармане двугривенный, положил на хлеб и подал нищему. Тот всячески благословил меня. Судя по выговору, это был цыган. Я запер дверь и, скрестив на груди руки, остановился посреди комнаты, глядя в пространство. Почему я пожалел ему больше двадцати копеек? Ведь у меня были деньги. Но он просил хлеба, видимо, это и сбilo меня с толку. Хотя хлеб просят самые нуждающиеся. Голоден, верно, был этот несчастный. Настроение у меня испортилось, сентиментальность одолела, и в полдень, когда Каха принес билеты на футбол — в тот день открывался сезон, — перед моими глазами снова встало измученное лицо цыгана. Однако от футбола я не отказался, желание получить удовольствие не исчезло. Я тщательно поборился, надел белоснежную сорочку, Каха помог мне завязать галстук — затянул его, облачился в темно-синий костюм, который выглядел как новенький, надел черные туфли и довольный собой остановился перед зеркалом.

— В кинозвезды метишь? — насмешливо, но при этом как бы подбадривая меня, улыбнулся Каха.

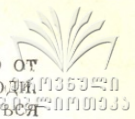
Мне стало приятно от его слов, но лицо давешнего нищего снова возникло перед глазами. Я, видите ли, прихорашивался перед зеркалом, а в его душе, наверное, стоял непроглядный мрак. И все же...

¹ Из книги Вахушти «География Грузии» (Тифлис, 1904).

— Что поделаешь?! — пожимая плечами, ответил я Кахе и самому себе.

Мы вышли на улицу. Стоял солнечный апрель. Все уже ходили без пальто. Некоторые на всякий случай носили с собой перекинутые через руку плащи, а на том нищем было теплое старое пальто и изношенная донельзя кургузая меховая шапка, которая не могла скрыть давно не стриженных густых черных волос. Солнце создавало праздничную атмосферу на улице, все прохожие казались веселыми и беззаботными. Прилегающие к стадиону улицы были полны народу. С моста Челюскинцев я взглянул на Куру, на автомашины, снующие по набережной. Вдали вырисовывались блеклые контуры гор. Над стадионом реяли флаги, и я чувствовал, как волнение подбирается ко мне. Вздурораженная толпа, разноцветные флаги, трепещущие в вышине, зеленое поле, заполненные трибуны пробуждали во мне странное ожидание, словно сейчас начинался не футбол, а нечто большее, сложное, как сама жизнь; глядя на пустынное до времени поле, я старался угадать, в какие ворота влетит первый мяч, как закончится игра, какая половина поля окажется роковой для той или другой команды. Просидев два часа на этой самой трибуне, я узнаю все это, но предугадать сейчас, до начала игры, наврное, было невозможно. Я смотрел на волнующихся болельщиков. До известной степени жизнь каждого из собравшихся здесь походила на футбол, на матч, растянувшийся на десятилетия, когда годами торчишь перед пустыми воротами, ждешь точной передачи и, если повезет, получишь мяч и забьешь гол. Или, наоборот, не получишь ничего или не сможешь воспользоваться выгодным моментом, ситуацией, будешь бить мимо цели, а второй такой возможности тебе не представится; когда ежесекундно смеются друг друга временные удачи и неудачи; когда часто слышишь свисток судьи — глашатая определенного решения то в твою пользу, то в пользу противника; когда за минуту до конца неясно, чем завершится матч, а иногда результат его ясен заранее, но ты все-таки продолжаешь игру, до последней секунды придержишься ее правил, потом слышишь финальный свисток — все, игра окончена, ты обязан покинуть поле...

Я уже не помню результата той встречи. Вероятней всего, наши выиграли, потому что мы вышли со стадиона в приподнятом настроении. Стоял прекрасный апрельский вечер. Воздух был пропитан ароматом цветущих акаций. Незаметно сползшие с гор сумерки осыпали город мириадами мерцающих огней. Разморающее тепло разлилось по улицам. Счастливые болельщики расхаживали по домам, где каждого ожидали свои заботы. Нас было четверо — я, Каха, Вахтанг и Парнаоз. По проспекту Руставели прогуливались толпы народу. Прелестные девушки, как ожившие после зимы лани, пронеслись мимо нас. Нам захотелось продлить удовольствие, захотелось любви этих стройных, длинноногих девушек, но кто преподнесет нам таких красавиц? Выпить — гораздо проще. Вахтанг и Парнаоз ненадолго испарились, достали где-то денег, и мы завернули в ресторан «Тбилиси». Огромная люстра сверкала так ослепительно, как будто весна вошла и в это здание. С эстрады гре-

мела музыка. Приятным ароматом вин и шашлыков тянуло от каждого столика, за которыми расположились веселые люди. Пьяный верзила, раскинув саженные руки, пытался пуститься в пляс перед эстрадой, но друзья повисли на нем, не давая развернуться. Я пробирался вслед за ребятами, приметившими свободный столик. Чей-то бас окликнул меня по имени, я обернулся, увидел в центре зала приветственно вскинутую руку и узнал Ладо, старого друга моего дяди Арчила. В свое время этот Ладо был известным борцом, многократным чемпионом мира, красой и гордостью грузинского спорта. В настоящее время он являлся скульптором и архитектором, но его искусство значительно уступало былым спортивным достижениям, за которые вся Грузия по сей день знала и уважала его. Когда я подошел, он — успевший уже изрядно напружиться — по обыкновению стиснул меня в объятиях и расцеловал. Потом придвинул стул, усадил меня рядом с собой и представил со- трапезникам:

— Племянник Арчила, друга моей юности. Вот это был парень! Мы вместе отправились на фронт, вечная ему память!

И предложил всем выпить за моего дядю. За его столиком восседали денежные тузы, это ощущалось по их сытым физиономиям: людям с большим карманом всегда присуще особое выражение лица — дерзкое, надменное, хищное, чем они сразу отличаются от робкого бессребреника. Все с почтением выпили за Арчила, разумеется, только из уважения к тамаде, до этой минуты никто из них, вероятно, не знал моего дядю и имени его не слышал. Он погиб совсем молодым. Невольно я поглядел на Ладо и удивился, что этот седовласый мужчина — сверстник моего юного, боготворимого дяди, тогда как мне самому исполнилось столько же лет, сколько было Арчилу.

Тем временем Ладо преподнесли десять бутылок вина от соседнего столика. Как обычно, взоры всего зала были обращены на Ладо, будто все присутствующие домогались его внимания. Мне казалось, что многие завидуют мне. И эти бутылки прислали специально, чтобы Ладо заметил их, и хотя немного представления, кто такие были его почитатели, он все-таки с чувством произнес в их честь громогласную здравицу, предварительно спросив у одного из приятелей: «Что это за люди?». А неизвестные благодетели, покинув свой столик, с полными стаканами в руках окружили нас. Конечно, и нам пришлось подняться, согласно ритуалу. Вот тогда и выяснилось, что кто-то из них где-то и когда-то сиживал за одним столом с Ладо. Та компания сочла это обстоятельство достаточным поводом для того, чтобы прислать вино, а затем и самим присоединиться к нашему застолью. Они наперебой объявляли себя поклонниками таланта и искусства Ладо. Разумеется, Ладо был достоин всяческого уважения, но стоило посмотреть, что бы прислали ему, не сияя над ним ореол чемпионских званий. Как художник Каха талантом намного превосходил Ладо, но он скромно сидел где-то в уголке позади нас, и ни один человек в этом зале не подозревал о его существовании. Впрочем, эти люди не имели ни малейшего представления также о таланте

и работах Ладо, искусство вообще не интересовало их. Они льнули к нему как к популярной личности, известному борцу и кутиле.

Я выпил за здоровье всех присутствующих и откланялся. Когда я проходил по залу, многие провожали меня любопытными взглядами. Подвыпившие друзья ворчали, что я так надолго застрял за чужим столом, но через несколько минут нам принесли десять бутылок вина, и от их недовольства не осталось и следа.

— Это вам от друзей Ладо, — поклонился официант. — Вы будете Тархудж, не так ли?

Мне стало смешно. Ради чего старались эти достойные мужи? Верно, думали потрафить Ладо. Я был еще трезв и прекрасно понимал, что широкий жест незнакомых людей являлся хитроумным проявлением своеобразного подхалимства.

Мы выпили по несколько стаканов. Гудел ресторан, гремела музыка, вино и весна дурманили голову. За одним из столиков я заметил известного рецидивиста, парня моего возраста. Звали его Гиви. Я знал в лицо этого субъекта, на счету которого числилось несколько раненных ножом, и, чтобы не тратить лишних слов, добавлю одно — от него можно было ожидать любой подлости. Я удивился, обнаружив его здесь, потому что был уверен, что он сидит в тюрьме. Последний раз он смертельно ранил кого-то, но, видимо, врачи спасли его очередную жертву, и, как это часто бывает, Гиви помиловали. Окруженный собутыльниками, он поглядывал вокруг грозным и мутным взором. Даже улыбка его была неприятной, но все за столом так лебезили перед ним, словно лицеизрели выдающуюся личность, знаменитую добрыми делами, а не прожженного головореза. Я посмотрел на Каху. Держа в руках изрядный кус шашлыка, он грыз непрожаренное мясо. Дремлющая в углу уборщица не могла дожидаться, когда закроют ресторан и разрешат ей уйти домой. Лица кружились передо мной, будто я сидел на карусели.

Наш пир продолжался. Мы уже покочили с половиной присланных бутылок. Народ постепенно расходился, столики пустели. Время от времени гасили верхний свет, потом закигали снова — знак, предупреждающий о закрытии ресторана.

Ладо вдруг пригласили к тому столику, где восседал этот подонок Гиви. Мне почему-то захотелось вместе с Ладо пинками выгнать эту свору из зала. В конце концов все смешалось: дружки Гиви подскочили к нам, пригласили нас за свой стол, всучили стаканы, пили за наше здоровье, и мы пили за них, кто-то обнимал меня, клянясь в вечной любви и дружбе. Ладо ревел в потный голос. Парнаоз целовал Гиви как любимого брата. Вахтанг кому-то изливал душу, только Каха держался в стороне, спокойно и насмешливо глядя на эту картину. Один из Гивиных собутыльников, преждевременно облысевший парень с коварным лисьим лицом, назвавшийся Тамазом, воспылял ко мне исключительной любовью. Его настороженный взгляд и угодливая улыбка, характерная для подхалимов, вызвали во мне жалостливое чувство, я жалел его за то, что он был лстецом. Может быть, он и сам не хотел или ему не

нравилось быть льстецом, но что поделаешь, он был создан таким. Я обнял его, будто хотел ободрить, хотя сам не вполне понимал, почему он нуждается в моем ободрении, и так, забывшись, мы вышли из ресторана. Впереди, бая на всю улицу, шествовал Ладо. Парнаоз, повиснув на руке Гиви, не молчаливая, клялся ему в любви и преданности. Поведение Парнаоза мне не понравилось.

— Оттащи его от этого типа, — сказал я Кахе.

— От какого?

— От Гиви или как там зовут эту мразь?!

Но тут все мы распрощались. Ладо сел в машину и укатил. Тамаз расцеловался со мной, выразив надежду на скорую встречу, улыбнулся своей угодливой улыбкой и присоединился к Гиви.

Друзья мои тоже отправились по домам, и я остался один.

Было очень поздно. На улице — ни души. Я застегнул пиджак на все пуговицы, поправил галстук, сунул руки в карманы брюк и медленно пошел домой. Меня слегка пошатывало. Теплая апрельская ночь навевала смутную и приятную грусть. Латунная луна светила над городом, длинные облака плыли от Нарикалы к горам Коджори. Весенний ветерок, нежный и легкий, как дыхание красивой женщины, мягко, ласково касался молодой листвы... Опустив голову, я шагал, радуясь тишине. После ресторанного гвалта она успокаивала нервы. Из темных садов доносился птичий щебет. Я глядел под ноги. Свет, падавший из витрин, освещал тротуар. Каждый мой шаг сокращал время этого неожиданного и странного блаженства, мне не хотелось уходить с улицы, но надо было идти домой и ложиться спать. Потом какая-то машина пронеслась мимо и остановилась неподалеку. Из нее выскочили несколько человек и кинулись ко мне. «Чего им надо?» — подумал я и тут же узнал Гиви, Тамаза и остальных, кто в ресторане клялся мне в вечной дружбе. Их напряженные, бледные лица не понравились мне, и я остановился. Интересно, что случилось?

— Что ты сказал обо мне? — резко спросил Гиви, преграждая мне дорогу. Я заметил, что у него дрожит челюсть.

— Что сказал? — искренне удивился я.

— Кто это, по-твоему, мразь?!

Я моментально вспомнил все. Чему можно удивляться в этой жизни? Но такой гнусности я все-таки не ожидал. Нервно улыбувшись, я вытащил руки из карманов. Животная злоба кривила их беспощадные, вероломные лица, и у меня горько защемило сердце. Я стоял, будто обложенный зверь, но в то мгновение любовь к правде пересилила инстинкт самосохранения. Не произнося ни слова, я плюнул в глаза Гиви, этим ответив на его вопрос, и тут же залепил пощечину бледному, ни слова не проронившему Тамазу. Что-то твердое, как камень, угодило мне в лицо. В глазах у меня потемнело, в голове взметнулись искры, я тяжело стукнулся обо что-то и упал. «Убей, так его!..» — я слышал брань и понимал, что сейчас они убьют меня. Неопикуемый страх овладел мною, и, валяясь на асфальте, дергаясь под их пинками, я старался не шевелиться, чтобы они не приняли мое движение за попытку со-

противляться и не разъярились еще больше. И этот страх, эта животная трусость, малодушная предусмотрительность или трезвость, преодолеть которую не хватало сил, растоптали и убили мою душу. От мучительного чувства беспомощности и собственного ничтожества я возненавидел весь мир; мне хотелось разреветься; я закрыл голову руками, потому что вместе со всепоглощающей ненавистью инстинкт самосохранения руководил мной; беспощадные пинки сыпались со всех сторон, потому что-то горячее обожгло лопатку, и тут я словно оторвался от земли, словно полетел куда-то, и разом все померкло, сгинуло...

Было темно...

Сначала была тьма, потом ее прорезала белая, сверкающая, изогнутая, как молния, линия; прорезала, натянулась и лопнула. Снова — тьма. Потом эта тьма начала наливаться огнем, и, заполнив все пространство, огонь сжался, уплотнился, собрался в раскаленный шар и тут же взорвался, забрызгав огненной лавой черное безграничное пространство, и эта лава, стекая, слилась в длинную ленту, в тонкую линию, натянулась и снова лопнула. Все началось сначала — возникали, растягивались и рвались сверкающие нити. Тянулись от одной невидимой точки к другой и лопались. Что-то зловещее было в этих нитях, зловещее и необычайное. Но некому было чувствовать и осмысливать это. Были только линии, которые вспыхивали, как космическая катастрофа, и гасли. И был мрак, где сверкающие точки приближались друг к другу, сталкивались и безмолвно взрывались, извивались слепящими прихотливыми молниями и с невысказанной скоростью рассекали бесконечное пространство.

...Помню, как я выбрался из мрака этой бесконечности. Исчезли линии и точки, но темная завеса все еще висела перед глазами. Неожиданно оттуда, с той стороны завесы, донесся когда-то знакомый, где-то слышанный голос. Это было рыдание, и когда я осознал это, то вспомнил, что где-то и когда-то знал значение этого голоса или звука. Что-то двинулось в полной мгле, мрак побледнел, и мне стало казаться, будто где-то открываются ставни и в меня проникает луч света. И вместе с этим лучом все более отчетливо слышал я рыдающий голос женщины:

— Он умер?

— Нет, пока еще жив...

— Выживет?

— Вряд ли, в сознание не приходит...

Этот рыдающий голос был знаком. Он походил на голос Софики. Откуда доносился ее голос? Где я? Но раз я слышал голос Софики, то понял, что речь шла обо мне. Удивительно равнодушно воспринял я приговор, который вынесла мне неизвестная женщина. Ее слова будто касались не меня. У меня не было сил вникать в их смысл, пугаться или удивляться. Я ощущал одно — я существую, но все было мне безразлично. Я чувствовал, как оживают ощущения, чувствовал жажду, и вместе с возрождением ощущений ко мне возвращалась спо-

способность мыслить, постепенно пробуждалось сознание, и сейчас это было непривычно. Как будто душа моя рождалась заново, отделялась от хаоса, приобретала очертания, припоминала забытые предметы... Я улавливал уже больничные запахи, уже знал, что лежу в постели, знал, что сейчас день, потому что тьма, стоявшая перед глазами, все больше и больше рассеивалась, и это напоминало рассвет, и одновременно откуда-то издали доносился до меня дневной шум. Мне хотелось сказать, что я жив. Но самым главным сейчас для меня была вода. И чем больше мучила жажда, тем яснее осознавал я, где нахожусь. Я начал ощущать собственное тело. Чувствовал плотность бинтов, запах лекарств, слышал мужской кашель, ощущал лбом чье-то прикосновение, и мне хотелось пить...

— Приходит в сознание, губами шевелит...

Сейчас я уже понимал, что двигаю губами, но никак не мог разомкнуть тяжелые, словно свинцом налитые веки. Внешний мир и время будто окаменели, затвердели, и я никак не мог проникнуть в них, но вместе с жаждой меня уже тревожила боль, тревожила и радовала, потому что боль — это жизнь. И теперь уже мне хотелось жить, уже не было безразлично умереть или вернуться к жизни, все происходящее уже касалось меня, меня с моей болью и нестерпимой жаждой, но голоса вокруг умолкли, видимо, меня оставили одного или наступила ночь...

А мне не хотелось оставаться одному, впрочем, какое это имело значение? Главным была вода и то, что все резче пробуждалась боль. Перед моими глазами снова стоял мрак, но я понял, что это был мрак без тех страшных изломанных линий и сверкающих точек. Это была темнота больничной палаты. Рядом лежали спящие люди. За окном стояла ночь. Я лежал у окна. В ногах, откинувшись на спинку стула, дремала женщина в белом халате. Кто она? Моя тетя или медсестра? Где-то в темном саду шумела вода. Шум воды поглотил все остальные звуки. Щедрым, непрерывным потоком, плеща и журча, лилась вода, и мне чудилось, будто за больничной стеной начинается дремучий лес, в чаще которого, гремя, низвергается со скалы водопад: и одновременно глухая боль пронизывала меня, я не знал, за что терплю такие мучения, но тут же забывал все, только донимала жажда, хотелось войти в лес и припасть к потоку... Надо бежать от этой мерзости, от этих вырождков, — думал я, и слезы ручьем текли по лицу, потому что я вспоминал, как когда-то любил этот город и его обитателей. Я должен вернуться к природе, все должны вернуться к ней, восстановить оборванную связь, чтобы окончательно не растерять то, что дано нам провидением. Я должен жить просто и естественно, не цепляясь за ненужное и необязательное, выдуманное мной самим. Мне представлялось, будто я понял, что мне нужно. В ту ночь я покаялся: «Господи, если я выкарабкаюсь, я брошу этот город, уеду куда-нибудь в глушь и заживу себе тихо, скромно...».

С того дня я пошел на поправку. Постепенно набирался сил, ножевая рана на лопатке быстро подживала. Мое бытие складывалось из мелких, незначительных радостей, связанных

с выздоровлением. Придавало бодрости и общение с больными. Но я уже был не тот, каким был до больницы. Словно какая-то струна лопнула в моей душе. Что-то я потерял, не знаю, была ли это вера или нечто другое. Я разуверился в ком-то или в чем-то.

И как раз в этот момент:

— Тархужд! — окликнул меня знакомый голос. Я вздрогнул, очнулся, пришел в себя, повернул голову, и сразу, как только на меня снова обрушились городской шум, грохот автобусов, троллейбусов и машин, людской гомон, которые до сих пор, пока я был погружен в воспоминания, доносились словно издали, приглушенно, увидел Вахтанга. Выйдя из машины, он, смущенно и удивленно улыбаясь, глядел на меня. Я тоже улыбнулся радостно и несколько растерянно, и даже когда мы сошлись, обнялись и торопливо принялись засыпать друг друга вопросами, чувство неловкости не покидало меня. Я не видел Вахтанга несколько лет, и сейчас он показался мне изменившимся. В волосах пробивалась ранняя седина. В лице появилось какое-то, характерное для дельцов, в частности для административных работников, самоуверенное выражение человека, привыкшего распоряжаться и отдавать приказания. Раньше я не замечал в нем ничего подобного. В довершение всего он несколько раздался и обрюзг. Он был явно рад нашей встрече, но во время разговора взгляд его убегал в сторону, цеплялся за прохожих, и это, новое для меня, самодовольное выражение не сходило с его лица.

— Где ты, послушай, разве можно так пропадать?! Сколько лет не показывался на глаза, неужели ни разу не был в Тбилиси? — смеясь и похлопывая меня по плечу, спрашивал Вахтанг. — Пошли, повидеешь Софику, это она заметила тебя из машины. Я бы и не узнал, забыл уже, как ты выглядишь.

Он обнял меня и потащил к машине, но, прежде чем мы дошли до нее, Софику отворила переднюю дверцу и поспешила нам навстречу. Она уже не производила впечатления легкой резвухки, но я нашел ее более прелестной и женственной. Когда, по обыкновению прищурясь и улыбаясь, она припала щекой к моей щеке и поцеловала меня, я ощутил знакомый аромат ее тела, который когда-то сводил меня с ума, и растерялся, но вовремя опомнился и, чтобы не выдать замешательства, воскликнул будто в шутливом изумлении, что она замечательно выглядит.

Софику тоже казалась смущенной. Она спросила, когда я приехал, хотя минуту назад, прежде чем поцеловать меня, уже задавала этот обычный вопрос. Она почему-то избегала моего взгляда. Кажется, и Вахтанг чувствовал себя несколько не в своей тарелке, но, честно говоря, в этом не было ничего удивительного — мы не встречались много лет, хотя когда-то все трое, так или иначе, были близки...

Впрочем, к тому времени, как я оставил Тбилиси, нас уже вряд ли можно было назвать друзьями. После того памятного вечера, когда я пьяный заявился к Софику, мы с ней не встречались ни разу. Сейчас я видел в ней чужого человека, и не

волнением объяснялась скованность и неловкость, а отчуждением, возникшим между нами, которое само по себе было незнакомым и непривычным. Пршшлое оставалось прошлым, и той старой любви уже не существовало в прежнем виде, изменились и мы, ее незадачливые гончары, ваятели. Должно быть, этим и объяснялось чувство неловкости, которое мы, все трое, невольно испытывали вместе с радостью.

Мы стояли на краю тротуара. Пекло полуденное солнце. Новенькая «Волга», из которой вышли мои друзья, мешала движению автобусов и троллейбусов — рядом находилась остановка. Народ на остановке недовольно поглядывал в нашу сторону.

— Тебе куда, Тархудж? Поехали с нами! — предложил Вахтанг.

— Если можно, подбрось до вокзала, — ответил я и, садясь на мягкое кожаное сидение, подумал, не обременяю ли их. Должно быть, совершенно бессознательно я надеялся на Вахтанга — владельца машины — некоторыми преимуществами по сравнению с собой. Не говорил ли во мне комплекс бедности?

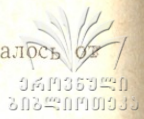
Машина свернула на Плехановский. Что ни говори, приятно сидеть в этой новенькой «Волге». Как ни крути, я — горожанин и соскучился по городу, соскучился по этой толпе прохожих, которых вижу за окном автомобиля, соскучился по городским женщинам, что с сумками в руках входят в магазины с широкими витринами и выходят из них, идут парами или поодиночке, юные, тонкие или широкобедрые, зрелые женщины; те, что постарше, ведут детей в школу или возвращаются с ними домой; одни кокетливо покачивают станом, смеются, радостно блестят глазами, другие задумчиво и хмуро следуют своим путем, печать горя и забот лежит на их лицах; вот встретились две старинные приятельницы, остановились на краю тротуара, увлеклись разговором. Соскучился я и по мужчинам, по молодым парням, которые бойко спешат куда-то, торопятся, или бесцельно подпирают стены, или прожывают своих подружек, по пожилым мужчинам, что внушительно шагают по тротуару, по мальчишкам и девчонкам, резвой, голосистой городской детворе, наполняющей улицы своим щебетом..

Я был попросту счастлив, видя каменные многоэтажные дома, асфальтированные улицы, и немного досадовал, что путь мой лежит опять на вокзал... Впрочем, машина наша ехала все не к вокзалу. Мы остановились у одного из домов, Вахтанг спросил у жены, кому из них лучше подняться наверх.

— Мне подниматься на пятый этаж? — с упреком взглянула на него Софиико.

Вахтанг засмеялся; вместо извинения он объяснил мне, что должен зайти за одной приятельницей и мигом вернется. Он вылез из машины и скрылся в подъезде.

— Как ты, Тархудж? — в который раз спросила Софиико, дружески и ласково улыбаясь. Но она была мне чужой, всего лишь отражением былой Софиико. Повернувшись, она

смотрела мне прямо в глаза. Нет, ничего в ней не осталось от той девушки, кроме внешности...

- Так себе, — улыбнулся и я.
- Очень рада тебя видеть...
- Я тоже...
- Сколько мы не встречались?
- Вечность.
- Знаешь, тогда, в больнице, я навещала тебя.
- Знаю.
- Откуда? — удивилась она, поднимая брови.
- Слышал твой голос.
- Врешь, ты был без сознания.
- И все-таки слышал.
- Эх, быстро летит жизнь, — заключила Софиго. —

Все учительствуешь, Тархудж?

- Учительствую.
- Неужели нравится?
- Я люблю природу и детей.
- Доволен?
- Кажется.
- Есть ли какая-нибудь разница между городом и деревней? И там живут теми же интересами, что и в городе. Помоему, нет никакого различия, сейчас все живут одинаково.

— Там все-таки спокойнее, — сказал я, глядя на высокого, худого мужчину, вышедшего из подъезда. Проходя, он заглянул в нашу машину, видимо, заинтересовавшись, с кем сидит такая интересная женщина, медленно пошел дальше, достал сигареты, закурил...

- Вчера приехал? — не отставала Софиго.
- Вчера.
- Мери не видел?
- Откуда ты ее знаешь? — Было неприятно слышать о Мери от Софиго.

— Как не знать, каждый день встречаемся, в одном институте работаем, — многозначительно рассмеялась она. — Я, дорогой Тархудж, знаю больше, чем тебе кажется! — и лукаво прищурилась. — Очень способная и умная девушка, в институте все ее уважают, — продолжала Софиго.

- Очень приятно.
- Ты знаешь, что она замуж выходит?
- Откуда я могу знать?
- Очень хороший парень попался, молодой партийный работник.
- Бог в помощь!
- Мери тебя очень любила!

Меня вдруг одолел смех. Интересно, сколько все-таки всевозможных подразделений и объединений существует среди людей; расы, нации, мужчины, женщины... Было ясно, что Мери и Софиго стали единомышленницами. Наверное, между ними нет никаких тайн, ибо обо мне, видимо, говорили не раз. Мне

было смешно и неловко. Последняя фраза покорила меня, словно Софико без стеснения копалась в моей душе.

— Да, я правду говорю. Она тебя очень любила. Но наши грузинские мужчины все азиаты.

— Почему?

— Потому! Не можете понять, что сейчас другое время. Сейчас все свободны. Почему не должно прощаться женщине то, что простиительно мужчине?!

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Прекрасно понимаешь, но не хочешь признаться. Потому что и ты азиат.

— Может быть, в этом вопросе лучше оставаться азиатом, чем европейцем в твоём понимании?

— Оставь, пожалуйста!

Я снова засмеялся, не пускаться же в спор? Терпеть не могу препирательств с женщинами.

Почти в ту же минуту в подъезде появился Вахтанг с незнакомой мне девушкой. Издали она производила приятное впечатление, я залюбовался ее стройными длинными ногами, узкой талией, маленькой грудью, короткой стрижкой и плавной походкой. Как спортсменка или танцовщица, выходящая на арену, она двигалась смело, свободно и в то же время изящно и очень женственно. Стремительно распахнув заднюю дверь, она поздоровалась и, прежде чем сесть рядом со мной, наклонилась и расцеловалась с Софико. Вахтанг завел машину и спросил, не скучали ли мы.

— Когда нам было скучать? — ворчуяще засмеялась Софико, словно ей передались жизнерадостность и кокетливость подруги. — Когда нам было скучать, мы говорили о любви!

Меня передернуло от ее заявления. Во-первых, нашу беседу трудно было назвать разговором о любви, а кроме того, мне почему-то показалось, что Софико стремится уязвить мужа. Вахтангу ее слова тоже вряд ли пришлись по душе. Мне не понравился ее тон, вызывающий и довольно грубый. Я ощутил явное удовольствие, что судьба не соединила меня с этой женщиной. Она бы, пожалуй, потребовала моего внимания целиком, тогда как жизнь человека — вечный поиск покоя, бесконечные попытки и стремление всеми способами добиться покоя и прочного положения. Разумеется, женщина — величайшее явление в жизни мужчины, но заблуждается тот, кто думает наладить свою жизнь только таким образом. Мужчине следует искать нечто главное, постичь линию собственной жизни, женщина же должна являться составной частью этих исканий, а не самоцелью.

— Ого! О любви, значит, говорили?! — с улыбкой проговорил Вахтанг. — Приятно вспомнить молодость. — Он тронул машину.

— Не напоминайте мне о любви! Я сейчас так влюблена, что ногами не сплю, — рассмеялась незнакомка.

— А ты принимай сговорное! — вежливо посоветовал Вахтанг. Но в этой вежливости сквозило раздражение.

— Благодарю за совет, — иронически отозвалась девушка.

Машина наша неслась. Назад убежали улицы, деревья, прохожие, навстречу мчались машины всех марок и цветов, автобусы, проллейбусы, мотороллеры, Софики с подругой, не замолкающая, болтали о вечеринке на чьей-то даче в Цхнети, где рекой лились шампанское и коньяк, где всю ночь крутили пластинки, привезенные кем-то из-за границы, танцевали, веселились; вспоминали о ком-то, кто купил великолепную машину и на следующий же день разбил ее, о скандале, случившемся в каком-то исследовательском институте, о фильме, на закрытый просмотр которого они все-таки прорвались; кто-то построил такую пятикомнатную квартиру, которая в тысячу раз лучше шестикомнатной другого их знакомого; разошлась образцовая семья их приятелей, потому что муж застукал жену с кем-то, между тем жена, оказывается, мстила мужу, потому что раньше застала его с такой-то... Я сидел в машине как посторонний, как случайный попутчик и, глядя на них, убеждался: моя вера, что человек непременно должен видеть небо, непременно должен ощущать под ногами землю, непременно должен проливать пот и в поте лица своего добывать хлеб насущный, что его должны притягивать не асфальт и бетон, но поле и лес, горы и море, что запаху бензина он должен предпочитать аромат цветов и свежего сена, что, оставшись лицом к лицу с природой, он должен познать и выявить самого себя, а не раствориться в толпе, где ты по-всякому маскируешься и забываешь или вообще не можешь понять, что ты есть, кто ты, зачем явился сюда... — эта вера походила на мечту наивного романтика!

У касс было немного народу, но не все обладали элементарным терпением, и некоторые старались пролезть без очереди, создавая лишний галдеж и скандалы. Почему мы так малодушны, нетерпеливы, даже в очереди постоять не можем? До каких пор мы будем жить эдак беспорядочно, хаотично и бестолково? — думал я, продвигаясь к окошечку кассы. Потом купил билет, спрятал в карман и поднялся в зал ожидания. Там все скамейки были заняты и пахло довольно скверно. Черный, как арап, детина храпел вовсю, развалился на одной из скамеек. Носки его спустились из-под коротких штанин, рубаха задралась, обнажив мохнатый живот. Интересно, что привело его в этот город? Чего вообще слоняется здесь столько народу, почему им не сидится на своих местах? Я зашел в туалет. Цементный пол был посыпан мокрыми опилками. Когда я мыл под краном руки, невольно взглянул в разбитое зеркало. Это зеркало напомнило мне далекую ночь, когда однажды, давно это было, возвращаясь с гор, я приехал в Тбилиси ночным поездом и именно перед этим зеркалом мыл руки. То лицо, которое смотрело на меня тогда, совершенно не походило на теперешнее, да и волосы у меня были погуще. Тогда я был небрит и тяжелый фюзак оттягивал плечи. От усталости и бессонной ночи я еле держался на ногах, но стеснялся заявиться домой в такое позднее время. Я расположился на одной из скамеек в вале ожидания и заснул как убитый. Утром я проснулся от холода, поднял голову — за широкими окнами огромного гудящего зала мерцал серый, холодный рассвет. Со сна я не

сразу пришел в себя, мне показалось, что я все еще в поезде, и спросил какую-то деревенскую женщину, сидящую на соседней скамье: «Хашури проехали?». Мой вопрос, должно быть, удивил ее, но уже не помню, что она ответила. А в Тбилиси меня ждало страшное известие — за день до моего приезда убили моего друга Цотнэ...

Я оторвался от зеркала, прошел широким тоннелем с цементным полом и поднялся в зал ожидания на втором этаже. И тут негде ступить. Медленно прохаживаясь вдоль длинных рядов скамеек, я разглядывал людей. Некоторые спали, некоторые беседовали, другие сидели молча или читали газеты, многие сидели, привалившись друг к другу, истомленные ожиданием, кто-то шутил и смеялся. Кого только не было тут — женщины, мужчины, дети, старики, крестьяне, солдаты, грузины, русские, армяне, азербайджанцы, цыгане... Я проходил мимо них, простой сельский учитель. Сейчас я уже не гордился собой. Верно, мне искренне хотелось уехать из этого города и поселиться в деревне, но, кто знает, решился бы я на этот шаг, не потеряв после смерти тетки домашнего очага в городе? Кто знает, кому это было нужно? Прежде всего, видимо, мне самому, потому что мне нравилось жить в селе, нравилось уединение, а мои ученики, в которых я хотел воспитывать любовь к родной земле, стремились в оставленный мной город, поддавшись общему поветрию. Одна ласточка весны не приносит, — думал я, — нужно что-то иное, чтобы народ снова вернулся к природе...

Перевод А. БЕСТАВАШВИЛИ
и В. ФЕДОРОВА-ЦИКЛАУРИ

Окончание следует

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ОТЧИЗНЕ

Земля моя,
 не много слов красивых
 Из уст моих услышать ты могла, —
 Любовь к тебе сильней речей крикливых,
 Моя земля...
 Прости же мне молчанье мое,
 Как сыну мать простит непослушанье.
 В моей душе сокровище твое —
 Твое неукротимое дыханье!
 Увы, не все сказал...
 В мгновение одно,
 В сон обратившись, жизнь все угасает,
 И грань меж днем и ночью исчезает, —
 Любви одной бессмертье суждено!
 Земля моя,
 мне дорого молчанье...
 Что матери о верности твердить?!
 Но я отважусь это повторить:
 Отчизна,
 ты мое призванье!

1918

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА НА РАЗВАЛИНАХ ХРАМА БАГРАТА

Валериану Мизандари

На берегу Риони развалины чернеют,
 Плюсом и мхом обросший, безмолвен древний храм,
 И лишь бездомный ветер среди развалин веет
 И пеннем прискорбным звучит то тут, то там...

Когда осенней ночи на мир ложился пепел
 И копыя белых молний лишь рассекали тьму,
 Я, маленький мальчишка, познав стихии трепет,
 Садился у камина, готовый ко всему...

И сказочная книга дрожала на коленях,
 И тени, оживая, сбегали со страниц...
 «Как вынесла Нестан судьбы своей гоненья,
 Как в Вардзиа Тамар бродила среди бойниц?!

Кто храм большой возвел, и золотая птица
 Стремится почему к нему в тот самый миг,
 Когда свирепый вихрь о стены станет биться,
 Желая разнести до основанья их?!» —

Я спрашивал отца. И мой отец, мечтатель,
Рассказывал о том, что он услышал сам:
О птице золотой, что ниспослал создатель
Дороги освещать, тепло дать беднякам...

И вот, покинув рай, к Тамар спустилась птица,
Застыла на плече, как майская заря, —
Лишь тронула Тамар хрустальные глазницы,
И птица стала петь, песнь сладкую даря...

Ту песню, что сердца любовью наполняла,
Волшебник услышал и осенил стихом, —
И Руставели песнь с тех пор бессмертной стала,
И птицу видим мы среди стен, поросших мхом...

Камина волшебство, и сказки шепот тихий
Меня бросали в дрожь, несли блаженство мне...
Я видел Индостан, поля боев великих,
И птицы золотой песнь слышал в тишине...
Года прошли.
Отца я потерял могилу...
Но только поднимала осень паруса,
Меня опять влекла неведомая сила
К развалинам святым, где дремлют чудеса.

Встав у замшелых стен и затаив дыханье,
Надеялся узреть лик птицы золотой;
Следы Тамар Шота искал на каждом камне,
Пока не вспыхнет вновь луч первый голубой...

И снова книга та лежит передо мною, —
От выцветших страниц не отрываю глаз,
Как родина моя, нелегкою судьбою
В веках она живет, бурь грозных не страшась!

Немало канет лет, времен пройдет немало,
И множество жрецов свой голос оборвет,
Лишь выкованных строк веков минует жало,
Благоговевя, смерть те строки обойдет!

1947

ОМАР ХАЙЯМ

Почему твою скорбь я принял, Хайям?!
Ты шепчешь: «Мы пепел глиняных скал...».
И вновь мгла тебя поглощает, Хайям!

Ночи безлунные,
Беззвездные
Видел, Хайям!

С твоею душой
Одни на один
Я коротаю ночь.

Твоею душой, Омар Хайям,
Мне расстаться невмочь!

Неиссякаемо море слез,
Откуда, откуда их столько взялось?!
Хайям, о как бы хотел я узнать,
Что в жизни тебе пришлось испытать?!
Твое ощущение пустоты
Жизни среди мирской суеты,
Вера в бессмертье высокой мечты, —
Меня потрясают, мой рушат покой...

Вино предо мною,
рубиновый цвет,
Его ты любил —
цвета лучшего нет!
Так выпьем вино это, Омар Хайям,
Выпьем его, хвала небесам!
Лишь розы сравнимы
с ним на земле,
Не будем грустить,
позабудем о зле!
Что кроме вина
разгоняет печаль?!
Ведь «мы только пепел»,
А пепла не жаль!
Но... сердце твоё
Не бесследно ушло, —
В стихах свою песню
до нас донесло.....
Бессмертна душа твоя,
Вечен твой стих, —
И, значит, не пеплом немым
ты затих!
Есть что-то еще,
в этом суть, о Хайям!
Поэтому с песней стремишься
ты к нам....

Но скорбью сегодня я полон, Хайям!
Не в радость вино,
Сердце глухо к стихам!
Стихи и вино
не спасают, Хайям!

1962

АРМЯНСКОЙ ДЕВУШКЕ

Где ночь нашла твои глаза,
В агаты косы превратила?!
Где черных родинок роса
Лицо и губы окропила?!

Красавица, Тбилиси мой
И для тебя стал драгоценным,
В саду Исани я тобой
Любуюсь как зарей весенней!

Глаза твои открылись здесь, —
Ты выросла в небесной шири
И полюбила край наш весь,
И ритм грузинского шаири.

Ты край не видела иной,
Который праотцы открыли, —
Твоей Армении родной
К тебе лишь песни доходили...

Что ж, не беда! Ночных небес:
Здесь таинство тебе открылось!
И солнце по ковру чудес
К воротам рая устремилось...

Акакий, Ованес поют, —
Чонгури, тари слышишь звуки,
Щедры земли картлийской руки,
И песню гордую несут
Тамар и Руставели внуки!

Красавица, Тбилиси мой
И для тебя стал драгоценным,
В саду Исани я тобой
Любуюсь как зарей весенней!

1946

ТЫ ПОМНИШЬ...

Стояла тихая зима.
Ложились сумерки на плечи,
И нас сводила ночь с ума
В короткие мгновенья встречи...

Ты помнишь это?! Ночь была
Озарена твоей улыбкой..
И наша молодость цвела,
И вечность не казалась зыбкой.

Но все прошло. В душе твоей
Зима усталостью объята..
Наш сад стареет все быстрее,
И дням минувшим нет возврата.

1973

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

В ГОРОДЕ АВГУСТ

Август медовый перестоял, отвердел.
Воздух померк, сделался тягостно-вязкий,
зная не вынесли молекулярные связи,
солнечная прозрачность исчезла из тел.

Чистой условностью стала жаркая ночь,
луч вечерний я могла разрезать на цукаты.
Люди тоскливо глядели на сумрачные закаты,
я утешалась: точь-в-точь.

Это в страшный мороз воздух так жесток,
трудно и связано все... Подтверждая закон,
как-то пара трамваев, вылетев на перекресток,
просквозили друг друга
невредимо и тихо —
как сон сквозь сон.

Души, как и тела, утратили форму.
Это и надо бывает порой.
Люди садились в вагон — а на платформу
выливались сплошной жарой.

Как-то на набережной у дымчатого парапета
непрозрачный мужчина стоял, протирая очки.
Тусклые солнышки табачно-зеленого цвета —
вот вам его зрочки.

А перед ним....

Перед ним
косточкою кизила
первая мною виденная в августе том
женщина чуть означалась —
переливалась, сквозила —
притом

непроснувшийся мальчик, в ней погруженный,
еле приметный, прозрачность ее оттенял.
Умное слово за словом табачный мужчина ронял —
но отвечал ему
лишь мальчик воображенный.

Вопросительный мальчик — свернутый лепесток.
И перед женщиной гордой, бесслезной, прозрачной —
некто почти неживой, крепкозубо-табачный,
жизнь пополам раскусивший, спаси его бог...

* * *

Я та же, что и десять лет назад.
Пера заметить: если все течет,
не все меняется.
И это очень важно.
Я та же, что и десять лет назад,
и десять лет вперед...
Нет, не гордыня
здесь говорит,
а сердце:
я жива, пока люблю.

Мой век, испытывающий Природу,
сдирает кожу с атома — но тайна
от нас тихонько ускользает
все дальше, глубже —
в самое себя —
блуждающий огонь!
Чем больше узнаю,
тем меньше знаю.

И как узор ведут по серебру,
мой лоб изрежут символы и знаки
бессильной опытности.
Сердце верит,
что тот мужчина во главе стола,
который делит хлеб, —
единственный на свете.
Я жива —
пока я верю.

Люди носят плоть,
столь совершенную, что незаметно,
как тяжела она. И тягость — в радость,
пока жива.
Так я несу храм веры.
Верую в тебя.
...И вдруг плечами ощутить всю тяжесть,
весь холод камня...
Бедный человек:
пытает очевидностью убогой
живую веру.

Тайна ускользает,
любовь уходит — в самое себя.
А если разрушают храм,
то вера
уходит в камень,
преживает в камне...

Я та же, что и десять лет назад.

* * *

Я ушла в скорлупу своего страдания,
сквозь которую хочет свет просочиться.
И кажется мне, что во рту — вместо слов —
ослепительно белые куклы толпятся.
Жду тебя
всеми нервами зренья и слуха.
Дом прижимается к дому,
словно корова к мокрой озябшей корове...
Ты хочешь к холодной и голой стене
пригвоздить
идею женского образа
с куклой в руке, —
и ты приближаешься...
Ты ведь не знаешь совсем,
что, если страдание мое раздробить,
в итоге достанется каждой кукле
мельчайшая грусть, печаль — с ноготок...
Но я — ни слова тебе об этом,
поскольку дом прижимается к дому,
словно корова к мокрой озябшей корове...
Мы стоим у входа в мое убежище,
твоя бледная маска — добросердечность,
моя розовая — иллюзорность покорности.
И пускаемся в обоюдный обман...
Ты даешь мне свои слова,
безобидные, розовые, словно овечки.
Я даю тебе ослепительно белые куклы.
А после —
сахарные младенцы будут пасти овец
на шелковом поле...
У нас появится общее поле,
младенцы,
мы станем семьей,
будет легче впасть в обоюдный обман.
А после — тебя озарит,
и ты, онемев, обнаружишь во мне
мельчайшую грусть, печаль — с ноготок...
Волна возмущенья поднимется в нашем кругу,
в утонченном и чванном кругу, —
волна возмущенья по поводу недооценки
младенцев,
пасущих овец на шелковом поле...
А после —
меня поведут на площадь
и суд прикажет конфисковать печаль,
и все повторится и плавно пойдет сначала...
Я ушла в скорлупу своего страдания,
сквозь которую хочет свет просочиться....
И жду тебя...

И ты — где-то рядышком, тут же,
но как только захочется мне увидеть тебя,
между мной и тобой громоздятся и веют стеной
ослепительно белые куклы.

БАЛЛАДА О МЯСЕ

В безмолвии идут мужчины в белом,
несут в руках кроваво-красный плод граната.
Один из тех, кто в белом, кто ни разу
не замарал себя кровопролитием,
сегодня должен заколоть корову...

И две млекопитающие жизни:
одна — безмолвье дойности бездонной,
другая — образ мыслящего духа, —
в глаза друг другу смотрят глубоко.
Она — траву жует неторопливо,
его — сегодня в этой же траве
ждут женщины с кроваво-красной челкой,
они живут поблизости от бойни
и моют волосы парной коровьей кровью...

А в грандиозных чугунах вскипает мясо...

Корова, как всегда, жует траву
(кроваво-красное бледнеет при зеленом),
и молодой мужчина, в белом, видит
коровье теплое сверкающее горло,
а в горле — свет, высокий пламень соли...

Еще дана последняя возможность
спустить великодушно с человека
рулоны жира лишнего и мяса,
насквозь пронзить высоким светом соли
его печеньку, легкие и сердце
и чувством собственным понять его печаль...

В безмолвии идут мужчины в черном
и сыпят желтую айву на дно дороги...

Перевод Юнны МОРИЦ

ДЮМА НА КАВКАЗЕ

МАЛОВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Более ста лет тому назад великий французский писатель Александр Дюма-отец побывал на Кавказе. Книгу об этом путешествии он назвал «Кавказ»¹. Она полна приключений, метких наблюдений и дышит той фантазией, которой отмечены произведения Дюма.

Вы станете свидетелями событий, которые остались за пределами этой замечательной книги...

На перламутровом столике лежала высокая папаха, которую по спирали, как башню Зикурат, опоясывала шелковая лента цвета опаленной травы. На ленте золотом были написаны слова:

Зеленое поле наших веселий,
Длинная нить приятных рассказов прервалась;
Цветы нашей юности разметаны ветром Кериго,
И игрушки нашей юности умчала река в своих
быстрых потоках.

Их автор, князь Вамех Вахвари, последний из древнего рода Вахвари, лежал в своей комнате на тахте, покрытой шкурой тигра.

Князь отдыхал. Глаза его были закрыты. На согнутую ногу он положил другую, и кончик его сапога, вздернув мысок, уходил к расписанному золотом потолку. Это был седеющий мужчина лет за пятьдесят, со шрамами на лице, могучим торсом и тонкими женскими ногами.

¹ Увлечшись этой книгой, я захотел проиллюстрировать ее. К иллюстрациям я стал делать текстовки, как-то незаметно для себя отходя от Дюма все дальше и дальше. Начали всплывать «страшные» кавказские (и не только кавказские) истории, вспомнились увядшие слова, фразы, надписи на могильных плитах, древние стихи, а хронология пришла в хаос.

Все это кончилось тем, что рисунки я потерял, а текстовки... а текстовки сейчас перед вашими милыми глазами, дорогие мои читательницы и читатели. И просьба моя к вам — отнеситесь к ним легко, ибо они не более как пояснения к рисункам, которые, увы, утеряны.

Нежная улыбка, вызванная видением давно забытой радости, промелькнула на лице князя.

...Стоял прелестный май. Тамарет, стройная как тополь, держа кувшин на плече, шла к речке. Она огляделась, чуть приподняла платье и ступила в речку. Вода ласково коснулась ее лодыжек.

Тахта скрипнула. Видение исчезло. Князь поморщился.

На кончик его ястребиного носа села муха. Вахвари открыл один глаз и легким движением руки прогнал муху. Затем закрыл глаз, и улыбка снова разлилась по его лицу. Тамарет сделала шаг и еще чуть-чуть приподняла платье.

Тахта опять скрипнула. Дрожь пробежала по лицу князя. Он открыл глаза. Муха по-княжески расхаживала по носу. Ядовито-зеленое брюшко и волосатая грудь ее были особенно гадки князю после дивного видения.

Князь сморщил нос, и муха улетела. Князь закрыл глаза. А Тамарет тем временем входила еще глубже в речку, все выше поднимая платье. И взору князя открывались колени, нежные, как очищенные персики.

Тахта вновь скрипнула. Вахвари резко приподнялся. Под потолком кружилась муха. Заскрежетав зубами, князь сорвал со стены пистолет...

Но прежде чем раздастся выстрел, мы расскажем вам о путешественниках, показавшихся в это время на горе под замком.

...По узкой тропинке ехали двое всадников. Лошади были навьючены связками книг. Ехавший впереди, сидя по-дамски, что-то записывал в путевую тетрадь. Это был убеленный сединой, уставший от славы французский писатель Александр Дюма-отец. Бланше, его слуга, почтительно держал над ним пестрый зонтик. При этом он испуганно поглядывал вниз, где на дне пропасти извивалась река.

— Где мы, мсье? — спросил Бланше.

Дюма поднял ногу, пересел по-мужски, подложив под седло тетрадь. Затем он отвязал висящий за седлом потрепанный глобус, повертел его вокруг оси. И тут-то пуля князя пробила глобус в том месте, где было написано «Кавказ».

— Мы на Кавказе, славный мой Бланше.

Дюма посмотрел вниз, откуда прилетела пуля. Он увидел крепость и лежащего на тахте князя. И хотя их друг от друга отделяли версты три-четыре, его зоркий глаз разглядел муху, продолжавшую кружиться над головой князя. Дюма выхватил пистолет и выстрелил в муху.

Облачко порохового дыма над князем растаяло, и мертвая муха упала ему на усы.

Верный Карамурза склонился над князем, поднял муху и льстиво сказал:

— Вах! Прямо в сердце, князь, и пикнуть не успела.

— Пошел вон! — отмахнулся князь, которому не терпелось вновь увидеть Тамарет.

Карамурза на цыпочках вынес убитую муху.

Князь закрыл глаза, но увы...

...На пустынном берегу валялся лишь разбитый кувшин, и холодные струи реки уносили осенние листья той далекой весны.

Высоко в горах, там, где соединялись два ущелья, располагалось последнее укрепление. Здесь, у поста, царило оживление. Отряд Никиты Коновицына, сопровождавший почту, после короткого привала собирался в путь.

Перед дальней и опасной дорогой солдаты дочищали пушки, проверяли оружие, верховые седлали лошадей, а кашевар, затапывая сапогами костер, торопил чиновника средней важности, шулера Гнилосарова, даму из хора, вооруженных писарей и инвалидов, и те спеша доедали овсянку.

Бланше с помощью молоденького солдата перегружал вещи из почтовой кибитки на лошадей.

Стоявший рядом Дюма заметил:

— Бланше, не перегружайте лошадей. Не забывайте, что им надо везти еще и нас.

— Я беру самое необходимое, мсье... — сказал Бланше и потянулся к сундуку, но Дюма запротивился:

— Это не надо! Не надо, Бланше.

— Но тут костюмы, мсье...

— Все равно. Обойдемся тем, что на нас. А через неделю все это мы получим в Тифлисе, мой друг.

— Господин Дюма! — подойдя к французу, козырнул начальник отряда поручик Никита Коновицын. — Позвольте предупредить вас о возможных последствиях вашего предприятия.

— Я слушаю, мсье, — с любезной улыбкой ответил Дюма.

— Как цивилизованный человек и поэт, я не могу без содрогания подумать о вашем путешествии по этому ужасному краю без сопровождения нашего полускадрона. Вы вступаете в ущелье, которое кишмя кишит разбойниками, и ваше имя им ничего не скажет, — с жаром продолжал Никита. — Вы — один из тех людей, кого можно назвать сеятелями цивилизации. Вы оздоравливаете умы, вы оплодотворяете душу и разум человека. Вы возбуждаете жажду чтения, взрыхляете человеческое сердце и бросаете в него семена духовности! — Коновицын с опаской оглянулся на коня, посматривавшего на него умными глазами, и, отодвинув в сторону его морду, шепотом добавил: — Вы сеете французские идеи!

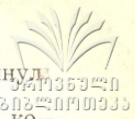
«Как быстро и далеко летят слова Виктора Гюго», — не без зависти подумал Дюма и, достав батистовый платок, вытер слезы.

— Вашу руку, мсье Никита!

Коновицын запальчиво продолжал:

— Вы не имеете права подвергать вашу жизнь столь великой опасности, вы не принадлежите себе, вы принадлежите Франции! Миру! Прошу вас, отмените ваше решение! Поедемте с нами!

— Увы, поручик! Последовав советам вашего доброго и благородного сердца, я обрек бы себя на великие муки. Мою старость омрачили бы воспоминания о собственной слабости. Я не выдержал бы насмешек над самим собой из-за того, что струсил. Прощайте, поручик!

— Да хранит вас бог! — вздохнул Коновицын и протянул руку Дюма.

По знаку поручика стоявший у шлагбаума солдат, нос которого свидетельствовал об усиленных приемах спиртуозов, отпустил геревку. Перекладина со скрипом полезла в небо.

Дюма и его слуга на своих маленьких кабардинках поехали в горы.

Проводив их взглядом, Коновицын вздохнул и, закуривая пахитосу, задумчиво сказал:

— Быть может, я последний, кто видел живого Дюма...

Солнце перевалило за полдень.

Дюма и Бланше ехали по узкому каменистому серпантину, который перестал быть тропинкой, но не успел еще стать дорогой.

Вскоре и он стал воспоминанием, и лошади, тяжело дыша, полезли наверх по скалам, осторожно отыскивая копытами едва заметные зацепки.

Бланше, отстав на полкорпуса, почтительно держал над хозяином пестрый зонтик. К его седлу были привязаны гуси, окорока, колбасы...

Он старался не смотреть вниз, где, отливая серебром, змеилась река.

Ландшафт становился все суровее, голые скалы почти отвесно поднимались вверх, теряя где-то в облаках заснеженные вершины. Перед путниками открывались картины первозданной природы, еще не познавшей человеческой дерзости. Тропы заросли, тишину нарушали лишь шум реки и клекот орлов. Иногда неведомая рука прорывала облака, и тогда перед ними предстали Эльбрус и Казбек, подобно атлантам, подпирающие небосвод, неприступные и разумом непостижимые.

— Посмотрите на эти горы! Они прекрасны! — восхищался Дюма.

— О, Иисусе! Они ужасны! — восклицал толстый Бланше и закрывал шляпой глаза, всецело доверяя свою жизнь старой лошади.

— Не закрывайте глаз, Бланше! — восхищался Дюма. — Смотрите на эти горы, в сравнении с которыми Монблан и Юнгфрау — роуальные безделушки!

Но Бланше не слушал хозяина и прикрывал шляпой глаза. Страх был сильнее любопытства.

— Мсье... — тихо позвал он.

Дюма обернулся.

— Слышите выстрелы? — зашептал слуга.

Дюма приподнялся на стременах и, прислушиваясь, внимательно огляделся вокруг.

— Мне бы ваше воображение, Бланше, — улыбнулся он и тронул поводья.

Тяжело вздохнув, Бланше последовал за хозяином. Жалко было смотреть на этого мирного человека среди диких скал, где на уровне его плеча кружились орлы. Каждый скатившийся камушек повергал Бланше в ужас, и он втягивал голову в плечи.

чи, поминутно хватаясь за пистолеты, которыми был щедро увешан.

— Ах, — шептал он с укоризной, — как может человеку веку прийти в голову такое: бросить Париж и скитаться на краю света в поисках смерти?

— Бланше, не отставайте! Скоро стемнеет, а мы еще не нашли приличного места для ночлега, — то и дело напоминал Дюма, и слуга, ударяя колбасой по тощим бокам лошади, подгонял ее.

Места чуть выровнялись, и Дюма, желая подбодрить своего слугу, весело воскликнул:

— Сдается мне, мы приближаемся к месту нашего отдыха. Гусиный паштет и стакан вина придадут нам новые силы, Бланше... Не отставайте! — Дюма прищипорил коня, желая скорее миновать теснину.

Действительно — тропа обогнула скалу, и показалась площадка, но настолько маленькая, что на ней едва поместились бы человек пять, да и то тесно прижавшись друг к другу.

Дюма вздрогнул, натянул поводья. Бланше от испуга чуть не упал с лошади.

Леденящая душу картина открылась их взору. На краю пропасти, обнажив грудь, стоял юноша, похожий на Иосифа Прекрасного. Глаза его, полные слез, были обращены к небу. Напротив него рукояткой в расщелину скалы был забит кинжал, и лезвие хищно сверкало в лучах заходящего солнца. Не сводя глаз с неба, юноша примерил обнаженную грудь к острому клику и отступил к краю площадки. Сомнений не было: он готовился покончить с собой, унеся в царство теней свою божественную красоту.

— О, Марджанет! — с великой болью воскликнул он и бросился грудью на кинжал.

Раздался выстрел. Кинжал вылетел из расщелины, и юноша, стукнувшись лбом о гранит, упал без сознания.

Заткнув за пояс дымящийся пистолет, Дюма соскочил с лошади.

— Бланше, флакон с солью! — Дюма приподнял голову юноши, а Бланше поднес к носу несчастного лекарство. Юноша открыл глаза, печально посмотрел на Дюма и с горечью шептал:

— О, добрый человек, зачем ты мне помешал? Что для меня эта жизнь без Марджанет? — И он снова потерял сознание.

У Дюма на глаза навернулись слезы, он нежно поднял юношу и понес к лошади.

— Что вы делаете, мсье? — удивился Бланше.

— Моя совесть не позволяет оставить его здесь наедине с кинжалом.

— Это делает вам честь, мсье, но лучше выбросить кинжал и поехать дальше, — рассудил Бланше.

— Если бы только кинжал был посредником между жизнью и смертью! — отвечал Дюма, взваливая юношу на запасную лошадь. — Черт возьми, да помогите же мне, Бланше!

— Я ищу штаны, — Бланше бегал по площадке, заглядывая под камни.

— Какие еще штаны? — удивился Дюма.

— Мсье, да он же без штанов.

— Вы правы, он без штанов! Не скрывается ли за этой какой-то тайна? Почему он готов был предстать перед господом богом в таком виде? Нет, Бланше, мы не можем оставить его, он так похож на моего Александра!

Бланше досадливо покачал головой.

— Ах, сударь, это безрассудство! — вздохнул Бланше. — Думается мне, здесь нам будет веселее, чем у Гарибальди.

Наконец маленькая кавалькада тронулась в путь. Впереди шла запасная лошадь с юношей, все еще пребывающим в бессознательном состоянии. Следом Дюма, который отобрал зонт у Бланше и держал его над головой несчастного. Замыкал шествие Бланше.

— Ах, мсье, еще раз прошу вас: пока не поздно, вернемся в Париж, на улицу Мадлен. Я вам сварю шоколад, ваша козочка Сесиль сядет вам на колени, и вы допишете «Монте-Кристо»! Вы же по уши в долгах. Подумайте, мэтр, пока мы не глубоко зашли в это логово разбойников...

— Но почему он не приходит в сознание?.. — беспокоился Дюма, склоняясь над юношей.

— Не надо было его брать, — укорял Бланше. — В этих горах, мне рассказывали, все друг за другом бегают с кинжалами. Не приведи господь встретить его врагов, тогда мы всей компанией отправимся к всевышнему.

Неведомо откуда снова появилась тропинка, виньеткой закружилась между скалами и ушла за поворот, откуда выглядывали кустики малины. Лошади, видимо, узнали ее и зашагали веселей. Вдруг из-за кустов послышались хруст ломающихся веток и приглушенные голоса. Бланше выхватил пистолеты.

Дюма приподнялся на стременах и всмотрелся в кусты.

— Как ты ешь? — укоризненно говорил заросший черной щетиной толстый мужчина с восточными миндалевидными глазами, полными печали, другому — голубоглазому, с соломенными волосами, в солдатской шапке, со скаткой через плечо.

— Не мешай...

— Вай, вай, как ты ешь, — качал головой восточный мужчина.

Солдат обчищал куст малины, пропуская ветки между пальцами.

— Как медведь ешь, а не как человек.

— Отстань! — Солдат продолжал есть по-своему, не отделивая ягод от листьев и веток.

Восточный недовольно морщился.

— Посмотри, как надо есть. Ну хотя бы посмотри! — попросил он.

Солдат на минутку оторвался от кустов и взглянул на своего сотрапезника.

Восточный мужчина нежно снял с веточки плодик, задержал на мгновение под черным, как спелый баклажан, носом и осторожно положил его на фиолетовый язык. Затем закрыл рот и языком растер малину о небо. Он снова открыл рот и высунул язык. На языке было пусто.

— Видишь? Во рту должен остаться вкус, а в носу благоухание.

— А-а, — отмахнулся солдат, — ты как Аленушка сидишь!

— И потянулся к дальней ветке.

Ветка громко хрустнула, нервы Бланше не выдержали, и он спустил курок.

Грохот раздался в горах.

— Бланше?! — вскричал Дюма и повернулся к слуге.

Солдат и восточный мужчина бросились на землю, подмяв под себя кусты.

— Ерофей, что будем делать?! — прошептал восточный человек.

— Молчи, — приказал солдат.

— Придумай что-нибудь, — умолял восточный.

— А что придумать?

— Ты же солдат!

— Я в отставке.

— Все равно думай.

— Мотаем отсюда.

— Господа, — раздался в тишине вежливый голос Дюма. — Простите нас за беспокойство, это всего лишь досадная ошибка, но она не должна помешать знакомству, которое, сдаётся мне, перерастет в дружбу. Выходите, мы вас ждем с нетерпением.

— Эх, пушечку бы! — помечтал солдат, глядя на Дюма.

— Без потерь не уйдем.

— Пушку не надо — сдаваться надо, — сказал Бабадул.

— Господа! — в голосе Дюма уже звучала настороженность. — Ваша медлительность поневоле рождает опасения и сомнения в наших будущих отношениях, которые, я все еще надеюсь, будут мирными и любезными.

— Сукин кот, отвлекает. Сдаваться будем. Иди, Бабадулка, иди, носатик...

— Я — бедный купец, а ты — солдат, ты и иди первый, война — твой дом, твоя пашня...

Прячась друг за друга, они вышли из кустов и предстали на милость победителя. Оба были без штанов.

— Тридцать тысяч громов! — поразился Дюма. — Что это за страна, в которой все ходят без штанов?!

Бабадул молитвенно сложил руки и, обратив взор к небу, произнес:

— О, бог синего неба, пусть будет этот человек вестником добра, пусть не будет он посланником зла, пусть появление этого чужестранца станет концом дурных дел на Кавказе.

С этими словами он приблизился к победителю и хотел стать перед ним на колени, но Дюма с ласковой улыбкой остановил его и пригласил сесть на камень.

Солдат поправил ремень и сел было рядом с Бабадулом, но, увидев пришедшего в себя юношу, поспешил к нему. Он помог ему сойти с лошади и начал поить его из фляги.

Бабадул тоже подошел к юноше.

— Бедный, бедный Азамат, почему ты не послушался нас, почему ты снова пошел к нему?.. — закачал Бабадул головой.

— Этот анчихрист опять снял с него штаны, — объяснил солдат Дюма.

— Господа! — обратился Дюма к обществу, терзаемый лобопытством. — Не могли бы вы объяснить мне, что происходит, почему все, с кем нам посчастливилось встретиться, без штанов? В чем дело? Расскажите, я весь превратился в слух! Итак?!

— О, луна и солнце, наберись терпения, — заговорил Бабадул. — Присядь с нами, мы тебе поведаем печальную повесть, по сравнению с которой история Лейли и Меджнун покажется тебе ослиной редиской перед розой Ширази.

Бабадул подождал, пока все рассядутся вокруг него, и, мерно раскачиваясь, как муэдзин, эпическим голосом начал рассказывать историю несчастной любви Азамата и Марджанет.

— Любовь — это нектар божественной истины, — закрыв глаза, провозгласил он, но солдат перебил его.

— Про соловья и розу не надо. Говори как было.

Бабадул продолжал:

— Мой господин, посмотри вон туда. Это — страшная крепость князя Вамеха Вахвари, отцом которого был шакал, а матерью — змея.

Дюма последовал совету и глянул на торчащие на скале, как гнилой зуб, остатки старого замка.

— И захотел аллах, чтоб у этого князя родилась дочка Марджанет, красота которой говорит солнцу: ты уйди, а я взойду вместо тебя на небо!

Азамат вздохнул и утопил лицо в руках.

— Чего мучаешь человека! — разозлился солдат и снова принялся поить из фляги юношу. — Пей, сынок, и забудь ее. Не слушай этого обалдуя.

— И воспылал великой любовью молодой Азамат к прекрасной Марджанет. И она тоже начала гореть великой страстью к Азамату, который, вы видите, прекрасен, как Иосиф Прекрасный, и слезами которого омыты все эти горы. Эта палка из мяса? — взгляд Бабадула упал на колбасу.

— Да, это колбаса, — подтвердил Дюма, — но мы еще вернемся к этой теме, а сейчас прошу вас утолить голод лобопытства.

— Ваше благородие, — включился Ерофей. — Пошел он к ней свататься, а тот, собака, то есть отец ее...

— Как ты рассказываешь?! Как медведь рассказываешь! — возмутился Бабадул. — Любовь — это хождение по долине безмолвного страдания...

— Подожди, дай сказать, — снова перебил его Ерофей. — А отец ее как зарычит на него: ты как смеешь, голодренец, свататься! Кто ты такой? И содрал с него штаны, а парень снова достал штаны и снова пошел свататься, а тот, гололобий, снова содрал их и опять, значит, подарок собакам. Тьфу! — Все замолчали и с грустью посмотрели на Азамата.

Бланше склонился к солдату и тихо спросил:

— Ну, а с вас, мсье, кто снял штаны? Князь?

— Он, — как бы с гордостью ответил солдат, никто не смог бы.

Солдат повернулся к Дюма:

— Служил я, ваше благородие, на Кавказе двадцать пять лет. Ну, значит, отслужил. Куда мне? К себе в Кострому. Ду-мал, мать повидаю, сотки поломаю, медку попью, на печке полежу. Черт попутал напрямки пойти. Зашел в ущелье, а он не любит, если кто мимо его крепости идет. «Ты чего, говорит, с ружьем вдоль и поперек мимо меня гуляешь?! Пугаешь?!» Ружье отнял. А раз, говорит, у тебя ружья нет, ты не мужчина, а раз не мужчина — на черта тебе штаны? А ведь правильно говорит. Но и мне без штанов какво? На Руси сейчас мороз, метелица, а мне плоть нельзя отмораживать, мне жениться надо. Я давно его знаю, месопотама. Вместе Эрзрум брали. Никак не пойму, хороший он человек или плохой.

— Какой хороший?! — воскликнул Бабадул. — Плохой он! Плохой! Хороший штаны не отнимет! Верблюда не отнимет! Пять мешков кишмиша не отнимет! Хоть бы мешки вернул, они счастливые. А штаны? Мои штаны!..

— У вас будут штаны, господа! — воскликнул Дюма и, вскочив на лошадь, поскакал к замку.

— Куда ты?! — закричал Ерофей.

— О, безумный франк! — завопил Бабадул.

— Мсье, не оставляйте меня с этими разбойниками! — крикнул Бланше и поскакал вслед за хозяином.

Ерофей попробовал остановить хотя бы Бланше, ухватился было за седло, но в руках у него осталась лишь колбаса и один из четырех пистолетов, которыми был увешан Бланше.

— Остановитесь, смертные! — успел крикнуть солдат, но было уже поздно — безумцы скрылись за поворотом.

...Дюма и его слуга отсутствовали недолго: еще не закатилось солнце за Эльбрус, еще не потекли первые вечерние тени по ущелью, как Ерофей и Бабадул услышали быстрые шаги и на тропинке показались два пешехода — они были в подштанниках. Вместо сине-фиолетовых брюк со штрипками на Дюма были шелковые подштанники, которые мало отличались от потерянных брюк. По тогдашней кавказской моде это были вполне штаны и даже очень приличные, но они не соответствовали фракку и цилиндру.

Лицо Дюма было скорбно, это был Ганнибал, пораженный Сципионом.

Бланше был бледен, как алебастр, и дрожал, как листочек. Солдат и Бабадул понимающе переглянулись.

— Ах! — закрыл глаза Дюма. — Я оскорблен, я унижен! О, я не могу вынести этого позора! Маркиз Александр Дюма только смертью может сохранить свое доброе имя! Бланше! Мой двустольный пистолет!

Бланше потерянно глядел на своего разъяренного хозяина.

— Дайте мне пистолет! — Дюма выхватил из-за пояса Ерофея чудом оставшийся пистолет, приставил его к виску и метнулся за скалу.

Это было сделано так быстро, что никто не успел остановить писателя.

Раздался выстрел, затем еще один.

Все бросились за скалу.

Дюма выдувал из пистолета дым.

— Я, кажется, промахнулся, господа, — объяснил он. — В этом я вижу перст судьбы. Видимо, боги не желают, чтоб это смертельное оскорбление осталось безнаказанным! — и, посмотрев на замок князя, с ненавистью воскликнул: — Кретин в горах! О, ты еще пожалеешь о своей выходке, монстр! Господа, мы вместе должны отомстить за поруганную честь!.. — воскликнул Дюма.

— Лучше бы он не промахнулся, — прошептал Бабадул солдату. — Ерофей-джан, пошли быстрее отсюда, а то совсем некому будет рассказать, что здесь произошло.

— Да, носатик, мстаем отсюда, а то такая каша заварится, что мы одними штанами не отделаемся.

Вдруг до их слуха донеслась нежная песня.

Азамат вздрогнул.

Далеко внизу, в замке, в проеме старой башни стояла прекрасная Марджанет и с грустью пела о своей любви.

Дюма с отеческой нежностью посмотрел на Азамата, с упрямством слушавшего голос любимой.

Песня звучала недолго. Марджанет исчезла, и кто-то закрыл за ней окно.

— Господа, — обратился Дюма к обществу, — господа, вы вольны распоряжаться своей судьбой, но я остаюсь с этим прекрасным юношей. Святотатство — разлучать сердца, которые бог создал друг для друга! Я сделаю все для торжества любви, хотя бы для этого мне пришлось перевернуть небо и землю!

— Мсье... — простонал Бланше.

— Пошли, Ерофей, у него пудра в голове, — прошептал Бабадул солдату.

Солдат поправил ремень, заложил ложку за пояс и пошел было за Бабадулом, как его окликнул Дюма:

— Солдат!

Ерофей обернулся.

— Мой друг, — обратился к нему Дюма, — неужели вы никогда не любили? Вспомните свою первую любовь!

Лицо солдата стало печальным. Он закрыл глаза и ушел в далекое прошлое, в затаенное и несбывшееся.

— А вы, мсье Бабадул? — окликнул Дюма уходящего от них купца.

Тот обернулся.

— Ужель ваше сердце никогда не замирало?

Бабадул опустил глаза.

— Нет, добрый человек. Моего соловья не пустили в сад любви. О, Зульфья... — прошептал он, вложив в это имя всю боль несостоявшейся любви, и слезы заволкли его оливковые глаза.

— Интересно, поливает ли мой тюльпан Клотильда, — вспомнил свою любовь и Бланше.

— Господа! — обратился к обществу Дюма. — Имел честь сказать вам, я со своим слугой остаюсь с мсье Азаматом и готов разделить с ним все трудности, дабы восторжествовали его чувства. Лучшего нам ничего не свершить на этой земле!

Азамат был растроган. Только суровые горские традиции помешали ему ярче выразить свою признательность. Он положил на сердце руку и, низко склонив голову, стал рядом с французом.

— А-а! — махнул рукой солдат и стал рядом с Азаматом. — Все равно от судьбы не уйдешь. А ты куда? — остановил он хотевшего уйти купца. — Один пропадешь. Нам теперь надо держаться вместе.

Бабадул вздохнул и стал рядом с солдатом.

Следом за ним — и Бланше.

Таким образом, вокруг нашего героя сплотился отряд мстителей.

— Трепещите, князь! — крикнул Дюма, погрозив кулаком в сторону замка. — Вам не уйти от возмездия!

— Ах, дайте мне воск, я заткну уши, чтобы не слышать этих безумных слов! — ударив себя по лбу, выскочил из строя Бабадул и стал перед Дюма:

— Послушай меня, о великий седой муж! — поклонился он Дюма. — Не надо с войной к князю. Война для него только радость. А нам? Лучше к нему со сладким словом. Оно и змею из норы выманивает. Твой слуга говорил мне, никто лучше тебя писать не может. Ты только запиши то, что я тебе скажу, а остальное я все улажу, я сам пойду с этим письмом к князю.

Дюма заинтересовался и, щелкнув пальцем, воскликнул:

— Бланше!

Бланше тотчас подставил спину, на которой к кожаной дошечке, пришитой к фраку, была приколотая голубая бумага, и подав перо и чернильницу, свисавшие у него с шеи с другой стороны, замер.

— Ты готов, отец письма? Тогда пиши. — Бабадул вздохнул и вдохновенно начал: — О, муж черный с железным взглядом! О, грозный одинокий всадник, чей меч сам взлетает для удара! Не будь мы такими глупыми, разве вели бы мы себя так некрасиво. Мы не поехали бы по твоему ущелью и не прервали бы твои великие мысли. Прости и верни нам то, без чего мы не можем идти дальше, верни нам то, что ты бросил своей железной рукой на растерзание своим прекрасным собакам, целуем пыль на их хвостах, да будут они вечны! — Бабадул вдруг устался на ноги Дюма. Затем, склонившись, пошупал материал подштанников:

— Это марсельский шелк? Интересно, сколько там стоит теперь аршин?..

Дюма резко отдернул ногу:

— Не сыпьте соль на мою рану, сударь!

— Хорошо, дорогой, хорошо, золотце, — извинительно сказал Бабадул, уличенный в бесгактности. — Пиши дальше.

Верни нам то, что было на нас до встречи с тобой. Мы никогда не оскорбим твой взор своим появлением. О твоём великодушии я напишу книгу, чтобы её прочитали все франки, черкесы, грузины, русские и курды всего Востока. Ты — наш свет, и верх твоей шапки — солнце!

Низко кланяются.

Франк Дюма и его неразумные друзья.

— Такое письмо будет очень приятно князю, правда? — сияя, сказал Бабадул, уверенный в его неотразимой силе.

Бабадул взял из рук Дюма письмо, свернул его в трубочку, поцеловал и прошептал:

— Да хранит меня аллах!

Потом он заспешил вниз, к замку, с письмом как с охранной грамотой.

Марджанет сидела у окна, перед ней на подоконнике лежала толстая тетрадь. Девушка обмакнула перо и, склонив голову, вывела красивую надпись: «Мудрые мысли».

Затем она задумалась, посмотрела в окно и вздохнула. И только хотела записать какую-то мысль, родившуюся в её очаровательной головке, как закачались серьги в её ушах, зазвенело серебро на полках, закрипели и заходили стены и пол, и рука её вместо букв начала выписывать каракули.

— Ах! — досадливо воскликнула Марджанет и, выглянув в окно, увидела Карамурзу, с упоением чесавшего спину о столб, подпиравший второй этаж остатков дворца князя. Она схватила медный кувшинчик с кистями и бросила его в голову Карамурзы.

Бросок был меткий — раздался звук, рожденный встречей двух пустых предметов. Карамурза, деревянно улыбаясь, стал собирать кисти в кувшинчик.

Марджанет вздохнула, закрыла окно, а затем и тетрадь. Во дворе князя все было обыденно. В отличие от своих нукеров, испытывавших к мылу и воде суеверный страх, князь почти каждый день купался в бочке. Это была не только чистоплотность, но ничем непреодолимая любовь к поэзии, которая с годами все более усиливалась в нём. С каких-то пор князь заметил, что стихи лучше всего приходят к нему, когда тело погружено в воду. Порой он целые дни проводил в бочке, в плену муз.

Относясь к грамматике высокомерно и считая её горьким уделом простонародья, он постоянно держал при себе человека, умеющего писать и читать. Как правило, это были пленные. Одних он прогонял, другие убегали или умирали своей смертью. Дольше всех держался Симон Пилхас, который был присвоен князем по дороге в Персию. Он был взят вместе с кувшинчиком жидкого золота и набором тончайших кистей, которыми собирался расписывать шахский дворец. Князь признал в этом знамение судьбы, и с тех пор стихи его писались лишь золотом.

Вот и сейчас князь сидел в бочке, а Симон Пилхас, пристроившись рядом, ждал, когда князя посетит муза.

Князь дал знак, и два его нукера, стоявшие в почтительном молчании рядом, начали наливать в бочку: один — холод-

ную воду, а другой — горячую, стараясь угадать по тону князя желаемое соотношение.

— Пиши, — приказал князь. Симон торопливо обмахнул кисточку и склонился над шелковой лентой.

Что ж осталось? Руины и тлен.

Совы летают у мраморных стен.

Все пролетает, проносится мимо.

Словно листок, ураганом гонимый.

— Уф.. — выдохнул он, как кузнечный мех, когда стих покинул его. — Хорошо? — спросил он Пилхаса.

— Очень, очень! Лучше никто не напишет. — И, заглянув в глаза князю, попросил: — Отпусти меня домой, а?

Князь отрицательно покачал головой и вылез из бочки.

Карамурза зачерпнул воды из холодного ручейка. Князь, громко фыркая, озвезил лицо, вдруг его руки коснулись в ведре трепещущей рыбы. Он извлек из ведра форель, провел его по голой груди и вернул ей свободу, бросив обратно в ручеек.

Симон Пилхас, вздохнув, отпорол старые стихи от папки князя и начал пришивать к ней ленточку с новыми стихами.

Нукер, постоянно дежуривший на крыше, вдруг вскочил и закричал:

— Человек идет!

— Сам? — удивились снизу.

— Сам! Сам!

Князь вскинул брови и посмотрел на нукера.

— Он без штанов. — растерялся нукер. — А это тот, что кишимш нам преподнес.

Князь покачал головой, не зная, что подумать. Случай был глупый. Человек, хоть раз побывавший в замке, навсегда забывал к нему дорогу.

Размахивая бумагой, к крепости поднимался Бабадул.

— Открыть? — в два голоса, как в песне, спросили Карамурза и Бекмурза и, получив согласие, побежали к воротам, в которые уже вежливо стучался Бабадул.

Приоткрыв ворота, Карамурза и Бекмурза переглянулись — никто не заходил. Показалась лишь рука с письмом. Карамурза забрал письмо, а Бекмурза, схватив руку, втащил Бабадула во двор.

Письмо незамедлительно преподнесли князю.

Вахвари покрутил его и бросил Симону Пилхасу, а сам, надев халат, присел на деревянную инкрустированную тахту под большим старым дубом. Тахта наклонилась, и Бекмурза тотчас подставил камень под ущербную ножку. Пока Симон Пилхас вскрывал письмо, князь впился глазами в Бабадула, и под бедным купцом загорелась земля.

— Кто послал? — спросил князь.

— Франция... — негромко и нетвердо ответил Бабадул.

— С каких это пор послы Франции ходят без штанов? — прищурил глаза, спросил князь.

Бабадул оглянулся, но ворота уже были заперты на железный засов. Карамурза, положив волосатые руки на князя, как на подоконник, не сводил глаз с гостя.

— Можно? — тихо спросил Симон Пилхас, держа письмо наготове.

Князь кивнул головой.

Пилхас сполоснул рот розовой водой — это была веками устоявшаяся традиция: перед тем, как ушей Вахвари коснутся чьи-либо слова, они должны были пройти через благоухающие уста, — и начал:

«Мсье Вахвари, пренс, я преисполнен уважения к Вашему древнему роду, обычаям и традициям, которым Вы с такой похвальной ревностью служите.

Особенно приятно Вам будет слышать эти слова от человека, столь же верного освященным веками традициям своего рода, среди которых обычай носить штаны теряется во тьме язычества. Уважая Вашу нетерпимость к этому предмету, я не стану расстраиваться о нем.

Но кто Вам, пренс, дал право глумиться над любовью, над чувством, дарованным нам всевышним?! Вы совершили величайшее преступление, на какое только способен человек.

Но я великодушен.

Я позволяю Вам исправить Вашу ошибку и уйти с дороги Азамата и Марджанет. В противном случае Вы будете иметь дело с Александром Дюма и он Вам укажет путь, хождение по которому со штанами или без них уже не будет для Вас иметь никакого значения.

Еще не поздно — опомнитесь, пренс!

Кавалер ордена Льва, Почетного Легиона, креста «Густава Вазы», Святого Иоанна Иерусалимского и Изабеллы Католической Дюма Александр Старший.

P. S. Не откажите мне в любезности вернуть рукопись моего нового романа.

P. P. S. Подателю сего письма окажите достойное уважение, он из рода Сасанидов».

Сказать, что Вахвари разгневался, значит, спрятаться за жалкими и ничего не значащими словами. Попробуйте разбудить спящего тигра, потянув его за хвост и плюнув ему на усы.

А князь был не тигр, он был Вахвари.

Последних слов Вамех не слышал. Он лежал в полуобморочном состоянии и ловил открытым ртом воздух.

Карамурза и Бекмурза, мало что поняв из письма, пораженные апоплексическим состоянием князя, правильно рассудили и бросились к северной стене, где еще с зоологических времен росла пыльная крапива.

— Старую, старую, — советовали они друг другу и рвали крапиву с корнями.

Затем подскочили к Бабадулу и принялись закидывать крапиву ему в кальсоны — сперва под зад, а потом и под древнегрузинский символ плодородия и доброты.

Слезы брызнули из глаз Бабадула.

— Слезам не верь! — предупреждая Карамурзу, кричал Бекмурза, бегая вокруг на кривых ногах.

Князь, понемножку приходя в себя, открыл глаза и тихо спросил Бабадула:

— Кто этот Изабелла Католический?

— Это один француз. У него шляпа двенадцать раз блестят.

— А под шляпой у него есть что-нибудь?

— Его слуга говорит — два ума... Пусть они оба высохнут, которые придумали эту глупость, и мой тоже пусть высохнет, что поверил ему. — Бабадул прыгал на месте, сжигаемый крапивой и огненным взглядом князя.

Князь посмотрел на своего скакуна, который, учуяв потеху, с нетерпением бил копытом. Но тут желтый Бекмурза, бывший при дворе князя кем-то вроде блюстителя обычаев и праздников, сходство которого с кардиналом Ришелье подчеркивала черная кошка, спящая у него на руках, три раза погладил бороду, встал на цыпочки и что-то прошептал князю, кривым ржавым пальцем показывая на утреннее небо, где еще серебристо светилась луна.

— Через неделю родится новая луна, только тогда ты можешь взять в руки оружие.

Князь с досады поморщился и бровью приказал Симону Пилхасу писать.

Пилхас освежил золото на кисточке, расправил шелковую ленту на дощечке и посмотрел на князя.

Князь подумал немножко.

— Пиши. Если ты, Изабелла Старший, одолжишь крылья у орла, я все равно тебя догоню. А когда я тебя догоню тебе не помогут и когти тигра. Вахвари и старший, и младший и для тебя — последний!

Письмо это запахали вместе с крапивой в трусы послы Франции, после чего Бабадул как персона нон грата должен был покинуть замок князя, предварительно получив двойной пинок от выводящих персон — Карамурзы и Бекмурзы.

Дюма и его друзья стояли на вершине горы и видели, как Бабадул пулей выскочил из замка и побежал, сверкая пятками.

— Чертов франк, — говорил он, чуть не плача, — лучше бы ты не родился, а родившись, лучше бы не вырос. Пусть молния ударит в твое черное перо. Какие золотые слова я тебе говорил, а ты что написал?!

Солдат, высыпав из котелка тлеющие угольки, разжигал костер. Бланше собирал сухой хворост.

Дюма сидел у разгоравшегося костра, а Азамат стоял в стороне и глядел на замок.

Лицо юноши было печально. Тяжелые думы легли на его благородное чело.

— Мсье Азамат! — Дюма пригласил юношу к костру. — Присядьте.

Азамат присел к костру.

Ерофей пошел помогать Бланше собирать хворост.

— А давно ли, милый юноша, Марджанет завладела вашим сердцем и почему ее отец противится вашей любви? Отведайте мне, если вы считаете меня своим другом.

Азамат опустил глаза и, тяжело вздохнув, начал:

— Если мой род не самый древний на Кавказе, то только потому, что древнее его род Вахвари. Никто не знает, сколько веков эти два рода вели кровавую борьбу.

Моя память не хранит последней битвы между нашими родами, я был в чреве матери и потому единственным ее защитником. Тебе, должно быть, известно, как священна женщина, когда она носит в себе жизнь еще не родившегося! Вахвари стер с лица земли весь мой род. Моя мать, светлая ей память, скончалась в родах, а меня вырастил, кто бы ты думал? Сам князь Вахвари. О, как безоблачно было мое детство, моя юность! Став моим отцом, Вахвари души во мне не чаял. Я был гордостью его княжеского сердца. Так я рос вместе с Марджанет. И когда я стал мужчиной, он, отстегнув свой булатный кинжал, самое святое, что у него есть, по ада-ту вручил его мне как своему сыну. «Не оскверни его, — сказал он, — помни, пусть этот кинжал будет безжалостен к твоим противникам и защитой нуждающимся в нем».

Так я оказался кровным врагом человека, с такой любовью воспитавшего меня. О, великодушный человек, как я могу убить его? И как могу я не рассчитаться с убийцей своего родного отца? И когда мой приемный отец будет убит, кому мне мстить?! И кого должна ненавидеть тогда Марджанет? Меня, который убил отца, убийцу моего отца, и покончил с собой, чтоб рассчитаться с убийцей своего и Марджанет отца? Мой пошатнувшийся разум не может мне ничего подсказать. А на кинжале моего отца написано: «Мсти за кровь!». Где мне найти мудреца, который осветил бы мне истину? — с печалью воскликнул он и, не услышав ответа, поник головой.

Озадаченный и печальный Дюма некоторое время смотрел на Азамата, а затем, положив руку ему на плечо, ласково сказал:

— Утешьтесь, мой юный друг. Дюма с вами. Отныне можете меня считать своим отцом. С этой минуты у меня два сына: Александр и Азамат.

— Бедный парень, — услышав это, покачал головой возвращавшийся с хворостом солдат. — Ему бы одного отца хватило, а тут их целая рота набралась. И все полоумные.

Растроганный Азамат встал, положил руку на сердце и, низко склонив голову, сказал:

— Спасибо, отец.

Тут раздалися шаги, и показался бегом возвращавшийся Бабадул.

— Ну как? — спросил Дюма.

Ничего не ответил, Бабадул пыхтя пробежал мимо костра к роднику и с ходу сел в воду.

— Вы передали ему мое письмо? Я жду ответа.

— Вот ответ, — Бабадул стал выкидывать из трусов мокрые листья крапивы. — Отец ума, что ты со мной сделал? О чем ты думал, когда такие слова писал? Вот прочти! — наконец нашел он в крапиве письмо и кинул Дюма.

Тот мигом пробежал глазами письмо и вознегодовал:

— Ах, трижды негодяй! Я покажу ему! Ах, каналья!.. Господа, кто со мной?!

В ответ только Азамат воинственно засверкает глазами, остальные заробели.

— Эх, дядюшка Дюма! — солдат взял за руку писателя. — Зря ты кашу заварил. Знаю я его, тигру лютую, как гапуста нас порубит. Мы ведь с ним Эрзрум брали. Сейчас он, верно, на луну смотрит, как родится молодая, принимай бой. Только бой короткий будет — мигом перекрошит нас. Лучше пардон проси.

Бабадул посмотрел на луну и выскочил из лужи.

— Рождается! — запаниковал он и бросился было бежать, но солдат задержал его.

— Ты куда, месопотам?! Нам сейчас друг за дружку надо держаться. До луны мы далеко не уйдем, все равно он нас отыщет.

Бабадул все понял и бессильно опустил на камень.

— Вай, вай, вай! Зачем мне нужны были штаны?..

Бланше бегал между Бабадулом и Ерофеем:

— Это конец! Это Ватерлоо, мсье Сасанид! Это хуже, чем Ватерлоо, мсье Ерофей! Умоляю вас, придумайте что-нибудь.

— Мотать надо отсюда! — решил солдат.

— Он прав, мой господин, надо быстрее мотать, — суетился Бланше.

Но Дюма был глух к голосу разума.

— Бежать?! Я не желаю даже слышать об этом. Он заплатит мне за все, каналья!

С этими словами Дюма двинулся на крепость, но все бросились на него.

— Отпустите меня!

Сделав два шага, Дюма замер на месте.

На тропе появились странно одетые для этих мест люди. Один в бархатном плаще, а двое в форме французских полицейских. Тот, что был в плаще, размахивая тяжелой тростью с золотым набалдашником, закричал:

— Ах, вот вы где, господин Дюма! Вы забыли, что должны мне пятьдесят тысяч франков?!

— Мсье Лефевр?! — побледнел Дюма и отступил назад. От его воинственности не осталось и следа. — Как тесен мир!

— Он станет для вас еще теснее, чем вы полагаете. Я вас сгною в долговой тюрьме! Вот векселя, вот исполнительный лист!

— Обижают? — спросил солдат писателя.

— Жалкий писака! — горячился кредитор. — Вы попались. Вам нигде не скрыться от меня. Вас не спасут ни моря, ни горы. Арестуйте его!

И полицейские, сняв с плеча карабины, с криками «Вива Франция!» бросились арестовывать Дюма.

— Дядя Дюма, — сказал Ерофей, — ты беги отсюда, а я им заплачу. — И налег плечом на огромный камень.

— Вы с ума сошли! — испугались французы и спрятались за скалой.

— Друзья! — говорил убегая Дюма. — Мы отступаем, чтоб наступать!

Вскоре их догнал солдат, и они быстрым маршем заша- гали вместе. Так шли они всю ночь, то карабкаясь вверх, то спускаясь по крутым склонам. Где-то внизу, точно в преиспод- ней, шумели водопады и с грохотом двигались ледники. Зло- веще кричали совы, выли волки, молнии сверкали на небо- своде. От грома содрогались горы, со скал на скалы летали туры, преследуемые тиграми. Рыкали львы.

Впереди шел солдат, за ним Дюма, Азамат, и где-то позади не то Бабадул вез Бланше, не то Бланше — Бабадула.

- Исусе! — шептал Бланше.
- О, аллах! — вторил ему Бабадул.
- В Париж! — шептал Бланше.
- В Багдад! — говорил Бабадул.
- В Багдад! — мечтал Бланше.
- В Париж! — шептал Бабадул.

Наконец они нашли ровное место, и, отдохнув от страхов, солдат наскоро сложил из зеленых ветвей балаган, и они рас- положились ночевать, наполнив мир стонами, храпом, вздо- хами. Дюма долго не спал, по его лицу блуждала улыбка, бы- ло похоже, такая жизнь ему начинала все больше и больше нравиться.

Дюма проснулся позже всех. Тень орла проплыла по его- лицу. Занималась заря. Бойкий шепот послышался из-за скалы.

— Хорошо, пойдем, но куда? — спрашивал Бабадул солдата.

Из-за скалы вылетел солдатский сапог и, осветившись на мгновение розовыми лучами восходящего солнца, упал неподалеку. Ерофей на одной ноге поскакал за сапогом. Ба- бадул последовал за ним.

— Вишь! — сказал солдат, указывая на носок сапога. — Идти надо туда!

— Почему туда? Там Вахвари! Дурак твой сапог. Из-за него я весь кишмиш потерял, штаны потерял, голову потерял. Ничего твой сапог не понимает.

Ерофей натянул сапог и, насупив брови, ответил Баба- дулу:

— Ни черта ты в секретах не разумеешь. Этим сапогом я Цицианова, командующего, до Еревана довел, на триста са- жений только отклонился, за него мне Воронцов серебром давал.

— Дурак твой Цицианов, обманул его Сардар-ага, — ра- возлился Бабадул.

— Не кричи, люди спят.

— Смотри! — остановился Бабадул и указал рукой на противоположный склон, с которого сходил туман.

Под пузатой, точно беременной, скалой они увидели кро- хотную молельню, в которой едва поместились бы два яг- ненка.

Сколько таких молелен можно встретить на Кавказе! Сложенные из грубого, неотесанного камня, в котором здесь нет недостатка, они некогда служили чистым молитвам оди-

ноких скитальцев. Упадок веры и нравов превратили их в приют для заблудившихся в горах.

— Что это? — удивились путники.

Перед молельней стоял нагруженный книгами ослик. Скрипнули двери, украшенные изображением Георгия Победоносца, и из молельни, согнувшись, вышел мужчина с настенным барометром и астральной лампой. Положив их ослику в хурджин, он возвратился в часовню.

Только тут путники заметили над дверьми маленькую табличку с надписью: «Адвокатская контора «Эльбрус».

Дюма направился к молельне, и все последовали за ним.

Снова скрипнули двери, и на пороге вновь появился хозяин, держа в руках тяжелые фолианты, на которых было вытеснено золотом «Таблицы Юлия», «Кодекс Юстиниана» и «Гермогениан».

Дюма сделал короткий реверанс и спросил:

— Могу ли я надеяться узнать имя человека, с которым по воле благосклонной судьбы нам привелось встретиться в прекрасное утро на высоте в полтора лье?

— Эрос Тухарели, к вашим услугам, — ласкающим слух голосом ответил тот.

Это был уже немолодой человек, с тяжелым носом Бурбонов, с плавными античными движениями, в длинном гуттаперчевом пальто, что приобщало его к цивилизации и так странно сочеталось с турецкими шлепанцами, надетыми прямо на босу ногу.

Пальто и руки Эроса были в каплях стеарина — свидетельство ночных штудий.

Он продолжал:

— Вы видите человека, желавшего утвердить среди этих диких скал гармонию небесных законов, дарованных людям богами, вместо правил, скрепленных кинжалом, искренне надевавшегося победить словом необузданные силы и принесшего богине справедливости тяжелую жертву. — Эрос расстегнул пальто и выразительно посмотрел на свои ноги — он был без штанов. Скорбно улыбнувшись, адвокат закончил: — Утратив идеалы, он решил удалиться в мирные долины, и для него было бы высочайшим счастьем унести с собой ваше имя, воспоминанием о котором он скрасит остаток жизни.

— Вы видите самого преданного слугу, каким когда-либо располагала богиня Справедливости, — отвечал Дюма. — И она может быть уверенной, что слуга этот сделает все для торжества ее предначертаний. Здесь умрет Александр Дюма, один из всех иже были с ним! — закончил писатель словами из Библии, подобно Бикаре, герою его романа.

Слова эти были сказаны с такой решимостью, что маленький отряд вздрогнул и отступил на шаг.

Форель в речке метнулась на дно.

— Вай, — прошептал Бабадул и прислонился к скале. — Что еще придумал этот проклятый франк?!

Эрос подвел Дюма к угопавшему в траве могильному камню, на котором то ли спала, то ли умерла ящерица. С кустика на могилу с грустью смотрела полинявшая птичка, певшая простую песенку.

Эрос простер руку и прочитал надпись на камне:

«Этот человек всю жизнь боролся с несправедливостью, он умер, а несправедливость жива».

Дюма сделал шаг к камню и с пафосом воскликнул:

— Ройте могилу рядом! Я уложу несправедливость здесь и велю сделать надпись: «О, праведный человек, спи спокойно, то, с чем боролся ты, лежит рядом с тобой! Ты отомщен!».

Легкая улыбка пробежала по тонким губам адвоката.

Бланше подскочил к нему:

— Мсье, внушите господину Дюма, что его дело не воевать с каким-то безумным князем, а книги писать. Он одним своим романом всю Европу без штанов может оставить! Мне дурно, помогите, прошу вас!

— Успокойтесь, сударь, — Адвокат, усадив Бланше на камень, подошел к ослику и достал из хурджина плечистую бутылку и ложку.

— Это лекарство от испуга, народное средство, успокаивает и бодрит, — пояснил адвокат, поднося наполненную ложку Бланше. — Я рекомендую всем, кто хоть раз имел дело с князем. Выпейте, вам станет лучше.

Бланше с жадностью выпил.

Ерофей понюхал ложку, сморщил нос и потерял всякий интерес к жидкости.

— Я тоже хочу! — подскочил к адвокату Бабадул.

Эрос дал ему выпить, но Бабадул все не отходил.

Адвокат вопрошающе посмотрел на него.

— Если можно, еще на завтра! — попросил Бабадул.

Бланше, придя в себя, сел на камень, положил ногу на ногу и, нагляя на глазах, спросил адвоката:

— Мсье, нельзя ли какой-нибудь хитростью заманить этого злодея в Париж? Там господин Дюма и я поймали бы его и сослали на остров Святой Елены.

Дюма резко повернулся к Бланше:

— Бланше, когда вы говорите глупости, говорите только от своего имени!

Адвокат уже навьючил ослика и ждал минуты, чтобы попроситься.

Дюма встал.

— Мсье, не были бы вы так любезны указать нам, где можно приобрести оружие?

— Увы, оружие вы не купите, оружие на Кавказе мужчина добывает силой вместе с уважением.

Сказав это, адвокат снял с ослика бурку и расстелил перед Дюма.

— От имени общественности разрешите преподнести вам этот скромный подарок! Вот отныне ваш дом.

Затем достал пистолет и положил на бурку.

— А это — ваша защита.

Дюма был растроган щедрым подарком.

— Вашу руку, мсье Эрос.

Пожав адвокату руку, Дюма подхватил с земли бурку и, завернувшись в нее, гордо огляделся вокруг.

— Клянусь честью, эти горы еще не скоро забудут Дюма!
— Закон покидает горы, — печально сказал адвокат и тронулся в путь.

Хромой ослик зашагал вниз по тропинке, подбирая хвостом колючки.

— Но справедливость не умрет! — крикнул ему вслед Дюма.

— Аминь, — тихо вздохнул адвокат.

Вдруг Бабадул вспомнил что-то и погнался за адвокатом.

— О, ученый муж, — сладкозвучным голосом попросил Бабадул, — ты уходишь в мирные долины, а я остаюсь здесь. Оставь мне лекарство против испуга, тебе оно ни к чему, а мне без него не продержаться.

Адвокат достал из хурджина бутылку и передал Бабадулу.

Когда они остались одни, солдат скинул сапог, бросил его вверх и поскакал к нему на одной ноге. Все пошли за ним.

Дюма, посмотрев на носок сапога, сказал:

— Туда! В конце концов у нас всюду одинаковые шансы достать оружие.

Сапог показывал на хребет.

Князь стоял перед зеркалом. Два нукера, один, упершись ему в живот, а другой — в зад, затачивали на нем спинную линейку для осанки.

Карамурза поднатужился и из последних сил потянул ремень на себя. Но ремень выскользнул у него из рук, и он, потеряв равновесие, отлетел в сторону и, многократно повторяясь в потемневших зеркалах, ударился о двери, они раскрылись, и Карамурза растянулся у ног Марджанет.

Марджанет сидела на тахте и, положив на колени дощечку, кисточкой рисовала всадника на белом коне, поразительно похожего на Азамата. В глазах девушки стояли слезы. Она подняла голову. Ах, как прекрасны были черты ее! Алые губки, бледное лицо, изящно выточенный носик, мягкий подбородок — все это создавало дивную гармонию. Легкое косоглазие придавало ее лицу особую, непередаваемую словом прелесть.

Она с ненавистью взглянула на нукера.

Двери открылись, показалась голова Эрлимурзы.

— Князь, все готово, — сказал он.

На князя надели черную черкеску, и он вышел из зала.

На заднем дворе, под полуразрушенными сводами, два нукера, обливаясь потом, набивали соломой чучело тигра.

— А где рана? — удивленно спросил один другого, перебирая пальцами шерсть.

— Руками задушил, — объяснил второй. — Князь пулей не убивает — шкура портится.

Вахвари прошел мимо, не взглянув на охотничий трофей.

В тени туты у западной стены ждали его печальные Эрлимурза и Симон Пилхас. Симон как всегда держал наготове письменные принадлежности, а в руках Эрлимурзы был серебряный поднос, на котором между двух роз лежал безжизненный соловей.

Князь сел, стул качнулся под ним, Бекмурза подложил ка-
 мушек под ножку. Между могучими корнями туты была вырыта
 маленькая ямка — место упокоения соловья.

— Ты была маленькая птичка, но у тебя было большое
 сердце. — с напускной проникновенностью начал Эрлимурза.

Князь недобро посмотрел на него, и тот замолк. Князь по-
 смотрел на птичку и тихо прошептал:

— Как любил тебя Азамат! Где ты, сын мой? Может, ле-
 жишь где-то в скалах, покрытый росой, или скитаешься в ди-
 ких лесах Адлера и Пицунды. Ах, почему ты изменил святым
 адатам наших предков, зачем опечалил отцовское сердце? —
 элегически говорил князь.

И точно в ответ с горы донеслась нежная песня. Князь
 посмотрел наверх, лицо его смягчилось, он превратился в слух.

Твоя любовь — небесный дар,
 Огонь, воспламеняющий солому,
 Добычу бьющий с лету ловкий сокол.

Сразу же открылось окно, и Марджанет, стирая руки
 к горе, запела в ответ:

Мне голос твой, что сладкое вино...
 Я им жива.
 Еды с питьем нужнее мне
 Твой взгляд.

Бекмурза вскинул было ружье, но князь грозно посмотрел
 на него, и тот оробел.

Князь слушал с упоением. Азамат играл на нехитром трех-
 струнном инструменте — чонгури. Глаза князя увлажнились, но
 когда Азамат кончил петь и последний аккорд покинул струны,
 Вахвари достал пистолет и, почти не целясь, выстрелил.

— Ой! — Марджанет упала в обморок.

Все три струны на чонгури Азамата были срезаны пулей
 князя.

Юноша не спеша сошел со скалы.
 Больше выстрелов не последовало.

Совет происходил у костра. Было холодно, и все стояли
 спицами к огню.

Может быть, оттого, что все они были без штанов, вид их
 не оскорблял взора. Это можно было считать за шутку прихот-
 ливой моды.

Говорил Дюма:

— Без оружия нам не обойтись. Зря мы время теряем.

— Ваше благородие, — вставил солдат. — Набег надо
 делать, да не с чем. Не пойдешь же в дело с этим, — показал
 он ложку. — Другое у меня на уме.

Бабадул и Бланше бросились к бутылке с лекарством.

Все придвинулись к солдату.

— Пока вы спали, я в пещере одного абрека заметил,
 разбойника. Кто-нибудь из нас, я или Азамат, или ты, дядя
 Дюма, когда он будет отдыхать от дела, ворвемся к нему в пе-
 щеру и ухватимся за цепь над очагом...

Дюма удивленно вскинул брови и повернулся к Азамату, который, видимо, угадал замысел солдата и утвердительно кивнул головой.

Солдат продолжал:

— Обычай у них такой басурманский: кто успеет схватить цепь, тот у них святой. Успеешь — хоть на голове разбойника пляши, что понравится — все твое...

— Однако... — начал было Дюма,

Но Бланше его перебил:

— Простите, господин Дюма! Мсье Ерофей, объясните господину абреку, что господин Дюма — писатель, у него сплошные аншлаги в Комеди Франсез, он любимец публики...

— Скажем, скажем... — проворчал Дюма и двинулся по тропе за солдатом.

...Дорога была крутая, каждый шаг давался с трудом.

— Ты только скажи, что тебе понравилось, и станет твоим, — объяснил солдат Бланше.

— В конце концов, — в Дюма говорила французская деликатность, — мы только на время воспользуемся этими волнующими обычаями. Как только кончится кампания, мы вернем абреку оружие с лихвой.

— С какой еще лихвой? — не захотел понять Бабадул.

— Мы отнимем у князя оружие, и тогда наши трофеи перейдут к абреку, — объяснил Дюма.

— Дядя Дюма, это кичливость духа, — строго заметил солдат.

Бабадула разобрал смех:

— Родник мудрости, если твои слова услышит лошадь князя, она от смеха умрет.

— Насчет добычи, ваше благородие, вы лишнего хватили, но с ружьями мы, даст бог, ноги унесем.

Занятые подобными разговорами, они не заметили, как настала ночь, зажглись звезды, а из-за облаков, точно из ласковой руки, выкатилась луна и пошла с тихим шепотом от горы к горе. Отряд еле попевал за ней.

Путники крались теперь вдоль отвесной скалы, нависшей черной громадой над пропастью, на дне которой река с грохотом ворочала камнями. Наконец солдат остановился и тихо сказал:

— Пришли. Ну, давай, Азаматка. Только смотри, не за калачами идешь.

Тьма поглотила Азамата.

— Иисусе, — задрожал Бланше, в тишине послышалось булканье лекарства от испуга.

— Мне тоже! — попросил Бабадул.

Вдруг точно раскрылась скала, и узкая полоска света легла на камни. Затем ее перекрыл силуэт, будто нарисованный тушью.

— Да озарится мое скромное убежище сиянием ваших глаз. Не проходите мимо! — молвил незнакомец.

— Молодец Азаматка, — с облегчением вздохнул солдат. Все встали и пошли к пещере.

— Разбойник пропустил их вперед, и они вступили в его пристанище. Пещера, извиваясь, уходила в глубь скалы. Маленькая

лампадка слабо высвечивала гроздья сталактитов и хозяина убежища.

Насколько можно было разглядеть в убежище, это был высокий, с неимоверно широкими плечами и осиной талией картинно одетый мужчина. Его грозное лицо со шрамами разной свежести хотя и было страшно, но не лишено обаяния. Словом, как сказали бы французы, это был эффектный мужчина.

Разбойник улыбался.

Дюма подарил ему ответную улыбку, а Бланше, уйдя в поклон, так и не смог из него подняться.

Абрек показал рукой на бурку, приглася всех сесть. Когда гости расселись, Азамат, все это время державший цепь над очагом, отпустил ее, встал за Дюма, не решаясь по молодости сесть рядом со старшими. Бабадул не удержался и заглянул в котел, откуда торчала лопатка барана.

— Вот шли... — начал солдат, набивая трубку. — Думал, повидаю моего кунака Тенгиза.

Абрек в знак благодарности положил руку на грудь.

— А как поживает мой кунак Эльберд? — справился солдат.

— Он в набеге, — ответил абрек.

— Выходит, в тот раз не его повесили?

— Нет, его не повесили.

— Потому-то он сейчас снова в деле. А когда повесят, не будет в деле.

— Когда его повесят, он не будет в деле, — согласился Тенгиз.

Есеса становилась несколько однообразной, и, если б не вмешательство Бабадула, она, наверное, продолжалась бы до тех пор, пока абрека Эльберда и взаправду не повесили бы.

Бабадул, не спуская глаз с ружья хозяина, висевшего на сталагмите, громко спросил солдата:

— Хорошее ружье?

— Сойдет, — сказал солдат.

— Тебе нравится? — повернулся Бабадул к солдату.

— Стреляет — и хорошо.

— А он с ума сходит, так ему нравится, — показал Бабадул хозяину на Дюма. — Он гость Кавказа.

Абрек Тенгиз, не поворачиваясь, красивым легким движением снял ружье и положил его у ног Дюма. Ружье было богато украшено серебром и перламутром.

— Пусть этот ничтожный дар, — кисло улыбаясь, сказал абрек, — будет напоминать моему дорогому гостю о нашей встрече и не станет причиной его недовольства, ибо он заслуживает более достойных подарков.

— Пусть и мой подарок напоминает дорогому хозяину, что отныне у него есть искренний и преданный друг.

Дюма достал из-за пояса пистолет, дар адвоката, и положил с почтением перед абреком.

— Хурму продал, хурму купил, — разочарованно заметил Бабадул.

— Удивил даже, — пробурчал солдат, скосившись на Дюма.

— Bravo, bravo! — робко съязвил Бланше.
Абрек с любовью посмотрел на пистолет, и тут судьба, точно желающая испытать подарок Дюма на деле, разрешила ночную тишину разбойничьим свистом. Абрек вздрогнул.

Свист повторился, и абрек Тенгиз заспешил к лошади.

— Пусть дни моих гостей будут счастливыми и длинными, — сказал он, находясь уже в седле. — И пусть мой очаг отныне станет их очагом. — Абрек свистнул и исчез.

— Если мы сейчас не съедем этого барашка, то он может перевариться. — Бабадул достал из котла мясо.

Славно поужинав, они легли на бурки, и Морфей, проведя по их усталым глазам эфирной рукой, унес их в сторону сновидений.

Проснулись они рано.

Дюма и его друзья вышли из пещеры и пошли вверх в гору. Вдруг откуда-то донеслись гортанные голоса, ритмично повторяющие:

— Varel! Varel!

Солдат спрятался за кусты и знаком приказал всем последовать его примеру.

— Varel! Varel! — нарастали голоса.

Дюма взвел курок. Бабадул и Бланше обнялись как родные братья, не решаясь высунуть голову и посмотреть, что происходит. Возгласы приближались. Тут они увидели такое, что даже у выдавшего виды солдата отвисла челюсть.

Восемь грузчиков несли рояль. Грузчики были в овечьих шкурах.

На рояле накрытый бархатным плащом лежал маленький старичок в партикулярном платье с помятым бантом на шее. В слабой восковой руке он держал метроном. Рядом с ним лежали остатки скромного ужина: надкушенный огурец, ломтик сыра и заметно похудевший бурдюк.

— Уф! — облегченно вздохнул солдат и вышел из укрытия.

Все последовали за ним.

— Здравствуйте, православные! — приветствовал он грузчиков.

Те опустили рояль на землю, не забыв подложить под ножки камешки, чтобы инструмент не свалился в пропасть, и обессиленные прилегли на землю. На ногах остался только один — самый здоровый.

— Ты их тамада? — спросил его солдат. — Что это за снаряд, если не секрет?

— Золотой народ — турки, — начал объяснять высокий, — С саблей на тебя идут, ты тоже саблю возьмешь. Кто живой останется — пусть живет. А после него, — высокий с ненавистью посмотрел на рояль, — никто живым не останется. Горы от него дрожат, ноги кривятся. Изведут этой тяжестью бедную Грузию, изведут..

— В чем дело, господа, куда это вы несете? — поинтересовался Дюма.

— В Тифлис. Там оперу открывают.

— Что открывают? — не понял Бабадул.

— Большой дом — там не будут говорить, как сейчас с тобой.

— Почему не будут говорить? Поссорились?

— Там петь будут, — объяснил Дюма Бабадулу.

— Как петь? — удивился Бабадул. — Все время петь?

— Да... — печально вздохнул грузчик, — только петь.

Хочешь не хочешь, должен петь.

— Говорят, во всех домах Тифлиса скоро так прикажут, — поднял голову второй грузчик, — Всем велят тяжести тащить через горы, а потом, кто живой останется, петь будет.

— Конечно, будет петь, — сказал третий грузчик, — но немного останется в живых.

— А если я не хочу? — не сдавался Бабадул.

— Заставят.

— Ах, испортился Тифлис, нет больше Тифлиса. Нравы пошатнулись, женщины мажутся, мужчины выбросили кремни, ходят и спички зажигают.

— Вино продавать стали, — вздохнул старый грузчик.

Старший грузчик посмотрел на старичка, спящего на рояле. Тот почувствовал взгляд, открыл глаза и, увидев Дюма, просиял:

— Господин Штраус? Не во сне ли я? — протер он кулачком глаза. — Вы тоже на открытие оперы? Далеко ли еще до Тифлиса?

— Далеко, далеко, — ответил за «Штрауса» грузчик. — Хочешь?

Старичок слабо кивнул головой.

— Вот так, — обернулся к Дюма грузчик, — три дня может терпеть.

Он поднял крышку рояля и достал фарфоровый горшочек, затем осторожно опустил старичка на землю.

— Горе ты мое, горе. Ну что в этом стыдного? — говорил грузчик, уводя настройщика за рояль. — Никто без этого не может. Бог так устроил, чтоб человек нос не задирали.

После променада старичка уложили на рояль и накрыли плащом.

— Мы еще встретимся, господин Штраус. Вы меня не забудете, маэстро?

— Ни в коем случае! — успокоил его Дюма.

— Варе! Варе! — закричал старый грузчик. — До новой луны мы должны быть в Тифлисе, а то князь Воронцов голову нам оторвет.

— Вай! — Бабадул с испугом посмотрел на восходящее солнце и тихо прошептал: — О, солнце, мой бог неизменный, благодарю тебя за день жизни, который ты мне еще даришь. Сердце трепещет, когда ты уходишь от меня, и ликует, когда ты снова возвращаешься ко мне.

— Варе! Варе! — закричали грузчики и продолжили путь.

Бабадул еще не закончил молитву, как, точно во сне, перед ними бесшумно (копыта коней были обвязаны тряпками) возникли четыре всадника. Впереди ехал абрек Тенгиз, так достойно принявший их в пещере.

— О-о-о! — возглас удивления вырвался у наших друзей. Даже солдат, не видевший на своем веку лишь арбу, едущую колесами вверх, был ошарашен:

— Мать честная!..

Поражало не отсутствие на абреке папахи, что на Кавказе унодобляло его женщине, а то, что заменяло ему папаху. Прекрасно вылепленный, бритый наголо череп абрека венчала женская туфелька, которая серебряным каблучком была воткнута прямо в темя. На ее мыске по тогдашней парижской моде висел колокольчик, нежнейшим звуком отмечавший малейшее движение абрека Тенгиза.

Это были героические времена на Кавказе — эпоха славных боннов, доблестных мужей, это были времена, когда отрубленную руку с легкостью выбрасывали оставшейся и за лучшую добродетель почиталось терпение. Поэтому по лицу абрека блуждала улыбка с оттенком игривости.

— Что с вами, мсье? — взволновался Дюма.

Абрек чуть повернул голову, колокольчик звякнул. Видимо, не узнав вчерашнего гостя, абрек мечтательно произнес:

— Ты газель с лиловыми копытцами, о, Мери...

Солдат обошел его кругом и спросил:

— Что с тобой? Будь другом, кунак, объясни!

Колокольчик вновь сладко звякнул, абрек Тенгиз посмотрел на солдата и тем же голосом повторил:

— Ты газель с лиловыми копытцами, о, Мери...

Друзья-разбойники, сопровождавшие абрека, были удручены.

— Мы ходили на Пятигорск, — начал рассказывать один из них, единственный глаз которого блестел из-под папахи, как антрацит. — Тенгиз увидел ее в окне, безумно влюбился, влетел к ней в комнату. Что было там, мы не знаем, но когда спрашиваем, только это и говорит:

— Какого джиггита испортили, — покачал головой солдат.

— А мы думали, вы нам поможете, — печально сказал Бабадул.

— Ах, что нас ждет, когда новая луна народится!

— Нет! нет! Мы не можем! — воскликнул одноглазый. — Не видите, болен Тенгиз.

— С удовольствием помогли бы, — вставил другой абрек, — но спешим в Тифлис к штабному лекарю Тункель-Малик-Шах-чазарову.

Тут лошадь миджнура переступила с ноги на ногу, точно давая знать, что время праздных разговоров истекло, и голова абрека чуть качнулась, колокольчик звякнул.

— Ты газель с лиловыми копытцами, о, Мери... — произнес Тенгиз все с той же интонацией, глядя в синее небо.

Разбойники заторопились, расселись по коням, одноглазый взял лошадь друга под уздцы и осторожно тронул с места.

— Ах, мсье, — обратился Бланше к своему хозяину, — когда же мы уедем из этой разбойничьей страны, где туфельки носят на голове, а брюки рвут собаки?

— Терпение, мой Бланше. Вот проучим князя и со свободной совестью возвратимся в Париж.

— Тут один рыжебородый сказал мне, что за тем вон хребтом Грузия, — таинственно сообщил Бабадул. — Там два разбойника живут, горами двигают. Одного Халилапрес зовут, а другого — Аркапос.

— Ну, слышал. А дальше?

— А дальше то, что у них, говорят, много оружия. Пспросим их — не откажут.

— Пошли! — без колебания принял решение солдат.

— Куда пошли? — привычно заволновался Бланше.

Дюма уже шагал по тропинке, вдруг он пригнулся и застыл на месте. Все остановилось.

Впереди были слышны какие-то голоса.

Дюма высунул голову и увидел господина Лефевра, которому он должен был пятьдесят тысяч франков, и сопровождавших его двух полицейских. Компания соотечественников Дюма выросла еще за счет двух представителей деловых кругов.

Один из них, вставив монокль в глаз, повернулся к господину Лефевру и сердито сказал ему:

— Мсье Лефевр, вы говорите о каких-то пятидесяти тысячах франков! Он мне должен четыреста тысяч!

Третий — высокий, худой — нервно передернул плечами:

— В моем присутствии вам бы молчать о долгах господина Дюма! Он мне должен намного больше, чем вам обоим, вместе взятым!

— Жалкий лгун! Не во много, а всего лишь в два раза! — прошептал Дюма.

Господин Лефевр повернулся к высокому, худому и воскликнул:

— Ваше право, мсье Брево! Вы доказали, что вы самый щедрый среди нас, так докажите теперь, что вы самый храбрый из нас. Ведите нас к господину Дюма!

— Нас к нему поведет закон! — твердо ответил господин Брево и показал рукой на полицейских. — Комиссар, действуйте!

Старший из них, с белыми усами, из которых торчала солома, козырнул и доложил:

— Господа, туда нельзя, там князь, встречи с которым набегал сам маршал Мюрат, имея численное преимущество, во много раз превышающее наше.

— Так что же вы нам прикажете делать, господин комиссар?!

— Ждать и надеяться! С той стороны выход из ущелья перекрыли люди князя, тем самым отрезав господина Дюма от Франции. Теперь у него единственный путь в Грузию — по этой тропинке. Не может же он попасть туда через хребет, на который не ступала еще нога человека? — комиссар показал на неприступные горы.

Дюма на цыпочках вернулся к своим.

Солдат, сбросив сапоги и закрыв глаза, грелся на солнце.

— Господа, — обратился шепотом Дюма к отряду, — нам надо идти туда, куда указывает сапог мсье Ерофея.

Носок сапога показывал на хребет.

Ерофей открыл глаза и сказал:

— Правильно, так надежнее. Хоть этого гололобого не встретим.

Отряд тронулся в путь.

Э. М. П. 1935
30220101033

Настало утро, из-за Казбека выглянуло солнце и веером раскидало свои царственные лучи по ущельям, горам и долинам.

Князь проснулся с головной болью.

— Где луна? — спросил он.

— Она ушла, прости нас, — сказал Симон Пилхас, как всегда стоящий при князе с прибором для письма.

Из-за спины Симона вышел Эрлимурза:

— Потерпи немного, князь, переловим их всех как крыс и развеем как птиц, и рука твоя, носящая саблю Вахвари, тебе не изменит, а сердце твое успокоится.

— Ну, читай, — приказал князь Симону Пилхасу, — разозли меня!

Тот достал знакомое нам письмо Дюма. Вот уже третий день, подобно известному царю персидскому, князь каждое утро заставлял читать это письмо, чтоб сохранить в себе злость и боевой пыл.

«Симон прополоснул рот розовой водой и начал:

— Мсье Вахвари, пренс, я преисполнен уважения к вашему древнему роду, обычаям и традициям которого...

— Это не читай, это смягчает мое сердце. Ты в конце читай, чтоб душа моя вознегодовала и печень разъярилась.

Симон перевернул лист и нашел нужное место.

— В противном случае, вы будете иметь дело с Александром Дома, и он вам укажет путь, хождение по которому со штанами или без них уже не будет иметь для вас никакого значения!

— Ах, как пишет! — восхитился князь, но вдруг его глаза налились кровью, шея побагровела, и он с гневом воскликнул: — Но кому пишет?!

Пилхас продолжал:

— Еще не поздно, опомнитесь...

— Перестань! — вскричал князь, схватившись рукой за печень. — Ты хочешь меня в могилу вогнать?!

Он откинулся назад и закрыл глаза.

За дни скитаний они привыкли к горам, даже Бланше, который не выносил высоты, уже не прикрывал глаза шляпой, хотя нельзя было сказать, что его приводили в восторг виды сверху.

— Справа Эльбрус, слева Казбек! — объяснил Азамат

— Ах, зачем меня мама родила? — оседлав хребет, причитал Бабадул. — Вместо того чтобы кишмиш продавать, парю, как орел, между Эльбрусом и Казбеком...

— Интересно, поливает ли Клотильда мой тюльпан? — вспомнил Бланше. — Ах, как это все далеко-далеко. Ну, Вах-

вари! Если мне суждено отсюда живым спуститься, я вам отом-
щу за все, скотина!

— Вы совершенствуетесь, Бланше! — похвалил его Дюма,
ошибочно принимая горную болезнь своего друга за мужество.

Тем временем они набирали высоту, и болезнь Бланше про-
являлась все ярче и ярче.

— Да-да! Скоро я докажу вам свою храбрость! Живым он
от меня не уйдет! — продолжал Бланше, все более воодушев-
ляясь.

Азамат побледнел.

— Он — мой отец... Его кровь я никому не прощусь!

— Успокойся, Азаматка. Не видишь, одурел человек от
высоты, вот и пузырится. Опустимся немножко ниже — успо-
коится, пардону запросит.

— Надо ему помочь... — посочувствовал добрый юноша,
головой упираясь в зад Бланше и помогая тому покорять новую
высоту.

— Вы еще увидите, господин Дюма, что я сделаю с
этим Вахвари! О, я буду безжалостен!

— Вы начинаете мне нравиться, в вас пробуждается галль-
ский дух! — вися над пропастью и ища ногами зацепку, вос-
хищался Дюма.

— Я буду безжалостен, как Самсон! — не унимался Блан-
ше. — Я уничтожу это осиное гнездо. Это говорит Бланше,
и он не дрогнет!

— О, вы слишком решительны, — начал успокаивать слу-
гу Дюма. — Не надо быть таким жестоким, это не украшает
вас.

Бабадул, озабоченный состоянием Бланше, протянул было
ему лекарство от испуга, но Дюма отвел его руку.

— Нет, мсье Бабадул, ему сейчас нужно совершенно про-
тивоволожное.

— Я раскидаю его крепость! Я заколочу его окна!

Этот поход трудно описать простым пером — нужно пе-
ро из металла подтверже стали. К сожалению, ни один из уча-
стников похода не оставил его описания, так что он остался без
историка и потому переход Ганнибала через Альпы все еще
считается непревзойденным подвигом.

Тем временем солнце склонилось к западу. День уходил.

— О, солнце! — взмолился Бабадул. — Не покидай меня,
не насытились очи мои твоим сиянием.

Но солнце, оставшись равнодушным к мольбам, скатилось
за горы, и настала ночь.

Взошла луна.

Путники стремительно спускались вниз, гонимые страхом
и голодом. Бланше уже не рвался к героническим свершениям,
он был тих и, как всегда, вздрагивал при малейшем шорохе.

— Мне страшно, господин солдат, не уходите от меня так
далеко.

— Тише, — приказал ему солдат.

Вдали замерцали таинственные огоньки.

Решено было идти в ту сторону. Держась друг за друга,
они вершили вброд злую горную речку, бившую камнями пря-
мо под колени.

Впереди шел бывалый кавказец Ерофей, за ним — господин Дюма, бережно поддерживая усы «над горизонтом воды».

Очутившись на том берегу, они пошли по довольно широкой тропе. Огоньки на время исчезли, их заслонила пугниги внезапно очутились прямо перед длинным низким навесом.

Из темноты выделилась могучая фигура и направилась им навстречу.

— Кого бог принес? — спросил сонный голос. Он принадлежал старику, голову которого вместо папахи венчала медная лейка. Старик пригласил гостей к костру, на котором жарился кабан.

Мирный вид хозяина и запах жареного мяса гальванической силой потянули всех к огню.

Удивительную картину выхватил свет костра из темноты. Под навесом лежали необъятные буйволиные бурдюки и бочки. Кое-откуда торчали ноги людей, спавших между ними.

— Это что? — поинтересовался Бабадул.

— Это гостиница, — объяснил хозяин.

— А нельзя ли воспользоваться вашей гостиницей? — спросил Дюма.

— А сколько у вас вина? — спросил в ответ хозяин.

— Сердечный, откуда у нас вино? — жалобно сказал солдат.

— Как, вы без вина? — удивился в свою очередь старик. — Это гостиница для вина.

— Для вина? — не поняли гости.

— Да, для него. Вино в дороге устает. Если ему не дать отдохнуть, у него колени слабеют, а если у него колени слабеют, наши колени не слабеют, когда мы его пьем. Вот почему вину надо дать передохнуть, а потом везти в Тифлис.

— А если колени устали у человека, ему вы даете отдохнуть? — робко спросил Бабадул.

— Конечно, — хозяин встал, снял с головы лейку и направился к отдыхающим винам. Солдат пошел за ним.

— А у тебя, отец, какая-нибудь, с позволения сказать, водочка с усталым огурчиком не отдыхают? — спросил он.

— Водка? — переспросил хозяин. — Водка — верблюду: не устанет. Мы ее сюда не пускаем, она вон там.

Под открытым небом, прислонившись к камню и раскинув лапы, отдыхал бурдюк с чачей, литров на триста.

— А его не жалко? — сострадательно сказал солдат. — Все тут, как генералы, разлеглись, а он, бедненький, один там сучает...

— Если очень жалко, тащи его, — сказал хозяин.

— Враз! — солдат зашпешил к бурдюку.

Гостиница оживилась. Где-то наверху в бурдюках ноги спящего исчезли и вместо них показалась голова со спутанными волосами.

— Базар, а не гостиница, спать не дают, — проворчал постоялец и слез с бурдюков.

Это оказался необычайной высоты и ширины мужчина, о котором говорилось в Грузии, что его живот можно обойти

быстрым шагом только в самый длинный летний день от восхода солнца до захода. Звали его Луарсаб.

За Луарсабом полезли и другие постояльцы. Высокий на-
рень наполнил из бурдюка пудовый кувшин и подошел к Луар-
сабу.

Тот расстегнул ворот и подставил ладони. Вином, которое щедро полилось из кувшина, Луарсаб освежил лицо, намочил волосы и, забрав у парня кувшин, принялся полоскать рот, при этом вино после полоскания не выливалось наружу, а уходило внутрь Луарсаба.

— Это самый известный тамада в Грузии! — объяснил хозяин гостиницы Дюма. — Он сейчас в Тифлис спешит, там открывают оперу.

Луарсаб достал из-за пазухи медный гребешок, смочил его оставшимся вином и причесался.

— Ну вот, я готов, — сказал он, покончив с туалетом, и подошел к костру.

Ему подкатили бурдюк и по желанию Луарсаба положили рядом с Дюма. Шелестя шелковыми шароварами, Луарсаб подошел и сел на бурдюк.

— Мне говорили, что наш гость — из Франции, это правда? — обратился он к писателю.

Дюма утвердительно кивнул головой и любезно улыбнулся.

— Мне также сказали, что нет человека, который способен его перепить. Это так?

— Увы, вам сказали правду.

Луарсаб вскинул брови.

— Я — несчастный человек, — вздохнул Дюма.

Брови Луарсаба поднялись еще выше.

— Мне не повезло в жизни. Я лишен того счастья, которое вино дарует мужчине. Я не пьянею.

Брови Луарсаба исчезли под волосами, затем они опустились вниз и печально изогнулись над глазами.

— Да-а-а... — вздохнул Луарсаб. — Я вижу, мы братья по несчастью. Может, нам вместе выпить за нашу неудачу в надежде, что небо смилостивится над нами и даст нам опьянеть?

— Господин Штраус! — вдруг послышался из-под навеса знакомый голос.

Дюма взгляделся в темноту, но никого не различил.

— Я здесь, — говорил «Штраус», — уделите мне минуту! У меня очень важное сообщение.

— Извините, господа, я сейчас вернусь. — Дюма встал и направился под навес.

— Я здесь, здесь, — направлял его голос.

Дюма зажмурил глаза, чтоб привыкнуть к темноте, и, когда открыл их, увидел рояль и на нем знакомого старичка-настройщика.

— Здравствуйте, господин Штраус! Как европеец считаю своим долгом предупредить вас: не вступайте с этим варваром в спор. Вы все равно проиграете. Это не человек, а бурдюк! Видите, что он совершил перед вашим приходом? — старичок пригласил Дюма заглянуть под рояль.

Там крест-накрест, как дрова, были сложены грузчики.

— Он напоил бедняг и сам сложил их сюда. Умоляю вас, остерегайтесь! Быть может, музыка никогда еще не была в такой опасности.

— Благодарю вас, мой друг! Но, право, у вас мало оснований для беспокойства.

Дюма заботливо уложил старика, накрыл его буркой, запустил метроном на медленный ритм и вышел из-под навеса.

— Да хранит вас бог, — прошептал старичок и закрыл глазки.

Дюма ждали.

Луарсаб уже держал наполненный до краев рог и смотрел на поверхность вина, где отражались луна, склон горы и бегущий по нему волк.

Подождав, пока волк добежал до вершины и луна зашла за темное облачко, отчего оно стало похожим на цыпленка, Луарсаб, убедившись, что рог Дюма уже наполнен, громко провозгласил:

— Я хочу выпить за нашего гостя!

Он поднес сосуд к губам и без вдоха осушил его, после чего перевернул рог, и на подставленный ноготь большого пальца упала янтарная слезинка вина.

— Я благодарен судьбе, подарившей мне столь радушных хозяев. — Дюма тоже без вдоха осушил рог и, подобно Луарсабу, показал всем, что в нем осталась лишь капелька.

— Ба-а! — волна удивления обошла застолье.

Виночерпий наполнил сосуды.

...Пиршество набирало силу.

Пили за луну, за горы, за женщин, за Францию, за Бабадула и Азамата, за коней. Пили за вино и за бурдюки, за луну, за благоухающий розами горизонт, за неизвестных, живущих за ним. Пили за оперу и, конечно, за Ерофея.

Словом, наступило царство вина и, как говорят, гений его был неиссякаем, и силам его не было границ, а у границ — гредела.

Кто-то в углу, тихий, как одуванчик, робко попробовал голос, застыдился и убрал его. Другой его заменил. Третий басом, густым, как моховская бурка, загудел, прикрывая высокие голоса от холода снежных вершин, но те, разрезав его буйволиную черноту, взвились выше гор, выше неба, выше звезд.

Ты лоза виноградная!..

Цели о непорочной Богородице.

За ней пришла другая песня, простая, как ситцевое платье бабушки, и овладела всеми.

Бабадул склонился к сидящему рядом.

— Сколько здесь стоит вино? — справился он.

— А-а-а-а-б-б-б-а-з-з... — закрыв глаза, пропел сосед.

— А в Тифлисе?

— Ту-ума-а-н¹, — мягко вписываясь в поворот песни, отвечал сосед.

— А в Тифлисе масло подсолнечное сколько стоит?

— Абаааазззз, — упоительно пел сосед.

— А здесь?

¹ А б а з — монета, двадцать копеек. Т у м а н — 10 рублей.

— Тумаан, — соловьем заливался сосед.

— А оттуда, наверное, бочки пустые катишь? — спрашивал Бабадул соседа. Тот кивнул головой, Бабадул оживился.

— Так залей там масло в бочку и кати ее обратно. И шуметь бочка не будет в дороге, и доход двойной. Ты слушаешь меня?

— Подожди, дорогой, когда я еще встречу такие голоса?!

— Если будут деньги, голоса тебя сами найдут. Так слушай, завтра меня не будет, перед смертью говорю тебе. Сходишь туда—сюда и восемьдесят туманов чистыми положишь в карман.

— Восемьдесят туманов?! — сосед прервал песню.

— И четыре абаза.

— Ну-ка, отойдем. — Сосед потащил Бабадула к навесту. — Ты больше никому это не говорил?

Между тем кто-то вспомнил старичка-настройщика, выкатили рояль, попросили его сыграть. Тот, повязав голову платком, сел за инструмент и, подняв глазки к небу, бросил руки на клавиши.

Сотрапезники превратились в слух.

Впад от Шуберта в меланхолию, участники пира со слезами на глазах вернули рояль на место.

Уже давно свалились слабые, уже и сильных относили под навес, а сильнейшие, нетвердо ступая, по звездам прокладывали туда дорогу. Уже готовился в путь караван, выкатывали бочки с отдохнувшим вином, запрягали арбы, кто-то искал папаху, натыкаясь в темноте на рояль, а старичок-настройщик тормозил грузчиков.

Только два могучих дуба шумели по-прежнему — Дюма и Луарсаб.

Было выпито за Млечный путь и отдельно за каждую его звездочку. Ища, за что бы еще выпить, Луарсаб обвел взглядом небо — владенье свое и увидел Антарес, сиротливо мерцающую в одиночестве.

— За нее не пили, — показал он на звезду и подставил виночерпию рог.

Вино галопом побежало из рога в Луарсаба. Но, не выпив и половины, он выпустил из рук рог и свалился на землю.

Светало.

Караван уже был готов.

Все с изумлением и восторгом уставились на француза. Дюма, шатаясь, подошел к Луарсабу и, повозившись, взвалил его себе на плечи.

— Куда? — спросил он.

— Сюда, сюда, — предложили грузчики и подкатали к нему рояль.

— Подвиньтесь, маэстро, — сказал Дюма прикорнувшему на рояле настройщику. — С вами поедет мой друг.

И, собрав последние силы, Дюма положил соперника на рояль.

Затем он подставил виночерпию свой гребешок, смочил его вином, но смог им провести по шевелюре только раз, а выгнать из седых кудрей сил уже не хватило.

Дюма пошатнулся, но услужливые руки не дали ему упасть.

Под навесом было уже пусто.

— Не на землю же его уложим? — сказал один. Тогда четверо молча подошли к арбе, замыкавшей караван, сняли с нее двадцатипудовый бурдюк и отнесли под навес.

Дюма уложили на этот бурдюк и заботливо прикрыли бурдюком.

— Нам бы такого царя... — влезая на пустую арбу, пометал хозяин бурдюка.

Победитель Луарсаба спал и не видел, как винный караван гронулся в путь. Впереди шли два солдата, один нес под мышкой ствол пушки, а другой толкал лафет. За ними плелись остальные, катились бочки, скрипели колеса арбы. «Варе, варе!» — пропитыми голосами кричали грузчики-курды, ногами отгоняя от рояля собак.

На опустевший двор, качаясь, вышел солдат. В одной руке он держал стаканчик, а в другой — пустой бурдюк. Он выжал из бурдюка последние капли, едва покрывшие донышко стаканчика, и ласково сказал остатку:

— Злодейка ты моя, рябенькая.

Он опрокинул стакан в рот и, тихо напевая:

За морем синица
непышно жила, —

скатал бурдюк и вернул его хозяину.

Солдат побрел под навес и лег рядом с Дюма.

Во дворе стало тихо.

Азамат, не принимавший участия во вчерашнем пиршестве, сидел на камне, погруженный в невеселые мысли.

Мимо него, еле передвигая босыми, запыленными ногами, прошла одетая в лохмотья старуха. На шее у нее висел камень.

Хозяин вынес ей мясо и хлеб. Поблагодарив, она взяла только хлеб.

— Мясо тоже возьми, — сказал хозяин.

— Я недостойна и хлеба, — печально ответила старуха.

Двор быстро пересек Бабадул.

— Азамат! — крикнул он. — Я узнал, где эти два грузина. Поспешу к ним, а то Вахвари, да вариться ему в смоле, перебьет всех нас завтра.

И он исчез.

— Не проклиная Вахвари надо, а жалеть... — тихо проговорила старуха, проходя мимо Азамата.

Юноша вздрогнул, поднялся с камня и преградил ей дорогу.

— Скажи, мать, почему надо жалеть Вахвари?

— Дай руку, сынок, и отведи меня к тому дереву, ноги мои ослабли.

Азамат бережно взял старушку под руки, подвел ее к дереву и усадил. Старушка помолчала некоторое время и начала:

— Сын мой, поверь моим сединам, были времена, когда князя Вахвари все благословляли в этих

горах. Он был щедр, любезен, и гостеприимство его сла-
вилось на всем Кавказе. Он женился на любимой женщине, ко-
торая тоже грезила им. У них родилась дочь, лик которой во-
ворит о том, что только на ветке любви может расцвести кра-
сота. И чувствовал себя князь баловнем судьбы, и княгиня то-
же была счастлива. Но небо, предназначения которого невоз-
можно постичь, послало им однажды в гости мужчину глупо-
го и пустого, как прошлогодняя тыква. Утром князь не на-
шел ни княгини, ни своего гостя. Но недалеко ушли беглецы.
Вахвари мигом догнал их. Он долго смотрел на своего соперни-
ка, сравнивая этого черня с собой и, не найдя в нем никаких до-
стоинств, пришел в гнев, но не убил его, а только снял с него
штаны и отпустил их обоих на все четыре стороны. Княгиня,
осознав ужас происшедшего, тотчас бросила того, кем хотела за-
менить Вахвари, и навсегда скрылась в горах. А князь с той
поры замкнулся, стал нелюдим, находя утешение только в до-
чери своей...

В глазах Азамата стояли слезы.

— Будь благословенна, старая женщина, твой рассказ про-
лил свет на многое, чего мой разум не мог постичь, — побла-
годарил Азамат странницу и поцеловал ее седые пряди.

Вдруг с горы донесся крик Бабадула.

— Скорей! Скорей! Я нашел этих двух грузин!

Бланше, Дюма и солдат выскочили во двор.

— Они там, за горой! Надо спешить, а то уйдут куда-ни-
будь! — кричал Бабадул.

Все побежали к Бабадулу.

Там, наверху, за старой часовой, среди камней прятался
рыжеволосый мужчина с ситцевым мешочком, в котором тре-
пыхалась пойманная птичка.

— Туда нельзя, — предупредил он, и все присели на
камнях. Затем осторожно выглянули.

На зеленой лужайке в десяти саженьях друг от друга стоя-
ли две бочки, на которых дегтем было написано: «Порох».

На одной сидел мужчина в белой чохе и, перекинув ногу
на ногу, кинжалом чистил себе ногти.

— Это Халилапрес, — объяснил рыжий. — Ему папаху
орел принес.

Сидящий на другой бочке был в черной чохе и закручи-
вал ус.

— А это Аркапос! У него ночью зубы светятся.

— Они что, с ума сошли?! — воскликнул Дюма.

На обеих бочках стояли горящие свечи, нижними кон-
цами уходящие в порох.

— Нет, у них спор. Оба любят вон ту женщину.

Рыжий показал на гору, где сидела женщина и спокойно
вязала носки. К ноге ее был привязан барашек, пощипывавший
травку.

— Но они друзья до гроба. И решили; кто позже сойдет
с бочки, тому женщина и достанется.

Свечи догорали.

Халилапрес снял с рукава пушинку и, нежно дунув, от-
пустил ее вместе с попутным ветерком.

В ответ на это Аркапос достал из-за пазухи осколок стеклышка и проверил состояние усов.

— Прекрасно! — воскликнул Дюма.

На колено Халилапреса села бабочка. Разбойник снял ее и, полюбовавшись, с улыбкой отпустил в сторону своего друга.

Бабочка запорхала вокруг Аркапоса и села ему на плечо. Аркапос жестом поблагодарил друга, положил бабочку на ладонь и любовался ею до тех пор, пока не услышал, как зашипел фитиль. Тогда он отпустил бабочку в синее небо, подарив ей жизнь, и друзья проводили ее мечтательным взором.

Словно тысячи громов разразились над Кавказом.

Когда развеялся дым и в ущельях стихло, на том месте, где только что сидели Халилапрес и Аркапос, зловеще зияли две черные ямы.

— Плакали наши ружья, — печально вздохнул Бабадул.

Дюма, как замороженный, подошел к яме и долго смотрел в ее черноту.

— Это были верные друзья, — молвил он тихо, — и настоящие мужчины...

— Смотри, Дюма-джан! — тронул его за рукав Бабадул.

С горы в долину спускался рыжий птицелов, прижимая к груди барашка и держа женщину за руку. Они походили на влюбленных.

Восстановив силы после обильного угощения в винной гостинице, наши друзья довольно легко одолели перевал.

Они шли гуськом по дну высохшей реки. Впереди послышалась песня и цокот копыт.

— Щипните меня, господин Дюма, они поют хабанеру. — У Еланше заблестели глаза.

Из-за кустов выскочили четыре всадника с хабанерой на устах. Это были абрек Тенгиз, обменявшийся с Дюма подарками и его камарилья. Они несли одну створку железных ворот с лирой, на которой красовалась надпись: «Тифлисская опера».

Один из разбойников нес вешалку, на которой висело несколько женских платьев.

— Это ты, кунак?! — обрадовался солдат абреку. — Неужто вылечили?

— Да-а-а! Смотри! — Абрек снял папаху и, свесившись с лошади, подставил солдату бритую голову.

— Ух ты, как новая! — погладил солдат череп разбойника. Абрек сиял.

— А ворота вам на что? — поинтересовался солдат.

— Как на что?! На подковы, конечно! Закрылись за этими ворстами и поют! Ничего, больше не будут закрываться от людей. Эльберд, дай-ка сундук!

Эльберд опустил сундук на землю.

— Тут одежда и еще кое-что. Это от нас! Пока они там пели, мы добычу взяли. Ну, а вы как тут?

— Как медведи на облаве, — пробурчал солдат.

— Кунак, — обратился к абреку Бабадул, — не могли бы?..

— Не, не можем, мы спешим на Пятигорск, — ответил абрек Тенгиз, и под хабанеру они умчались.

— Опять к Мэри, — объяснил солдат.

— Давай посмотрим, что они нам подарили, — сбивая камнем замок с сундука, сказал Бабадул.

Подарок абрека превзошел ожидания. Кроме одежды, в сундуке они нашли шпаги.

— Пришел наш час, князь! — выхватив из сундука шпагу, воскликнул Дюма.

Сундук подарил им бархатные камзолы, шляпы со страусовыми перьями и ботфорты из гардероба тифлисской оперы.

— Мсье, как это похоже на мушкетерский костюм! — Бланше приложил к себе бархатный камзол.

— Какой бархат! — оценил Бабадул, натягивая на себя мушкетерские штаны. — Я никогда такого не носил. Ерошка, надень, и тебе станет тепло. Прямо как печка.

Ерофей не дал себя долго упрашивать, и вскоре все стали похожи на мушкетеров. Только перо на шляпе несколько смутило солдата.

— По уставу не положено, — сказал он и, оторвав его, отдал Бабадулу: — Ты красивый, ты носи.

Затем каждый получил по шпаге.

— Азамат! — вспомнили все. — Азамат!

Юноша не отзывался.

Они выбежали из укрытия и увидели Азамата.

Он стоял на утесе, скрестив руки на груди, и смотрел на крепость князя, точнее, на окно Марджанет.

Они подошли к нему, и солдат протянул ему шпагу:

— Бери, сынок.

Азамат даже не взглянул на оружие.

— Не нужно мне это, — сказал он упавшим голосом.

— Почему? — не понял солдат.

— Не могу же я с саблей идти на человека, воспитавшего меня.

Дюма опустил глаза, трудно было не посочувствовать юноше.

— Пусть он нас убивает, да? — спросил Бабадул.

Азамат обернулся к ним.

— Я не могу допустить ни вашей смерти, ни его и сделаю все, чтобы этого не случилось. Но много ли в моих силах? — сказал он и, не прощаясь, удалился.

Так поредели их ряды.

Солнце вот-вот уйдет за Эльбрус. А потом родится молодая луна, чистая и красивая, но для наших друзей, быть может, последняя.

Сверху было видно, как во дворе княжеского замка задвигались его нукеры — Бекмурза принялся ввинчивать кремни в ружья, Карамурза — точить кинжалы, а еще кто-то у ограды — налаживать шашки. Ворота конюшни открылись,

и оттуда вывели парадную лошадь князя, черную, точно сотворенную из тьмы.

Видя военные приготовления во дворе князя, Бабадул приуныл. Он с грустью смотрел на солнце.

— Уходишь? — спросил он светило. — Уходи, уходи, ты больше не увидишь своего Бабадула.

Солдат по военной привычке брлся перед боем.

— Плохой сон я видел, — сказал Бабадул солдату. — Будто у свиньи вместо головы хвост вырос, а вместо хвоста — голова.

— Побегашь в этих горах и не такое увидишь, — вздохнул сочувственно солдат.

— Ах, если бы можно было начать жизнь сначала, не полез бы я с кишмишем на Кавказ, — вздохнул Бабадул.

— Не раскисивайтесь в прошлом, мой друг! Верьте в настоящее и будьте полны надежд на будущее! — обратился к нему Дюма. — Я дам вам возможность научиться владеть шпагой! У вас железные икры и стальная хватка!

— Правда? — в глазах Бабадула заблестела надежда.

— Станьте вот так! — показал позицию Дюма.

Бабадул робко повторил движение Дюма.

— Еще не успеет зайти солнце, и вы станете Портосом! — надо, Дюма-джан, — попросил Бабадул. — Кто перед смертью меняет имя?

— Итак, нападайте! — воскликнул Дюма и сделал выпад.

Бабадул повернулся к нему спиной и закрыл глаза.

— Обернитесь! — Дюма шлепнул его шпагой плашмя по мягкому месту. — Обернитесь-ка, сударь, чтоб мне не пришлось вас ударить сзади!

— Ударить меня?! — резко повернулся Бабадул. — И ты тоже?!

И Бабадул бешено замахал шпагой, как палкой.

— Bravo! — восхитился Дюма. — А вы, мсье Ерофей, дайте урок моему верному Бланше! — крикнул Дюма, отступая перед натиском Бабадула. — Bravo! Bravo! Вы делаете успехи, Портос!

— Бабадул я! Бабадул! — повторил купец в бешенстве. — Бабаджан меня так назвал!

...А там, внизу, у конюшни злой князь смотрел в небо. Перед ним, как всегда, стояли Симон и Эрлимурза. Симон держал в руках письмо Дюма.

— Где луна? — спросил князь.

— Будет... будет... Совсем скоро, — пообещал Эрлимурза. Затем он встал на цыпочки и прошептал на ухо Симону желтыми от табака губами: — Не надо ему сейчас греть печень. Не читай ему письмо этого нечестивца. Займи его чем-нибудь, а то луну от меня требует. Откуда я ее возьму? Придет время — сама взойдет. Давай спой ему что-нибудь.

Симон сполоснул рот розовой водой и тихо начал петь.

...К князю подошел один из нукеров и показал пальцем вверх.

Князь вскинул голову и побледнел.
На гребне горы две пары, точно танцую, фехтовали.
...Дюма и Бабадул развернулись было у дерева, как
вдруг в ствол дерева врезался кинжал и в сумерках мелькнула
чья-то тень.

Дюма вырвал кинжал.
— Тут что-то написано.. — пролепетал Бланше, показы-
вая дрожащим пальцем на лезвие кинжала. Дюма наклонил
кинжал к луне и прочитал написанные золотом слова:
«Позор Дюма, танцующему на горе в чужих штанах.
Ты потеряешь и их. Вахвари».

Дюма взревел, как раненый лев, и выхватил шпагу из
ножен.

— Атос! Портос! Арамис! — не помня себя, воззвал он
к героям, которых некогда сам же сотворил, и устремился к
крепости.

— И тому позор, кто ест чужой кишмиш! — с отчаянно-
стью обреченного закричал Бабадул и кинулся вслед за Дюма.

Бланше, вплеснув в себя остаток лекарства, воскликнул:
— Вива Франция! — И поразился собственной храбрости.
Он обнажил шпагу и бросился вслед за Бабадулом.

Ерофей плюнул на ладонь и пригладил на голове волосы.
— Ну, пошли работать! — сказал он шпаге, прикручен-
ной к палке, и, выставив ее вперед, как штык, пошел в атаку
на замок князя.

Воспользовавшись преимуществом неожиданного нападения,
мушкетеры — Дюма, Бланше и Бабадул без особого труда вор-
вались в открытые ворота.

— Ва, сами пришли? — удивились Карамурза и Бек-
мурза.

— Несчастные, куда вы?! Там князь! — с сочувствием
крикнули нукеры нападающим, когда те бежали по лестнице к
покою князя. Карамурза и Бекмурза, покачав им вслед голо-
вами, хотели закрыть ворота, но вдруг послышался тяжелый
топот кованых сапог. С криком: «Даешь штаны!» — во двор
злетел Ерофей.

— Что с ним? — спросил Карамурза.

— Не знаю, — ответил Бекмурза, и они поспешили за-
крыть ворота.

Князь возлежал на тахте. Симон Пилхас, сидящий у его
изголовья, взял новый лист из стопки рукописи и, всхлипы-
вая, прочитал:

— «Доложите герцогу Алансонскому обо мне, — сказал
граф Монте-Кристо. Двери отворились, и граф вступил в старин-
ный зал...» Пятнадцатую главу читать?

У князя дрожал подбородок, в глазах его стояли слезы.

— Пятнадцатую вечером. Она мне больше всех нравится.
А сейчас разогрей мою печень.

Пилхас взял письмо Дюма, но тут раздался громовой голос
самого автора.

— Я вам ее разогрею! — В открытых дверях с обнажен-
ной шпагой стоял Дюма.

Князь чуть приподнял голову с подушки.

— Защищайтесь, сударь, защищайтесь!

Дюма, вырвав у Бланше шпагу, бросил ее князю.

Князь легко поймал шпагу, но не спешил вступить в бой.

Дюма сделал выпад и прижал его ус к подушке.

— Отпусти! — строго сказал князь.

Дюма не отпускал.

— Это усы, — объяснил князь.

Дюма не отпускал.

— Это свято! — повысил голос князь. — Лучше убей!

И он кинул шпагу назад.

Дюма отпустил ус, поймал шпагу и вернул ее князю.

— Я атакую! — крикнул он.

Князь не спеша поднялся с тахты.

— Ну, что ж, — осматривая шпагу, сказал он. — Если гостю угодно оказаться на этом шампуре, как ему отказать?

И он вступил в бой.

Выпад князя был настолько неожиданным, что Дюма с трудом парировал его.

— О!.. — с уважением сказал князь. — Мой гость владеет оружием так же, как пером.

Двумя-тремя резкими ударами князь прижал Дюма к камину, на выступе которого лежала рукопись.

На первой странице было написано: «Возвращение графа Монте-Кристо. Часть первая».

Увидев свою рукопись, Дюма воскликнул:

— Ах, как жаль, что вам, князь, не суждено прочесть вторую часть! — И он сделал выпад.

— Мое сердце скорбит, ибо она никогда не будет написана! — с улыбкой парировал князь выпад Дюма и, перейдя в атаку, загнал автора в угол.

— У вас кажется уже устала рука? — спросил с улыбкой князь.

— Рука, которая написала четыреста романов и тридцать пять драм, не так легко устает, князь! — с улыбкой ответил Дюма.

Шпаги заработали быстрее.

— Я приглашу вас сейчас в гостиную, и вам трудно будет отказать мне! — улыбнулся князь.

Дюма сопротивлялся, но, теснимый противником, вскоре оказался в гостиной.

Князь опустил шпагу и приказал Симону:

— Налей ему в мой фамильный бокал!

— Но он же не Вахвари! — удивился Симон, наполнив бокал.

— Сделаем исключение за ту маленькую услугу, которую наш гость сейчас нам окажет. Он передаст привет всем Вахвари на том свете!

— С удовольствием! Но предупредить их о моем визите я попрошу вас! — Дюма осушил бокал и бросился в атаку.

— Продолжим! — крикнул князь, и они снова скрестили шпаги.

Бой шел и за покоями князя.

Бабадул, делая отчаянные выпады шпагой, теснил кривоноше рослого нукера с шашкой, когда оттуда выскочили Карамурза и Бекмурза с обнаженными кинжалами в руках.

Лишь мгновение смотрели эти двое и Бабадул друг на друга. Те, быстро вложив в ножны свои кинжалы, бросились к стене, где росла крапива, а Бабадул, выкинув шпагу, с ужасом устремился в противоположную сторону.

Солдат занял крышу. Широко крестясь кирпичами, он посыпал их на головы нукеров, взбиравшихся к нему по лестнице.

Бланше, без оружия, путался под ногами и мешал бою. Его схватили и посадили в бочку с медом.

А Карамурза и Бекмурза с охалками крапивы гонялись за Бабадулом.

Князь ловко увернулся от шпаги Дюма и сам нанес сокрушительный удар по эфесу противника. Шпага выпала из руки Дюма и со звоном покатила по каменному полу.

Дюма бросился за ней, хотел поднять ее, но чья-то нога наступила на шпагу.

Дюма поднял голову: это был Азамат!
 — Позор Кавказа! Бесчестье двух отцов! — вскричал князь.

— Трех отцов! — поправил Дюма.
 — Как ты смел показаться в этом доме?! — спросил князь.

Азамат отступил в сторону и показал рукой на женщину. Это была та самая старуха, которая поведала печальную историю князя.

На ее шее по-прежнему висел камень, босые ноги старухи и лохмотья были покрыты пылью.

Князь увидел женщину, и шпага выпала у него из рук. Он побледнел.

— Тамарет?! — прошептал он пересохшими губами и пошатнулся.

— Вахвари!.. — простерла изможденные руки старуха.

— Любовь моя! — воскликнул князь и упал на колени.

Она нежно обняла его поседевшую голову и горько заплакала.

— Двадцать лет спустя!.. — глухо зарыдал князь — О, сколько я тебя искал! Где ты скиталась, счастье мое?!

— Я жила тобой, — шептала Тамарет. И два любящих сердца после столь долгой разлуки забили вместе.

— Но почему, почему ты ни разу не дала о себе знать?

— вопрошал князь, и Тамарет отвечала срывающимся голосом: — Я должна была в страданиях искупить великую вину.

Прости меня, прости, Вамех... — молила она.

Князь еще крепче прижал ее к сердцу.

У камина, положив голову на рукопись, плакал Дюма; наконец он выпрямился, вытер глаза, подошел к старикам, снял камень с многострадальной женщины.

— Пусть это бремя унесет воспоминания о горькой разлуке. — С этими словами, подойдя к окну, он выбросил камень в ручей.

— Я хочу видеть мою дочь Марджанет... — прошептала княгиня.

И тотчас открылись двери. В зал вошли Марджанет и Азамат. А за ними служанка. В руках у нее был шелковый сверток.

— Мама! — Марджанет бросилась в распростертые объятия матери.

— Дочь моя!

Так стояли они, дочь и мать, обнявшись впервые в жизни, и из их глаз лились слезы.

Сверток в руках Азамата зашевелился, оттуда высунулись две маленькие ручонки и послышался плач.

— Это кто?! — вскинул брови князь.

— Это Вахвари! — ответили ему.

— Какой Вахвари?

— Вахвари-младший. — Забрав ребенка у служанки, Дюма с улыбкой передал его в могучие руки князя. — С чем вас поздравляет Александр Дюма-старший.

— Но откуда он взялся? — удивился князь.

— Пока мы здесь занимались своими делами, мсье Азамат успел повидать мадемуазель Марджанет.

— Господин Дюма! Господин Дюма! — донесся со двора жалобный зов Бланше.

Все бросились к окну.

— Господин Дюма, я в меду! Выньте меня отсюда

— Ах, негодяи! — закричал князь на нукеров — Как вы обошлись с моим гостем? Вытащите его и угостите медом!

Тут все присутствующие стали свидетелями совершенного счастья, которое когда-либо выпадало человеку. Князь расцеловался в улыбке и, смотря на внука, горячо воскликнул:

— Я его воспитаю!..

— Конечно! Кто лучше вас воспитает! — согласился Дюма.

— Лучше бы ему совсем не родиться. Знаю я, как его здесь воспитают... — проворчал Бабадул в дверях, выкидывая крапиву из мушкетерских штанов.

— Мсье, уймите этих разбойников! — вбежал в комнату весь перемазанный медом Бланше. — Я не могу больше видеть мед!..

Преследовавший его Карамурза остановился в мягкой полутьме за дверным проемом, держа в руках кувшин с медом и большую ложку.

Бланше с ужасом оглянулся на него. Тот молча, знаками звал его к себе.

Бланше спрятался за Дюма.

— Пошел отсюда! — мягко топнул ногой на слугу князь.

— Дядя Дюма! — послышалось сверху.

Дюма высунулся, насколько мог, и увидел на крыше солдата. Ерофей держал наготове последний кирпич. Он, как настоящий солдат, берет его для себя.

— Живым я не сдамся! — Он размахнулся, чтобы ударить себя по голове кирпичом, но князь закричал:

— Не делай этого, солдат! Ты мой гость! Я тебя уважаю!

— Знаю я тебя, гололобого! — Не поверил солдат и вновь занес над своей головой кирпич.

— погоди, безумец! — взмолился князь. — Александр Дюма и я — друзья до могильного камня! Я его люблю, я его обожаю! — сам того не зная, воскликнул князь словами историка Мишле.

— А не врешь? — поколебался солдат.
— Истинно! Истинно! — крикнул ему Дюма.

Тогда солдат, облегченно вздохнув, размахнулся и закинул кирпич на Эльбрус, где он лежит до сих пор, как свидетельство этой достоверной истории.

В замке воцарилась атмосфера дружбы и преданности.

Князь был счастлив. Счастлива была княгиня Тамарет. Азамат сиял, глядя на Марджанет и на крошку Вахвари. И все горячо благодарили судьбу, пославшую им из далекой Франции такого очаровательного друга.

Но всему есть конец на этом свете, и наступил день, когда Дюма, как ни тяжело ему было проститься с друзьями, объявил о своем отъезде, ибо дела звали его в Париж.

Вамех Вахвари, Тамарет, Марджанет, Азамат, малютка Вахвари, Бабадул, Ерофей, Симон Пилхас, Карамурза, Бекмурза — все вылезались проводить Дюма и его слугу.

Дюма был в белой черкеске и папахе князя, а тот — во фраке и шляпе писателя.

Они вступили на каменный мост.

— Вы куда, мой доблестный друг? — спросил Дюма солдата.

— К матушке. На печке полежу, сотки поломаю, медку попою.

— А вы, мудрый Бабадул? — обратился Дюма к купцу.

— Продам кишмиш, Дюма-джан, и вернусь в Багдад. А потом куплю кишмиш.

— А вы, Симон, тоже уходите? — спросил Дюма художника.

— Распишу дворец шахиншаха и вернусь к князю.

Князя растрогал ответ Симона, и он заключил его в объятия.

— Ты знаешь цену поэзии! — воскликнул он.

— Кстати, о литературе, — обернулся к князю Дюма. — Не вернули бы вы мне рукопись моего нового романа «Возвращение графа Монте-Кристо»? Он пока в единственном экземпляре.

Князь опустил голову.

— Мне без этой рукописи будет трудно, она скрасила бы мою старость и многому научила бы моего внука — Вахвари.

— Ну, что ж, — бодро ответил Дюма, — на Кавказе то, что нравится человеку, дарят.

— Что вам стоит написать еще книгу? — обрадовался князь.

— А мне так нравятся ваши стихи, князь! — улыбнулся Дюма.

— Возьми, дорогой! — князь выхватил у Симона все ленты со своими стихами и протянул Дюма. — Я еще найду!

— Ах, встретимся ли мы еще? — с грустью сказал Дюма, повернувшись к Азамату и Марджанет. — Мои юные друзья, вы доставили бы мне счастье видеть вас в Париже! Бланше, перо и бумагу!

Слуга тотчас подал хозяину требуемое и, повернувшись к Дюма спиной, замер.

Дюма, что-то быстро написав, передал бумагу Азамату.

— Прошу всех капитанов кораблей, владельцев омнибусов и экипажей, хозяев гостиниц, — начал вслух читать Азамат, — оказать всяческую помощь моим друзьям и содействовать их продвижению к Александру Дюма. Любые расходы беру на себя, все счета прошу посылать мне по адресу...

— Пятьдесят тысяч франков! — к мосту бежал мсье Лефевр, а за ним другие парижские кредиторы и полицейские.

— Я вас упрячу в долговую тюрьму! — кричал другой.

— Жалкий писака! — размахивал тростью мсье Брево. Дюма побледнел.

— Куда течет эта река? — спросил он князя.

— В Черное море.

— Великолепно! — обрадовался Дюма. — Черное море соединяется со Средиземным, а там Марсель, а от Марселя до Парижа рукой подать! Прощайте, друзья! — и с этими словами Дюма бросился в реку.

— Мой господин! Не оставляйте меня с этими разбойниками! — взмолился Бланше и тоже бросился в реку.

— Я их провожу и вернусь! — Азамат прыгнул с моста.

Ну конечно, Бабадул и солдат тоже последовали за Дюма.

— Арестуйте его! — На мост вбежали кредиторы. — Он нам должен заплатить!

— Я вам сейчас заплачу! — нахмурив брови, пошел им навстречу князь...

Подхваченные волнами горной реки, Дюма и его друзья понеслись к Черному морю. Еще никем не спетая песня рождалась на их устах.

Иногда на берегу показывались кредиторы и полицейские. Видно было, что князь им заплатил — они бежали в трусах и кричали:

— У вас долги, господин Дюма!

Но крики эти слабели, пока ветер совсем не унес их за горы.

А друзья продолжали петь песню дальше.

Показалось Черное море.

Там, вдалеке, у горизонта, белел парус яхты графа Монте-Кристо. Граф спешил к своему создателю, появившись как всегда вовремя.

Провожающие стояли на берегу и смотрели, как Дюма и его слуга плыли к яхте, а та удалялась от них, как мечта, пока они все вместе не скрылись за туманным горизонтом.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԾԱԿ

Если Черное море соленее, чем другие моря, то в этом повинны слезы господина Дюма и его кавказских друзей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Конечно, ты давно догадался, что ничего подобного не могло случиться. Перед тем как засесть за работу, автору пришлось перечитать удивительные книги о Кавказе, начиная с лубочных романов и кончая фундаментальными исследованиями об этой земле. Следы этих книг тебе легко обнаружить.

Мне хотелось бы засвидетельствовать глубочайшее уважение к писателю, который так много дал нам всем в юности. Задача эта оказалась непосильной, ибо трудно выразить ту любовь, которую читатель навсегда сохраняет к Дюма. Ах, как трудно писать, когда на твоём столе лежат «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго»...

А потому смею просить читателя быть снисходительным и великодушным, чему нас неустанно учил великий Дюма-отец.

Нодар КАКАБАДЗЕ

РАЗДУМЬЯ О ГРУЗИИ

*«Мы только теперь начали
раздумывать о Грузии».*

Адольф Эндлер.

Высказывание известного немецкого поэта, эссеиста и переводчика Адольфа Эндлера, взятое эпиграфом к данной статье, стало своеобразной крылатой фразой. Сжатая и точная, как формула, фраза Эндлера указывает, что серьезное, систематическое и методическое осмысление грузинской культуры, литературы и искусства в Германии (я бы сказал, в Западной Европе вообще) началось, по существу, во второй половине нашего столетия.

Естественно, и в прошлых и в нынешнем веках предпринимались отдельные, в большинстве своем основанные на случайностях и личных симпатиях, попытки рассматривать грузинскую культуру, как часть культуры мировой. Это были главным образом впечатления путешественников или писателей, случайно попавших в экзотическую страну; впечатления, разумеется, чисто визуальные. Личность и сочинения некоторых из них (несмотря на наше к ним чувство уважения и благодарности, следует сказать правду) больше известны у нас, чем у них на родине (подтверждение тому — имена Артура Лейста, Артура Гундаккара, Зутгнера, Рихарда Мекелейна и других). Грузия привлекла внимание ряда ученых в процессе их работы над христологическими или византологическими проблемами. Это было, так сказать, опосредствованным, а не непосредственным интересом к грузинскому феномену.

Грузия привлекает внимание некоторых славистов и русистов. Творчество Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Андрея Белого, Бориса Пастернака, Константина Паустовского, Николая Тихонова и других, естественно, пробуждает в них интерес к этой стране.

Как видим, существуют различные виды и пути рецепции Грузии.

В последнее время постепенно выявился непосредственный, самостоятельный, «бескорыстный» и «самоцельный» интерес к грузинскому феномену. Зрительные впечатления сменяются

тенденцией осмысленного, интеллектуального и художественно-эстетического познания и восприятия.

Особенно живой интерес к Грузии, грузинскому искусству и литературе в последнее время заметен в ГДР.

В Германской Демократической Республике вышли в свет выполненные на высоком полиграфическом уровне книги и альбомы грузинских и немецких специалистов о древнем и современном грузинском искусстве.

Несколько изданий выдержала книга о Пиросмани. Даже в небольших городах ГДР часто можно встретить довольно большие репродукции картин художника, пользующиеся большой популярностью.

Особое внимание привлекает блестяще изданная в Лейпциге в 1977 году монография Русудан Меписашвили и Вахтанга Цинцадзе «Искусство древней Грузии», которая нашла широкий отклик и в Федеративной Республике Германии...

В 1949 году в Советский Союз из ГДР впервые приехал поэт Куба (Курт Бартель), вскоре опубликовавший книгу репортажей «Раздумья в самолете». Среди других городов поэт побывал и в Тбилиси. «...Москва, Ленинград и Тбилиси, — писал Куба, — всего три города огромной страны, и три совершенно различных облика. Я не могу сказать, какой из них прекрасней.

Кто из композиторов больше: Бетховен, Моцарт или Бах? Кто величайший художник: Рембрандт, Гойя или Рубенс? Такое сравнение и противопоставление во всех отношениях не оправдано».

Тбилиси — восточный город, — продолжает Куба, — но это Восток без романтической грязи и пестрых проституток.

Архитектура Тбилиси объединяет современные конструкции из бетона, стекла и стали с легкостью и изяществом восточных столбов и арок. В городе много зелени, много рощ и садов.

Во всем чувствуется большая культура, культура тысячелетий.

В своем довольно подробном репортаже Куба отметил и грузинские танцы, пластичность грузин:

«У грузин больше огня в ногах, и их движения на носках более волнующи, чем движение всего Голливуда, даже и тогда, когда его обитатели корчатся и бьются в конвульсиях. Ноги грузин, словно коловорот, вертятся на паркете, а тело неподвижно, движение рук колеблется от суставов. Играет буйная, будоражащая музыка, но грузин с двухтысячным опытом споконно встречает все это. Опиум танца и музыки не искажает лица человека и не сводит его в судорогах. Какая жалость, что мы всего на два дня в этом городе, который может излечить нервы всего мира! Здесь царит истинное чувство и подлинный энтузиазм, и рядом с ними искренняя — неприкрытая радость жизни, которая пугает человека Запада и порождает в нем чувство ужаса перед своей убогой, нормированной, протемпелеванной, триады профильтрованной жизнью. Красиво колышутся платья грузинских женщин, ничто не рождает

ощущения непристойности, ни одного «случайного» движения, чтобы обнажить бедро. Дешевая нагота шансонетки действовала бы здесь так же, как затхлый лимонад, но подражать французскому танцу не так легко, как подражать буги-вуги...»

«...В Грузии не ставят целью отучить женщин от красивой, ладной, легкой походки из-за курса на индустриализацию...»

«...В Грузии хранят и оберегают свои традиции, нравы и обычаи. Их приноравливают к новому укладу жизни. Хотя и поступились некоторыми отжившими свой век нравами, как к примеру, кровная месть...»

...Люди в Грузии поступают так, как вроде бы не должны поступать: много едят, едят жирные и острые блюда, пьют крепкое вино, курят табак и, несмотря на это, достигают почти стотридцатилетнего возраста.

Куба посетил спектакль «Отелло». Он не упоминает (верно, грузинские имена и фамилии не удержались в памяти) исполнителей главных ролей, но это «Отелло» с участием Акакия Хорава и Акакия Васадзе, спектакль, который долгое время не сходил со сцены Тбилисского театра имени Ш. Руставели. Если бы мы не знали, — замечает Куба, — что исполнитель роли Отелло был белым, наверняка приняли бы его за брата Поля Робсона. Он оказался одним из лучших исполнителей этой роли в наше время и явно выделялся среди всего ансамбля. Один только Яго оказывал ему более или менее достойное партнерство. Это блестящий актер! Он открывает рот, чтобы взречь, прижимает черный кулак к зубам и молчит! Зрительный зал смотрит затанув дыхание. Перед нами рабочая закрывает лицо ладонями, соседка шепчет ей: «Не верь, не верь!».

В этом же театре осуществлена блестящая постановка шиллеровских «Разбойников», — заключает Куба.

Как видим, он, так сказать, продолжатель старой традиции; иными словами, Куба, как и его предшественники, видит и описывает Грузию больше с фасада, чем вникает в суть национального характера, его духовной культуры. Его рассказ грешит определенной плакатностью и декларативностью. Его наблюдения преимущественно основаны на зрительном восприятии. Отдает он также дань экзотике. Хотя, должны его ворваться, что двухдневное пребывание в стране не могло дать материала для более серьезного исследования, не говоря уж о проникновении в «душу» Грузии...

В 1972 году поэт-лирик из ГДР Аксель Шульце опубликовал в журнале «Нойе дойче литератур» (НДЛ № 11, 1972, с. 41 — 45) лирический триптих «Грузинские впечатления»: «Цигандали», «Тбилисский базар» и «Картины Пиросмани», из которых особую известность получил и утвердился в немецкой лирике «Тбилисский базар».

Стихи «Грузинских впечатлений» не зарифмованы и являются как бы импрессионистскими зарисовками ландшафта, этнической и этнологической среды, быта и жизни Грузии.

Вообще, надо сказать, что и в стихах Акселя Шульце изображена только лишь этнографическая Грузия, традиционная, трафаретная, с фруктовыми садами, горами, Грузия веселья и пиров. Одним словом, это те же поверхностные впечатления, что и у Куба.

Кстати, когда у находящегося в Грузии Генриха Белля спросили, намерен ли он написать о Грузии, писатель ответил, что за несколько дней невозможно познакомиться со страной и ее народом и что вообще он против описания одних поверхностных впечатлений.

В 1966 году поэтесса из ГДР Ева Штриттматтер вместе со своим супругом, известным писателем Эрвином Штриттматтером провела несколько дней в Казбеги. Полученные здесь впечатления легли в основу стихотворения «Пушкин. Воспоминания о Казбеке», которое вошло в сборник стихов «Из тишины я песню создаю», опубликованный в 1973 году.

Казбек увиден и пережит в стихотворении в аспекте пушкинской поэзии. Все здесь напоминает о Пушкине: и Терек, и отара, и арбы, и пастухи... Дело в том, что Ева Штриттматтер не знакома, к сожалению, с грузинской литературой и, естественно, все увиденное здесь ассоциируется у нее с именем Пушкина. В этом же стихотворном сборнике помещено другое стихотворение «К друзьям», где поэтесса вспоминает время, проведенное с друзьями в Сухуми, описывает ту «сухумскую идиллию», которая изобилует аджигой и сладкими, как виноград, ночами.

В том же 1973 году появилась книга еще одной поэтессы из ГДР Зары Кириш «Заклинания». В нее вошли стихотворения, посвященные Грузии: «Грузия, фотографии» и «Монастырь Джвари». В стихах этих настолько силен прозаический элемент, что их смело можно отнести к образцам поэтической, лирической прозы.

Тогда же упомянутый нами писатель Эрвин Штриттматтер опубликовал второй том романа «Чудодей» (первый вышел в 1957 году). В промежутке между написанием I и II тома Э. Штриттматтер дважды побывал в Грузии, и это получило, правда, как бы незаметное, небольшое, но все же интересное отображение в его творчестве. В его прозе малых форм (миниатюры, зарисовки, новеллы) появились своеобразные реминисценции, воспоминания о Грузии.

Во втором же томе «Чудодея» символический персонаж романа мастер Фавн носит кахетинскую войлочную шапочку. Мастер Фавн внешне похож на традиционного черта, сатану, Мефистофеля, но его функция, его суть, его назначение диаметрально противоположны черту, злему духу. Более того, это добрый дух, добрый советчик героя романа Штанислауса Бюднера, его alter ego, его угрызения совести и таинственный голос. Он появляется, когда в жизни Штанислауса Бюднера наступает критический момент, когда он оказывается перед какой-то альтернативой или необходимостью решить принципиальный вопрос, и дает ему правильные, добрые советы. Символика кахетинской шапочки не дает, правда, возможности при-

ти к широким, глубоким и далеко идущим выводам, но это некое проявление симпатии к Грузии, ее народу.

Кроме этого, Э. Штриттматтер в сборнике «Шульцендорфский календарь всякой всячины» (1967 год) среди миниатюр, зарисовок, эскизов, воспоминаний и впечатлений посвятил две миниатюры своим грузинским друзьям.

Вальтер Дитце, в прошлом профессор Лейпцигского университета, член Академии наук ГДР и Саксонской академии наук, ныне генеральный директор мемориальных памятников немецкой классической литературы в Веймаре, опубликовал в 1974 году исследование, прочитанное им ранее на заседании академии ГДР, «Пространство Ренессанса, время и классовое содержание», где достаточно места уделено «Витязю в тигровой шкуре» Шота Руставели и проблеме Ренессанса в Грузии. Вкратце выводы, если можно так выразиться, грузинской части этой книги суть следующие.

Существует только один Ренессанс и не существует ренессансов. Нельзя чересчур расширять понятие Ренессанса, нельзя делать того, что известный литературовед Эрнст Роберт Курциус называл «размножением ренессансов» (*Vervielfachung der Renaissance*).

Дитце недвусмысленно, категорически отвергает концепцию академика Конрада, согласно которой ренессансное движение подтверждается в Китае VIII—XII веков, в XIV—XVI веках в Средней Азии и Иране и завершается в XIV—XVI веках в Европе. Дитце подчеркивает, что поиски таких элементов, как жизнелюбие, возвеличение женщины и ее роли в общественной жизни, существование еретического мышления в литературе и так далее, еще не доказательство ее ренессансности. Теория «всемирного Ренессанса» обираждает его специфическое, существенное содержание и решающие критерии (существенный признак Ренессанса; оппозиция к феодализму и бюргерская ориентация). С точки зрения Дитце, одолеть европоцентризм невозможно путем расширения «евразийского» объекта исследования.

Затем Дитце прямо ставит вопрос о том, существовал ли Ренессанс в Грузии или такового не было вообще?

В истории грузинского народа в пору расцвета так называемого высокого феодализма на самом деле существовали такие духовные устремления, характер которых как будто сродни процессу западноевропейского Ренессанса. Если ограничиться одной художественной литературой, то тут подтверждается бесспорное превращение духовной литературы в светскую.

Однако в Грузии, по мнению Дитце, не видно второго и столь существенного признака Ренессанса, вне которого существование его невозможно, а именно, возврата к древнему, античному миру, формам античной культуры. В Грузии связь с этой культурой существовала непрерывно, поэтому здесь не могло быть ренессанса, то есть, восстановления, возрождения античной культуры, потому как восстановить можно только то, что либо прервалось, либо уже не существует. В Грузии же наследие античной культуры всегда было животворным. Дитце говорит:

«Для того, чтобы контрасты стали отчетливо выражены, обратимся к «провокационной» формулировке: те, кто знакомы со своеобразием истории грузинской культуры и к тому же его признают, должны признать невозможность существования здесь ре-нессанса».

Далее Вальтер Дитце касается вопроса жанра «Витязя в тигровой шкуре», определение которого, полагает он, отвело бы должное место этому грандиозному произведению как в развитии процесса грузинской, так и мировой литературы.

По мнению одной группы специалистов, — продолжает Дитце, — «Витязь в тигровой шкуре» рыцарский, придворный роман. Эту мысль защищал еще доброжелательно настроенный самоучка Артур Лейст, после него тот же взгляд научно обосновали и сделали популярным такие крупные ученые, как Н. Марр, В. Шишмарев и многие французские и английские исследователи.

Иного взгляда придерживается Ш. Нуцубидзе и его ученики, которые относят эпос к ренессансному произведению.

В семидесятых годах нашего века возник третий взгляд, говорит далее Дитце, согласно которому, «Витязь в тигровой шкуре» не является ни рыцарским романом, ни произведением Ренессанса, но глубоко национальным произведением, грузинским национальным эпосом (Петре Шарна).

Вальтер Дитце отдельно говорит о взгляде, точнее взглядах, переводчика эпоса на немецкий язык — австрийского поэта Гуго Гупперта, в которых справедливо усматривает несоответствия и внутренние противоречия.

«Витязь в тигровой шкуре», по Гупперту, с одной стороны, «ренессансный монумент», с другой стороны, типологически это такое произведение, подобного которому не найти ни на Западе, ни на Востоке того времени, и, с третьей стороны, по внешней форме «Витязь в тигровой шкуре» — рыцарский роман того типа, который, де, можно встретить в Западной Европе той поры.

Отнесение данного эпоса по своему содержанию к ренессансному произведению, а по своей форме — к рыцарскому роману, как правильно отмечает Дитце, делает невозможным указать место «Витязя в тигровой шкуре» в процессе развития мировой литературы.

Известный немецкий поэт и переводчик Райнер Кирш опубликовал в журнале «Нойе дойче литератур» в 1975 году среди других своих новых стихов два стихотворения на грузинскую тему: «Гагра вечером» (датировано 27 сентября 1968 года) и «Сигнахская дорога» (написано в том же году).

«Гагра вечером» — небольшое, в четыре строфы, стихотворение, отмеченное легкой меланхолией. Надо сказать, что в нем отсутствует какое-либо стремление автора к изображению местного колорита, ландшафтных или бытовых картин. В то же время «Сигнахская дорога» — именно тот стих, цель которого передать колорит местности и его окрестностей. (Райнер Кирш некоторое время жил в Сигнахи, работая над переводами стихов Николоза Бараташвили. Ему очень нравился этот небольшой, обнесенный оградой город на возвышенности, откуда открывалась великолепная панорама Алазанской долины.)

Следует отметить, что в послесловии к стихам, которые Райнер Кирш напечатал в журнале «Стихи Кирша», известный немецкий поэт Карл Микель пишет о «Сигнахской дороге»¹ что «идиллическая «Сигнахская дорога» во время одного из коллоквиумов научной академии в 1972 году вызвала споры. Поэтирик Дайке заявил, что стихотворению не хватает поэтичности, что лично ему ничего не дает простое описание ландшафта. Эндлер в полемическом плане пояснил, что сведение стихотворения к наблюдениям направлено против высокопарности; тем самым он, к сожалению, независимо от себя, признал правильность лирика Дайке. Лично я восхищен этим стихотворением... Дорога кажется безлюдной; читатель, к которому автор стихотворения обращается в конце на «ты» и к тому же прощается с ним, — именно тот самый путник, который идет по этой дороге. Его путь легок, это движущаяся заминка, красивый миг...

В шестидесятых годах мы все испытывали себя в пейзажных стихах. Это стихотворение Кирша — плод того времени. Эту тенденцию спорадично продолжают Чеховски и Эндлер и унаследовал Кирстен».

В 1975 году молодая писательница из ГДР, супруга Адольфа Эндлера, Эльке Эрб выпустила в свет свою первую книгу «Экспертиза. Поэзия и проза», довольно значительная часть которой посвящена Грузии и грузинской культуре.

В прозаический отдел вошло бессюжетное произведение, репортажный эскиз «Наше пребывание в незнакомой стране Грузии», написанный писательницей в 1974 году.

«Грузия магическая страна. Как живопись Пиросмани, как грузинская поэзия, как грузинский пейзаж делают удивительными и поют о таких же красочных, как они, грузинах, озаряют Грузию, изображают Грузию, похожи на их же быстрое, легкое, словно летящее самовыражение, их светлые, определенные дела, их праздничные столы», — пишет Эльке Эрб.

Это произведение не поддается какому-либо однозначному жанровому определению — оно состоит из описания пейзажей, воспоминаний и реминисценций (автор из Боржomi переносит нас в Берлин, Париж и т. д.). В центре этого прозаического эскиза Эрб — открытый Адольфом Эндлером мир поэтического космоса Давида Гурамишвили, в котором они увидели и почувствовали нечто вийоновское и гюнтеровское. Эльке Эрб вводит немецкого читателя в мир Давида Гурамишвили, цитирует его строки.

Эссе Эльке Эрб «Сулхан-Саба Орбелиани и его время», написанное ею в 1972 году, служит послесловием к немецкому переводу «Мудрости вымысла», выполненного Хайнцем Фенрихом¹. Она знакомит читателя с жизнью и деятельностью ве-

¹ Перевод Хайнца Фенриха — второй полный перевод «Мудрости вымысла» на немецкий язык. Первый вышел в свет в Берлине в 1931 году и принадлежал М. Цертели, который выполнил также прозаический перевод на немецкий язык «Витязя в тигровой шкуре» (издан в Париже в 1975 г.). Перевод Фенриха, помимо ГДР, был опубликован в Западной Германии (Инзел-Ферлаг, Франкфурт-на-Майне, 1974). Оба издания с послесловием Эльке Эрб.

ликого писателя, исторической ситуацией в Грузии (здесь говорится о Георгии XII, Вахтанге VI, Арчиле, первой грузинской типографии), состоянием ее культуры. Статья написана живо, образно, экспрессивно, поэтически.

Эльке Эрб пишет о «Мудрости вымысла»:

«Я не знаю никакого другого такого сборника, в котором басни следовали бы друг за другом, создавая прямо скульптурную пластику».

Второе эссе «В стране поэта» посвящено певцу старого Тбилиси — Иосифу Гришашвили. В нем полностью приводится его стихотворение «Свадьба в нашем квартале», которое переработано Адольфом Эндлером и вошло в антологию грузинской поэзии («Восьмивековая грузинская поэзия», вышедшая первым изданием в 1971 году и вторым — в 1974-м).

Здесь же надо отметить, что поэзия И. Гришашвили хорошо поддается переводу на немецкий язык, и это стихотворение прекрасно звучит и читается на нем. Вообще немецким переводчикам, и Эльке Эрб, в частности, особенно понравилась поэзия Гришашвили, и его стихи сравнительно хорошо поддались переводу. Причиной тому, на наш взгляд, во-первых, очевидно, специфическая экзотическая привлекательность его поэзии для европейца (видна, ориентально-тифлисская ментальность, поэтические образы и мировосприятие И. Гришашвили радикально противоположны европейским и этим, собственно, для них привлекательны)¹; во-вторых, можно предположить, что предметно-сюжетные, несколько «приниженные», в меньшей степени метафизические и трансцендентные, пренебрегающие нюансами и полутонами стихотворения Гришашвили оказались более «удобными» для перевода.

В 1976 году была опубликована очень интересная книга не раз упоминаемого нами Райнера Кирша «Слово и его излучение», которая касается лирики вообще, и в частности, вопросов перевода лирики.

Кирш местами делится с читателем опытом работы над переводами из грузинской поэзии, знакомит с особенностями грузинского стиха и стихосложения.

Среди других произведений Кирш говорит об «Алуде Кетелаури» Важа Пшавела, его художественном своеобразии и вкратце рассматривает один из русских переводов произведения, который, по его замечанию, читается как сказка Пушкина, что говорит о полном игнорировании поэтики Важа, о его произведении, казалось бы грубоватом по материалу и внешнему облику, но исполненном глубокого гуманизма...

В 1976 году Берлинское детское издательство напечатало книгу «Витязь в тигровой шкуре. Древняя грузинская история в прозаическом изложении Викторин Руики-Франц. Иллюстрации Норберта Поля».

¹ В одно время европейцев поразила персидская поэзия, более того, даже уподобленные персидской эпигонские «Песни Мирза Шафи» Ф. Боденштедта пользовались среди немецких читателей огромной популярностью.

Как подтверждает перевод названия эпоса — «Дер рево Гл Тигерфель», у Виктории Руики-Франц был под рукой гунпертовский перевод произведения; в самом тексте германского эпоса называются то «рекен» (витязами), то «риттер» (рыцарями).

«Поэтической прозой Виктория Руика-Франц рассказывает нашим юным читателям историю «Витязь в тигровой шкуре» согласно тому эпосу, который в XII веке написал грузинский поэт Шота Руставели и который с того времени относится к одним из прекраснейших и волнующих сюжетов», — написано на титульном листе книги (она издана на высоком полиграфическом уровне, но иллюстрации Норберта Поля не имеют никакого отношения ни к «Витязю в тигровой шкуре», ни к грузинскому искусству, ни вообще к грузинскому миру).

В конце книги помещено обращение к детям (точнее к подросткам, так как ее адресатами конкретно названы дети старше 11 лет) автора прозаического пересказа Виктории Руики-Франц, в котором, между прочим, читаем: «Шота Руставели, один из величайших поэтов нашей планеты, примерно 800 лет назад создал в стихах эпос «Витязь в тигровой шкуре», который вы прочли в этом переложении».

«Там, где растут лавр и гранаты, пальмы и олеандры, там, где вершины Кавказа высятся в облаках и Черное море шумит волнами, там в Грузии (...) родился поэт».

Однако, надо сказать, что Руика-Франц порой забывает историческую точку зрения, применяя к Руставели современные критерии, и потому невольно становится на позиции вульгарного социологизма, который мы давно уже одолели. «Трудящиеся появляются на периферии действия. Они наполняют улицы и получают милостыню от господ. Но их опыт и мудрость Руставели формулирует в прекрасных афоризмах, которые, словно золотые зерна, рассыпаны в эпосе. Высокая моральная сила народа проявилась в Асмат, которая является представительницей служебной аристократии, Асмат своим бескорыстным самопожертвованием одолевает рамки собственного происхождения».

«Сам поэт принадлежал к служебной аристократии, представители которой приобретали землю и дворянство не благодаря происхождению, а за определенные заслуги. Человек широкообразованный, объездивший мир, а также знаток языков, Шота Руставели опережал свою эпоху. То, что он видел при дворе и в стране, оскорбляло его чувство справедливости. Горько осуждал он «блеск и нищету» своего времени. Устное предание по сей день сохранило сказанную им фразу: «Если человек не годен, знатность пользы не принесет». Поэтому неудивительно, что Руставели не жаловала кичившаяся своим происхождением аристократия и облеченные властью церковные лица. Они позаботились, чтобы его произведения обошли молчанием, а его имя стерли в хрониках и документах того времени. Поэт закончил жизнь вдали от родины, в монастыре, убежище политически преследуемых».

Впрочем, зачем далеко ходить. Разве мы сами больше знаем о немецких писателях той же эпохи?! Разве мы не черпаем

сведения о личности и жизни Гартмана фон Ауэ или Вольфрама фон Эшенбаха из их же произведений?!

Один из известных германистов прямо пишет о Вольфраме фон Эшенбахе, что «ни один документ, ни одна хроника не называет этого самого глубокомысленного поэта немецкого средневековья»...¹. Однако из этого никто не делал вывода, что аристократы и церковные лица стерли имя Эшенбаха в хрониках и документах того времени.

Руика-Франц связывает «Витязя в тигровой шкуре» с современностью так: «Тариел, Автандил и Фридон, представители различных народов, соединились, чтобы уничтожить несправедливость, сделать невозможным возможное, так как они действуют согласованно и любят и уважают друг друга. О стали их дружеской связи стучаются лбы врагов.

Мы тоже боремся против «каджей» нашего времени, против войны, социального неравенства, расовой ненависти между народами. Все народы должны жить в согласии и равноправии, каждый человек должен уважать другого. Идея Руставели по сей день сохранили свое значение. История доказала, что злые силы всегда испытывают поражение.

В Грузии каждый человек знает Шота Руставели и его упительное, возвышающее человеческую душу произведение «Витязь в тигровой шкуре». Отцы дарили его своим дочерям перед замужеством, матери рассказывали своим детям перед сном эту историю; крестьянин-виноградарь также знает строфы этого произведения, как ученый и рабочий. Со словами Руставели на устах шли сыны Грузии на войну против фашистских варваров».

Каковы бы ни были недостатки в переложении и послесловии Руики-Франц, одна ее заслуга несомненна: стремление пробудить интерес юношества к незнакомому им писателю, а через него — к незнакомой им стране.

В 1977 году вышла в свет новая книга уже знакомого нам Вальтера Дитце — «Там и здесь. По пути в два мира».

До этого Дитце был известен только как автор научных, литературоведческих исследований. В этой книге он впервые пробует перо, так сказать, в полухудожественном жанре. Это оригинальный сборник репортажей, лирических зарисовок, портретов, диалогов, эссе, афоризмов, стихов, эскизов, впечатлений и т. п. Под понятием «здесь» подразумевается Советский Союз, «там» — Соединенные Штаты Америки. Автор часто был в обеих странах.

Книга написана оригинально. Прежде всего оригинальна сама ее композиция. Своеобразные киноновеллы сменяют друг друга, действие одних происходит в СССР, других — в США. Перед глазами читателя с кинематографической быстротой проносится люди, пейзажи, ситуации. Автор максимально воздерживается от «моралитэ» и внушений, но явления и факты располагаются и освещаются им таким образом, что читатель сам приходит к желаемому автором выводу.

¹ См. Густав Эрисман, «История немецкой литературы до конца средних веков», ч. II, раздел II, I половина, Мюнхен, 1927, с. 213.

И в этой книге нас, естественно, интересует ее грузинская часть. Дитце несколько раз побывал в Грузии и пытается в нескольких импрессионистских зарисовках дать почувствовать немецкому читателю грузинский национальный характер, грузинскую ментальность, специфику грузинского быта и локала. Кроме того, в повествование и действия автор вводит своих грузинских коллег, своих друзей — грузинских германистов. Одна из «грузинских» новелл такова: автор вместе со студентами факультета европейских языков и литературы Тбилисского государственного университета на субботу и воскресенье уехал в Кахетию на сбор винограда.

...Немецкий гость переутомился из-за обилия пицци, вина и почестей. Он еле держался на ногах и умолял хозяев отпустить его домой, в свою гостиницу. После долгих обсуждений хозяева поддались настояниям гостя. Проводили его до ближайшей станции и оставили с ним человека, который должен был донести его до гостиницы.

Поезд уже был готов, и дежурный железнодорожник на перроне собирался дать сигнал к отправлению. Отсюда начинается специфически грузинская часть истории (что для немца и европейца вообще является областью фантастики). Вспомним ситуацию: железнодорожник вот-вот должен дать машинисту сигнал к отправлению. Реакция немца и грузина совершенно противоположны: немец в ужасе, он крайне взволнован возможностью опоздать. Он бежит к вагону, чтобы прыгнуть на ступеньку, успеть подняться. Сопровождающий его грузин являет собой олицетворение безмятежности и спокойствия. Он удивляется волнению немца в столь успокаивающей для него ситуации: ведь поезд еще здесь! — и, о, ужас, затеял беседу с железнодорожником. Тот опускает знак, оборачивается и спокойно смотрит на вновь прибывших. Затем охотно заводит разговор с грузином и, наконец, улыбаясь, подходит к немцу, снимает его руку с вагонных поручней и закрывает двери. Отводит немца в сторону и, почесав затылок, на ломаном немецком языке спрашивает: «Откуда ты? Где живешь?. В Берлине»? Немец весь вспотел от отчаяния — время ли беседовать?! Но он вынужден ответить: «Из Лейпцига». «А-а, Лейпциг. Лейпцигская ярмарка. Подвал Ауэрбаха! Прекрасный город, — продолжает железнодорожник по-русски. — Я провел там несколько дней в 1955 году вместе с женой, но мы многое увидели. Знал бы ты, какой у них вокзал!» — обратился он к сопровождающему.

Диалог продолжается как ни в чем не бывало. Немец растерянно тянется к поручням, не переставая думать: почему их не сажают в вагон? Почему не трогается поезд?! Время ли беседовать?! И умоляющим жестом просит спустить в вагон.

Железнодорожник, будто только сейчас понял, чего хочет немец, обрывает разговор и жестом же приглашает, но не к вагону, а в противоположную сторону, к станционному зданию. Они идут спокойно, словно прогуливаются. Немец в панике... Железнодорожник приглашает его к столу, куда ставят чай и печенье. Принесли и билеты. Они курят сигареты, едят печенье и беседуют: — Сколько вам лет? Кто вы по профессии? Дети?

Братья и сестры у вас есть? Родители живы? Здоровы ли? (типично грузинские вопросы, весьма странные и неожиданные для европейца, так же, как и грузинские тосты за родителей, детей и родственников).

Наконец-то они вышли на перрон. Немец бежит впереди. Грузины следуют за ним, удивляясь его поспешности и суетливости. Они покачивают от изумления головами; какой странный народ эти немцы, всегда спешат. Все идут неторопливо, теперь уже вдоль вагонов. Спальный вагон в самом конце состава. Потом все трое заходят в последний вагон. Железнодорожник идет впереди (извиняется, что должен идти первым), открывает купе, убеждается, что все в порядке, проверяет постель, прощается с пассажирами и спокойно направляется к выходу. Затем спокойно подает машинисту знак, и поезд трогается. Железнодорожник машет рукой пассажирам. На перроне было изрядное количество народа, из окон вагонов выглядывали люди, но никто не молвил ни слова, даже удивления не выразил, не усмотрев в этом ничего необычного.

Дитце описывает также свою встречу в Пасанаури с местными крестьянами. Он восхищен тостом, который произнес один из жителей соседнего с Пасанаури села.

В книге мы также знакомимся со строгой, но справедливой женщиной-врачом Еленой Вахтагановой Кизиладзе, которая участвовала во Второй мировой войне и была окружена всеобщим уважением и любовью.

Австрийский писатель Гуго Гупперт, который почти всегда публикует свои произведения в ГДР, выражает настроение своих коллег, когда пишет: «Грузия — моя любимая республика, и не только моя. Она, не останавливаясь, приближалась ко мне, пока расстояние между нами не сократилось очень сильно. Пока я не почувствовал ее дыхания и ее запаха: запаха ореха, граната и крепкого красного вина. Это предмет вечной мечты и сновидений о моих путешествиях»¹.

Грузинская тема постепенно все более и более интенсивно проникает в творчество поэтов и прозаиков ГДР, постепенно становясь ингредиентом, органической частью его у некоторых из них, носителем определенной идейной и художественной функции. Видимо, уже ушло в прошлое время, когда Грузия являлась для немецких писателей лишь предметом туристских впечатлений или своеобразным поводом отдать дань экзотике...

Целая эпоха отделяет поверхностный «оптический импрессион» Куба от углубленных наблюдений Адольфа Эндлера. Времени же прошло не так уж много (книга Куба вышла в 1949 году, Эндлера — в 1976 году). О последней хочется, да и следует рассказать подробнее.

Отрывки из книги А. Эндлера «Две попытки рассказать о Грузии» предварительно были опубликованы в журнале «Нойе Дойче Литератур» и еженедельной газете «Зонтаг».

По правде говоря, ознакомление с этими отрывками вселило в меня страх и сомнения: не получился ли у нашего дру-

¹ «Вельтбюне», № 3, 1973.

га Эндлера выстрел вхолостую, несмотря на его доброжелательность и любовь к нашему краю, не описал ли он некую восточную, «мифическую», экзотическую страну вместе с Грузией. Однако после выхода в 1976 году в свет самой книги все страхи рассеялись. Автор, как видно, прислушался к замечаниям грузинских друзей и предусмотрел их. Возможно, кое-что он осмыслил по-новому. Кроме того, вероятно, его сочинение в полном виде произвело совершенно иное впечатление. И теперь без преувеличения можно сказать, что на немецком языке существует, так сказать, малая энциклопедия грузинской культуры, литературы, искусства, грузинского феномена вообще. На мой взгляд, эта книга свидетельствует о более глубоком проникновении в грузинский национальный характер, специфику Грузии, в наши достоинства и недостатки, чем это наблюдается во всех других произведениях немецких писателей о Грузии. «Две попытки» написаны с подлинной любовью и теплотой, искренним желанием понять грузинский национальный характер. Это не дифирамб в нашу честь и не пасквиль на нас, хотя один из рецензентов называет эту книгу распадией¹. Это более или менее объективное, беспристрастное впечатление поэта, художника, это Грузия, увиденная глазами чужеземного поэта — вне всякой скидки и вне педантичного критиканства.

Следовательно, книга Адольфа Эндлера является, с одной стороны, некоей малой энциклопедией Грузии, ее культуры, искусства, литературы, географии, этнографии, этнологии, быта, грузинской ментальности и т. д., крайне нужным для иностранца справочником. В ней жгато и экономно собрана существенная и ценная часть литературы о Грузии на немецком языке (Гюльденштедт, Боденштедт, Лейст, Зуттнеры, Дир, Гупперт и др.). Указан их вклад в сферу немецко-грузинских связей. Тот же рецензент писал, что в вопросе, касающемся трехсотлетней связи немцев с Грузией, Эндлер «провел работу целого института кавказологии».

С другой стороны, это поэтическая и поэтому несколько субъективная картина Грузии, воспринятой художником, который зачастую глубже смотрит в коллективную психику нации, ее характер, чем путешественники, языковеды и ученые вообще, вместе взятые, потому как их интересуют отдельные факты или какая-либо одна сторона, поэт же, художник стремится к универсальному, тотальному постижению и изображению страны.

Благодаря всему этому книга Адольфа Эндлера не поддается однозначному жанровому определению: она представляет собой оригинальное слияние и сплетение художественного произведения и эссе, воспоминаний и картин путешествия, импрессионистских и психологических зарисовок, наблюдений и выводов. «Две попытки» рассказать о Грузии» пронизывает добрый, теплый и мягкий юмор. В ней заметна и беззлобная, без-

¹ Вернер Штандфус. Рыбак показывает рыбу. Адольф Эндлер. Две попытки рассказать о Грузии. Миттелдойчер ферлаг, Халле (Залле), НДЛ, № 10, 1977.

Что в стародавние времена
Целое поколение немцев
Спокойно последовало за дунайскими волнами
И там вместе с сынами солнца
В одно прекрасное утро лета,
Когда искали тень,
Черного моря достигли.
Не зря эту местность
Называют гостеприимной.

Книга, объем которой не очень уж велик, сжато, концентрированно, компактно рассматривает Грузию в различнейших аспектах и гранях. Одна из самых сильных и интенсивных граней — грузинская литература, грузинская поэзия. В «Двух попытках» выведена пожилая женщина-садовод из Ликани, фигура довольно колоритная, несколько причудливая, которая курит одну сигарету за другой: «Если бы вы спросили ее мнение о грузинской поэзии, получили бы ответ, который очень часто услышите в Грузии. «Руставели! Его «Витязя в тигровой шкуре» еще моя бабушка наизусть знала... (сигарета). Как все без исключения грузины, она тоже твердила: Галактион Табидзе! Это литература мирового масштаба! (И Галактиону каждый грузин не колеблясь принесет в жертву всех других поэтов XX века. Это был ровня Йитсу, Блоку, Малларме... труднейший и самый народный грузинский поэт нашего века)».

Книга Эндлера вообще полна грузинской поэзии. Автор не только приводит образцы немецких переводов из грузинских поэтов и грузинской народной поэзии, но порой, и сами стихи в латинской транскрипции (к примеру, некоторые стихи Галактиона Табидзе). Он, к слову сказать, упоминается и цитируется чаще других грузинских поэтов. Не раз повторяется мысль, что все без исключения грузины считают Галактиона лириком мирового значения и готовы ради него поступиться всеми другими грузинскими поэтами XX века. Сам Эндлер упорно сближает Г. Табидзе с Йитсом, Блоком и Малларме. В особенности — с ирландцем Уильямом Батлером Йитсом. Несмотря на то, что Галактион представлен в книге величайшим лириком XX века, все же заметно, что Эндлер в данном случае повторяет чужую мысль, которой доверяет, не имея возможности непосредственно в этом убедиться, так как грузинского языка не знает, а достойных, заслуживающих внимания переводов его поэзии пока что не существует ни на одном языке.

Второе место в книге, с точки зрения обращения к нему автора, занимает Шота Руставели, величие которого, по словам самого Эндлера, заставил его почувствовать перевод Гупперта. Цитаты из Руставели разбросаны по всей книге применительно к самым разнообразным обстоятельствам.

Вообще Эндлер не просто перечисляет грузинских писателей, а пытается посредством своеобразной формулоподобной аннотации представить их место и специфику. Очень тепло и с любовью пишет он о Тициане Табидзе и Паоло Иашвили, которые, благодаря русским писателям, особенно Илье Эренбургу и Борису Пастернаку, являются самыми популярными из

грузинских поэтов в Европе. Эндлер коротко рассказывает об их жизни и трагическом конце, ссылаясь на их стихотворения. Из грузинских поэтов XX века цитируются также и вкратце охарактеризованы Георгий Леонидзе, Симон Чиковани и Иосиф Гришашвили. Гришашвили интересует Эндлера, как и его жену, тематикой старого Тифлиса. Здесь также уделяется много места самому старому Тифлису и его литературной богеме (Иэтим Гурджи).

Среди ныне живущих лириков Эндлер выделяет Анну Каландадзе.

Из классиков концентрированно охарактеризованы «боевой консерватор» Григол Орбелиани, Николоз Бараташвили (продитирован его «Синий цвет»), автор «Сулико» Акакий Церетели, Важа Пшавела, эндлеровская аннотация тематики и проблематики творчества которого сравнительно пространна.

Не забывает писатель и грузинское устное народное творчество. Названы и те русские писатели, чьи биографии и творчество связаны с Грузией (Борис Пастернак, Константин Паустовский, Виктор Шкловский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко). Эндлер отмечает, что поэты и поэзия в Грузии находятся в особой чести: это заметно повсюду и во всем — в народе и официальных кругах, это видно даже из названий улиц, лучшие из которых названы именами поэтов, что редко можно встретить в других странах.

Из других областей искусства особо выделена живопись: (дифференцированно рассмотрено творчество Нико Пиросмани, Давида Какабадзе, Шалвы Кикодзе, Ладо Гудиашвили и Елены Ахвледиани) и «известный в мире грузинский фильм». Прошлое Грузии представлено в образах просветительницы Грузии святой Нины, царя Давида Строителя и царицы Тамар...

Эндлер отмечает, что в Грузии знают цену времяпрепровождению и пиру. «Грузины, — пишет он, — воспринимают свои празднества как произведения искусства...»

Жадность и скупость в Грузии считаются смертным грехом, самым большим недостатком, а грузинский пир, грузинский стол заставляет бледнеть жадного, скупого же заставляет задуматься: что делают с той обильной провизией, которая остается после торжественного стола? Расчетливость и жадность считаются в Грузии равноценными недостатками. «Деньги надо тратить поскорее, они прыгают руки», — эту фразу кто-то выдал Эндлеру за грузинскую пословицу. В заключение он говорит, что именно в Грузии испытал период творческого подъема, что нигде не работал так интенсивно и плодотворно, как здесь; пребывание в Грузии превратилось в животворный импульс и стимул его поэзии, и именно тут произошел в его творчестве благоприятный перелом...

Теперь можно сказать, что «семья», в которую входят Боденштедт, Лейст, Дир, Зуттнеры, Влейнхштейнер, Гупперт, Мекелейн и другие, увеличилась. И среди ее новых членов — Адольф Эндлер, для которого Грузия не эпизод, а одна из сильных и органичных составных частей его творчества.

ДУХОВНОЕ ЕДИНЕНИЕ

Духовное единение передовых представителей братских народов — русского и грузинского — давно уже стало традицией и имеет свою историю. Ее наиболее значительные страницы связаны с именами классиков русской и грузинской литературы. Изучение межнациональных творческих связей — важнейшая задача советских литературоведов.

Еще в 1974 году издательство «Мерани» начало подготовку серии книг о грузинских связях русских писателей. Первой была книга «Шумит Арава предо мной» (к 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина), в которой собраны сведения о пребывании Пушкина в Грузии, о развитии темы Грузии в творчестве русского поэта, об оценке пушкинских произведений деятелями грузинской культуры и о чествовании его в Грузии. В 1977 году вышли в свет еще два сборника серии: «За хребтом Кавказа» (к 160-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) и «Там, где вьется Алазань», (к 180-летию со дня рождения А. С. Грибоедова). Все три сборника подготовлены известным исследователем русско-грузинского

культурных и литературных связей В. С. Шадури.

Построение сборников традиционно. В специальных разделах собраны материалы о пребывании М. Лермонтова и А. Грибоедова в Грузии, об их встречах и дружеских связях с представителями грузинского народа, деятелями грузинской культуры и литературы. Наряду с известными, давно осмысленными и исследованными фактами здесь приводятся и новые, среди них и затерявшиеся в старых газетах, брошюрах и воспоминаниях и не известные до сих пор рукописные и устные свидетельства.

В истории грузинских связей Лермонтова и Грибоедова много общего, и обусловлено это тем, что оба поэта вступили в конфликт с самодержавием, оба были изгнанниками. Патристическое чувство внушило обоим интерес и симпатию к грузинскому народу, к передовым его представителям, к сокровищам устного поэтического творчества, к его жизни и быту.

В рецензируемых книгах большое внимание уделяется характеристике окружения русских поэтов в Грузии, их творческим интересам. В сборнике, посвященном А. Грибоедову, содержание разделов о культурной и литературной среде выходит далеко за пределы темы «Грибоедов и Грузия». Обо-

сновывая утверждение, что русский поэт стал центром притяжения передовой молодежи, В. Шадури тщательно собирает факты об отношениях Грибоедова с представителями грузинской общественности, об идейных и организационных связях Грибоедова с «первенцами русской свободы», затрагивает и вопрос о пребывании в Грузии деятелей декабристского движения, об их дружеских и творческих контактах.

Огромное место в жизни А. С. Грибоедова занимала семья участника Отечественной войны 1812 года поэта-романтика Александра Гарсевановича Чавчавадзе, дом которого справедливо считали «прочным звеном между обществом грузинским и русскими людьми» («За хребтом Кавказа»). В книге собраны известные исследователям материалы об идейных, дружеских и родственных связях Грибоедова с семьей А. Г. Чавчавадзе. Здесь перепечатаны воспоминания, отрывки из дневников К. А. Бороздина, Д. Г. Эристави, Д. Ф. Харламовой, А. А. Бестужева-Марлинского, К. Ф. Аделунга, письма А. С. Грибоедова, художественные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Я. П. Полонского, записки, дневники, письма разных лиц, в которых упоминалось о Грибоедове и его отношениях с А. Г. Чавчавадзе.

Документальными материалами о встречах М. Лермонтова с А. Чавчавадзе литературоведы не располагают. Тем интереснее приведенные В. Шадури факты, которые дают ему основание сделать вывод о возможных контактах. Используя сведения, собранные и прокомментированные И. Андрониковым, и вводя в литературный обиход новые данные, В. Ша-

дури утверждает, что М. Лермонтов познакомился с А. Чавчавадзе еще в Петербурге, где грузинский поэт жил после ссылки в Тамбов в 1834 году.

Основываясь на неопубликованных воспоминаниях дочери выдающегося грузинского публициста-шестидесятника Н. Я. Николадзе — Русуданы Николаевны Николадзе-Полиевктовой, исследователь считает, что Лермонтов бывал в семье Чавчавадзе в Грузии в 1837 году. В упомянутых воспоминаниях В. Шадури находит и подтверждение гипотезы о том, что дочери А. Чавчавадзе Нина и Екатерина были адресатами стихотворений Лермонтова: «Слышу ли голос твой», «Как небеса твой взор блистает», «Она поет и звуки тают», «Кинжал».

Многое в утверждениях исследователя остается гипотетичным и требует дополнительных исследований и аргументации, однако сообщение новых сведений будет способствовать углубленному изучению биографии и творчества Лермонтова.

Интересны сведения об однопольчанине М. Лермонтова, К. Х. Мамацашвили. Он встретился с поэтом в 1840 году во время похода в Чечню, в котором Лермонтов принимал участие после высылки из Петербурга за дуэль с Барантом. Среди других материалов в книге приводятся воспоминания К. Х. Мамацашвили, опубликованные в 80 — 90 годах в газетах «Дрозба», «Кавказ», и сообщается об архивных разысканиях исследователя, в частности, о неизвестной ранее части воспоминаний «Записки генерала Константина Мамацаева», хранящейся в семье праправнучки К. Х. Мамацашвили.

Специальные разделы в сборниках материалов о Лермонтове и Грибоедове отводятся произведениям, навеянным грузинскими встречами и впечатлениями. Обращаясь к творчеству Лермонтова, его письмам, В. Шадури очерчивает круг интересов поэта в период пребывания в Грузии и утверждает, что «от пронизательного взгляда поэта не ускользнула и тяжелая жизнь «рабов» феодальной Грузии» (с. 56). Значительное место отводится и вопросу об использовании грузинского фольклора в произведениях Лермонтова.

В еще большей степени судьбы грузинского народа волновали А. С. Грибоедова. Он не только изучал жизнь грузинского народа, его нравы, историю, фольклор и литературу, но пытался найти пути к улучшению его положения. В сборнике «Там, где вьется Алазань» полностью приводится текст «Записки о лучших способах вновь построить город Тифлис», а также «Проект учреждения Российской закавказской компании», которые свидетельствуют не только о широких познаниях Грибоедова, но и о его заботе о местном населении, о процветании края. Здесь читатель найдет путевые заметки А. Грибоедова «От Моздока до Тифлиса» и другие записки, отражающие впечатления от поездок по Грузии.

Широко известные факты о грузинском цикле лермонтовских произведений составитель сборника «За хребтом Кавказа» дополняет новыми сведениями о преданиях, легендах, верованиях грузинского народа, об исторических фактах и лицах, которые так или иначе преломились в творческой фантазии поэта. В сборнике собраны раз-

личные материалы, печатавшиеся ранее в журналах, газетах и других изданиях, мало доступных читателям. Это будет способствовать более глубокому осмыслению сущности таких произведений, как «Демон», «Мцыри», «Тамара», и формированию более ясного представления о реальных источниках вдохновения поэта.

Грузинская тема в художественных произведениях А. Грибоедова представлена менее широко, чем у М. Лермонтова. В сборнике перепечатаны отрывки из произведений «Там, где вьется Алазань», «Кальянчи», «Грузинская ночь». Вызывает удивление, что составителем не уделено внимания незавершенному замыслу трагедии «Радамист и Зенобия», в которой на материале истории Грузии Грибоедов собирался поставить проблему самовластия и народа.

В разделах «Грузия чтит бессмертного творца «Горя от ума» и «В сердце народа грузинского» собраны материалы о распространении и изучении творчества Грибоедова и Лермонтова в Грузии, о следе, который оставили они в грузинской литературе, о чествовании памяти русских поэтов, судьба и творчество которых были связаны с Грузией. Краткий очерк развития интереса к Лермонтову среди грузинских писателей, общественных и культурных деятелей, начиная с первой половины XIX столетия и до наших дней, дает представление о росте популярности Лермонтова в Грузии, об освоении его наследия грузинской общественностью, о переводах произведений русского поэта на грузинский язык, о становлении и развитии грузинского лермонтоведения.

В сборнике, посвященном Грибоедову, рассказывается о переводах комедии «Горе от ума» на грузинский язык Г. Б. Цинамдзгвришвили, Г. Д. Эристави, А. М. Казбеги, о постановках комедии в театрах Грузии.

Составителем сборников подобран богатый материал об отношении деятелей грузинской культуры и литературы к Лермонтову и Грибоедову. Здесь приводятся высказывания о Лермонтове И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, Я. Гогешвили, С. Чрелашвили, И. Гомартели, Г. Туманишвили, С. Чиковани, В. Гаприндашвили, перепечатываются выдержки из газет «Иверия», «Новое обозрение», «Кавказ», «Дрозба», «Комунисти», «Заря Востока», «Вечерний Тбилиси» о чествовании памяти Лермонтова, о постановках его произведений на сценах грузинских театров, о юбилейных торжествах в Советской Грузии.

В заключительной главе книги о Лермонтове печатаются стихотворения грузинских поэтов, посвященные Лермонтову. Среди них произведения Иосифа Нонешвили, Отара Челидзе, Вахтанга Горганели, Габриэла Джабушанури.

Суждения о Грибоедове составили специальный раздел «Деятели двух братских народов об А. С. Грибоедове», в котором собраны отрывки из статей, художественных произведений, писем деятелей русской и грузинской культур разных эпох: В. Белинского, М. И.

Глинки, В. Кюхельбекера, А. И. Одоевского, М. Б. Туманишвили, А. Н. Пурцеладзе, Г. Е. и А. Р. Церетели, Р. Ф. Каладзе, Г. Н. Леонидзе, Н. С. Тихонова, Л. М. Леонова, М. А. Шолохова и др.

Освещая вопрос о личных контактах Лермонтова и Грибоедова с грузинскими общественными и литературными деятелями, с представителями грузинского народа, об отражении в творчестве русских писателей истории, фольклора, быта, природы Грузии, В. Шадури приводит различные факты и мнения, полемические суждения, обосновывает и отстаивает свою точку зрения. Многочисленные ссылки на разные источники, из которых взяты те или иные сведения или цитаты, составляют солидный аппарат. Он будет полезен не только читателям, которые захотят воспользоваться информацией о том, где данный вопрос рассмотрен более подробно, но и для исследователей, работающих над проблемами русско-грузинских литературных связей.

Подготовка серии книг о творческих связях русских писателей с передовыми представителями грузинского народа — несомненно полезное начинание. Это будет способствовать углубленному изучению дружеских и творческих связей двух братских народов, которые в наши дни развиваются особенно интенсивно и плодотворно.

Зинаида КИРИЛЮК.
г. Киев.

МАЯКОВСКИЙ В МУЗЫКЕ

Среди композиторов, создававших музыку к произведениям В. В. Маяковского, работавших над музыкальным оформлением спектаклей и кинофильмов по его пьесам или о нем, есть и грузинские авторы. Это — Алексей Мачавариани, Важа Азарашвили, Феликс Глонти, Вано Мурадели. Так, А. Мачавариани написал музыку к кинофильму «Маяковский начинался так» (режиссер К. Пипинашвили), В. Азарашвили — к спектаклю «Баня», Ф. Глонти — к балету «Рассвет». В. Мурадели (1908 — 1970) является автором музыки «Марша времени» и спектакля «Баня». Эти сведения взяты из книги-справочника «Маяковский в музыке», только что выпущенного московским издательством «Советский композитор».

Ныне покойным составителем этого издания Г. К. Ивановым выявлено 188 композиторов, создавших на слова Маяковского более 300 музыкальных произведений, которые по соответствующим разделам и расположены в книге, открывающейся обширной вступительной статьей опытного библиографа и знатока творчества Маяковского С. Н. Кутлер «Маяковский и музыка». Здесь справедливо замечено, что музыкальные вкусы Владимира Маяковского начали формироваться еще в детстве, которое прошло в Грузии, что в семье часто звучали песни — русские, грузин-

ские, украинские. Приведены строки из книги «О Маяковском» автора этих строк, где сказано, что в 1905 году юный Володя Маяковский знал наизусть на грузинском языке и громко распевал стихи поэта-революционера И. Евдошвили во время демонстраций в революционном Кутаиси.

Из очерка С. Н. Кутлер мы узнаем, что Маяковский любил слушать русскую народную песню «Доля бедняка», что ему нравился романс Ф. Шуберта на стихи Гейне, что поэт был восхищен «Революционным этюдом» Шопена. Здесь же читаем, что еще юношей он был знаком с грузинским переводом пролетарского гимна «Интернационал», выполненным грузинским поэтом-классиком Акакием Церетели. «Интернационал» входит в поэмы Маяковского «150 000 000», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!». Борясь с музыкальной пошлятиной, сказано в очерке, Маяковский ратует за создание хорошей песни для народа, в том числе и лирической. Поэт гордо восклицает: «И песня, и стих — это бомба и знамя, и голос певца подымает класс».

Как известно, у Маяковского много маршей и песен. Думается, задача композиторов — перевести на музыку и эти произведения. Книга «Маяковский в музыке» содержит много полезных сведений как для музыкантов, так и для исследователей творчества великого русского советского поэта, да и вообще для всех, кто любит его поэзию.

Василий ЛАПЕРАШВИЛИ.

ПОСТИГАЯ ПРАВДУ ЖИЗНИ

Есть категория читателей, которым в каждой прочитанной книге важна прежде всего не тема, как бы актуальна она ни была, не подбор действующих лиц, какими бы реальными они ни казались, не детали, как бы умело и точно они ни были подобраны, а сам автор, нашедший именно свою тему и избравший для нее своих героев, со всеми присущими им характеристиками. Ведь мысли и действия описываемых им людей, их жизнь, порывы, действия, их удачи и неудачи, их боль и радости — прежде чем стать полнокровной плотью произведения — возникли в творческом воображении автора, высветили всю гамму его человеческих чувств, прошли сквозь призму авторской совести, выявили кредо его творческого поиска. Каков автор, как видит он мир и людей, насколько глубоко при этом выявляет он свое участие в сегодняшней жизни, мимо чего не смог пройти, не заметить, не остановиться, не обратить внимания и не рассказать?

Вот с этой точки зрения Леван Хаиндрова и его последняя книга рассказов «Дымки на горизонте» («Мерани») привлекают к себе читателя, равнодушного к сегодняшней семье человечества.

Почему — человечества? Да потому, что разноязычные герои его — ирландцы, французы, немцы, англичане, японцы, испанцы, грузины, русские — широко разбросаны по Земле. И как свойст-

венно людям — не похожи один на другого, несовместимы по своим профессиональным, социальным, возрастным, этическим признакам. Мужчины и женщины, молодые и старые, именитые и незаметные, слабые и сильные проходят перед глазами, вызывая интерес, сочувствие или жалость, протест.

В авторской речи — ровной, задушевной, мечтательной, скорбной, порою повышено живой, динамичной — выпукло и зримо передаются картины чередующихся жизненных явлений — любви, надежд, отчаяния, мимолетных удач, счастья, безымянных подвигов, бездн падения и опустошенности. И где бы ни происходили события — в Москве, Одессе, Тбилиси или за рубежом, — все они объединены одним емким всевмещающим словом — жизнь, с ее всегда сложной, всегда упительной и неукротимой волей, проверяющей душевные силы людей в томительной и непрерываемой борьбе извечного в нас с мимолетным и преходящим.

Не удивительно, что книга с такой огромной географией событий и разнообразием тем сама по себе способна вызвать немалый интерес, а в любом вдумчивом и ищущем читателе возбудит волну глубоких раздумий и личную потребность решения многих нравственных, моральных, социальных проблем, как поставленных автором, так и возникающих самопроизвольно по неожиданным проявлениям ассоциаций. Что стоит, к примеру, не доведенная до логического окончания, как может показаться на первый взгляд, встреча с доктором Хасселем из рассказа «Интурист», какую волну эмоций и заключений она вызыва-

«ет? И это удивительное непосредственное читательское «послесловие» неизбежно возникает после чтения почти каждого из рассказов, таким образом, продолжающего свою дальнейшую жизнь в сознании читателя.

Нет надобности пересказывать содержание книги, выявлять определенный угол зрения, направлять внимание читателя на какую-то одну деталь, становящуюся вдруг фокусом всего рассказа и раскрывающую ясное, четкое нравственное кредо автора, его позицию, его решение. Так должно быть в подлинно художественной прозе, когда и немногословие умного автора оборачивается многословием серьезного читателя.

Леван Хаиндрава — и непринужденный, находчивый, интересный рассказчик («Счастье», «Капля за каплей», «Завещание»), и тонкий наблюдательный психолог («Подвиг», «Серебристая чешуя рыбки»), и углубленно мудрый моралист («Сны наши горькие», «Голые ветви чинары»), но везде — художник, постигающий правду жизни.

Широта диапазона авторского видения, культура языка, чувство слова, эстетическая до тончайших нюансов законченность и верность художественного образа, нравственная направленность тематики отличают рассказы Левана Хаиндрава. Обращает на себя внимание своеобразие, оригинальность и независимость его литературного материала, умение почувствовать и выбрать главное.

В своих рассказах Леван Хаиндрава стремится не только показать поразившие его моменты и стороны жизни, но и

сделать для читателя обобщенные выводы, выявить четкий нравственный критерий современности. И все это только через художественный образ героя. Это не прямое назидание, а художественное отображение увиденного им жизненного факта, воспринимаемое как своевременное напоминание, как необходимое предупреждение, как достовернейшее свидетельство трезвого, зрелого, углубленного и непререкаемого отношения к жизненной правде. Автор знает, о чем и ради чего он говорит: «Как во всякой жизни, в моей было больше ошибок и потерь, чем радостей и находок, но в самые трудные минуты я видел дымки на горизонте и по ним направлял свой путь».

Так пусть же путь этот будет светлым и многогодушим. Путь в будущее. И автора, и его читателей.

Евгений ШАВШУКОВ.
г. Свердловск.

ПЕРВЫЙ СЛОВАРЬ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СЛОВ

Выпущенный издательством Тбилисского государственного университета «Словарь несклоняемых слов» является первой попыткой собрать и описать те имена существительные и прилагательные, которые с большей или меньшей частотой употребляются в русском языке, но в силу морфологического

8519353
102 22 ПР10333

своеобразия лишены формальных показателей рода, числа и падежа.

Как известно, к несклоняемым именам существительным относятся такие, которые не изменяются по падежам. Большую часть их составляют иноязычные заимствования. Они могут быть именем нарицательным мужского, женского и среднего рода, оканчивающимися на —у (рагу), —и (жалюзи), —е (галифе), —о (бюро), географическим наименованием (Чикаго, Тбилиси, Осло), именем (Хозе, Мери), фамилией (Дурново, Черных, Сухих, Чутких), аббревиатурой (НТО, ДСО, ЦДСА...).

В «Словаре несклоняемых слов» собрано около 1.800 таких несклоняемых имен существительных и других неизменяемых слов.

Для автора — профессора Н. П. Колесникова, специалиста по русской лексикологии, которому принадлежит ряд словарей паронимов, антонимов и т. д., основными лексикографическими источниками послужили Большая Советская Энциклопедия, разные энциклопедические словари, толковые словари русского языка, словарь современного русского литературного языка в 17 томах, словарь иностранных слов, словарь местных географических терминов и т. д.

В рассматриваемом нами словаре несклоняемые слова помещены под опорными словами, данными в алфавитном порядке. Каждое из них стоит во главе словарной статьи, о которой в предисловии сказано, что она «состоит из неизменяемого заглавного (толкуемого) слова

(вокабулы) и его вариантов или синонимов, если они имеются. За ними следуют грамматические пометы, указывающие на род (м., ж., ср.) несклоняемого существительного»; напр., Депо, ср. (франц. depot — склад) — 1. Здание для стоянки, ремонта и чистки паровозов. 2. Здание для пожарных машин. 3. Склад для хранения чего-нибудь. 4. Удержанные резервы, образующиеся при перестраховании. В просторечии может употребляться как склоняемое существительное среднего рода: «Откуда идешь так поздно?» — спросил его царь. «Из депа, ваше императорское величество!» — промолвил ответил юнкер. «Дурак!.. Разве «депо» склоняется!» — крикнул царь. «Все склоняется перед вашим императорским величеством!» — еще громче гаркнул юнкер» (С. А. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда).

Словарь открывается маленькой статьей от редакции, принадлежащей его редактору — профессору Г. И. Цибахашвили, в которой дается общая характеристика издания. Структура и цель его раскрываются в предисловии.

Интересно, что самое большое количество несклоняемых слов, приведенных в словаре, заимствовано из грузинского языка. Всего их до 150 лексических единиц.

В лингвистической литературе отмечается, что сравнительно небольшая группа слов (в основном иноязычного происхождения) в противоположность склоняемым не обладает для выражения своих синтаксических функций особыми падежными

формами. Грамматическое значение падежа в этих словах получает выражение не внутри слова, а вне, т. е. синтаксически, при помощи предлогов и различных форм согласованных с этими существительными слов. Как выше отмечено, аббревиатуры не склоняются, но есть и такие, которые изменяются: вуз, вуза, вузу и т. д.

В отличие от русского языка, в грузинском склоняются все части речи — глаголы, наречия, предлоги, союзы, частицы, междометия, имена. Более того, в грузинском языке могут склоняться и все предложения. Еще Илья Чавчавадзе в труде «Вот история» отмечал эту особенность грузинского языка, в котором изменяются по падежам слова, не склоняющиеся ни в языке-источнике, ни в языке-посреднике: напр., заимствованное из французского языка через посредство русского слово *ფაქსი* не склоняется ни во французском, ни в русском, а в грузинском оно изменяется по падежам так же, как и все остальные грузинские имена.

Словарь несклоняемых слов, издающийся впервые, представляет собой итог многолетней исследовательской работы автора в области лексикологии. Издание его свидетельствует о высоком уровне развития советской лексикологии. И тем отрадней, что выпуск его осуществлен в Грузии, что он стал теперь еще и источником детально разработанной, практически исчерпывающей информации о данной конкретной лексической области, хотя и содержит не весь материал, собранный исследователем в течение почти 20 лет, и в этом смысле рассматривается нами как своеобразный опыт.

Тем не менее словарь этот, несомненно, окажет большую помощь студентам, преподавателям, литературным работникам, переводчикам и всем, кто заинтересован в повышении культуры устной и письменной речи. Его издание — большое событие в нашей культурной жизни.

Рафаил ШАМЕЛАШВИЛИ.

Вахтанг ГУРУЛИ,
Валериан МАЧАРАДЗЕ

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В конце минувшего года белорусский народ торжественно отметил 60-летие образования Белорусской ССР и Компартии республики.

Этот большой праздник по праву разделили народы всей нашей многонациональной Родины, в том числе и трудящиеся Советской Грузии.

В годы Великой Отечественной войны Белоруссия одной из первых советских республик приняла на себя удар гитлеровских полчищ. Республика стала партизанским краем. Среди участников этой небывалой по размаху партизанской борьбы было немало грузин.

В борьбе за освобождение Белоруссии от гитлеровских захватчиков вместе с белорусами, русскими, украинцами и представителями других национальностей активное участие принимали командир партизанской бригады им. Ф. Э. Дзержинского В. М. Талакvadзе, командир Пиннской партизанской бригады И. Г. Шубитидзе, начальник штаба партизанского отряда «Истребитель» Н. В. Сисаури, командир первой роты партизанского отряда «Штурм» З. И. Циклаури и многие другие.

По истории партизанского движения в Белоруссии создано уже немало ценных исследований, но еще много документов, проливающих свет на славные подвиги советских людей, остается вне поля зрения исследователей.

Новые материалы, с которыми мы знакомим читателей, выявлены в партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Белоруссии (далее: ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии) и рассказывают о славных делах наших соотечественников.

В партизанском движении Белоруссии видную роль сыграл Владимир Мануилович Талаквядзе, который прошел славный путь от командира партизанского отряда до командира бригады им. Ф. Э. Дзержинского. Бригада им. Ф. Э. Дзержинского под командованием В. Талаквядзе внесла весомый вклад в борьбу против гитлеровских захватчиков в Белоруссии: убито вражеских солдат и офицеров — 7.286, ранено — 3.639, взято в плен — 24; подорвано танков — 16, автомашин — 119, мотоциклов — 1; подбито самолетов — 1; сожжено складов с боеприпасами — 2; спущено под откос эшелонов — 23, а обстреляно — 53; подбито и повреждено паровозов — 204; разбито и повреждено железнодорожных вагонов — 483; уничтожено вражеских гарнизонов — 9, дзотов — 14; взорвано железнодорожных рельсов — 7.086, ж.-д. мостов — 12, шоссе-ских мостов — 140; уничтожено телефонно-телеграфной связи — 18.100 метров; взорвано электростанций — 1, цистерн с горючим — 11, лесозаводов — 1, мельниц — 3, хлебных заводов — 5; уничтожено повозок — 179; разрушено шоссе-ских дорог — 51,8 км и т. д.¹

Выдвижение В. М. Талаквядзе на пост командира партизанской бригады им. Ф. Э. Дзержинского произошел в весьма сложных условиях. Старший помощник начальника оперативного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) капитан А. Ф. Бардадын сообщает следующее: «Сиротинская партизанская бригада им. тов. Короткина к началу 1943 г. насчитывала в своих рядах около 2.500 чел. вооруженных партизан.

Начиная с декабря 1942 г. по февраль 1943 г. бригада вела большие бои с крупными силами противника, вынуждена была оставить Сиротинский район и перейти со всем составом бригады в Россонский район. По окончании экспедиции командование бригады решило передислоцировать бригаду из Россонского в Сиротинский район.

В феврале при переходе линии ж.-д. Полоцк—Невель бригада подверглась нападению со стороны противника с применением бронепоезда. В силу этого бригада оказалась разделенной на 2 группы — одна группа перешла линию железной дороги и направилась в Сиротинский район, другая — осталась в Россонском районе.

Во время служебной командировки в Россонском и других партизанских районах по указанию БШПД (Белорусский штаб партизанского движения. — В. Г., В. М.) мною оформлена самостоятельная бригада из части партизан бригады им. Короткина, оставшейся в Россонском районе. Командиром бригады был назначен бывший командир 2-го отряда бригады тов. Талаквядзе, комиссаром бригады — тов. Эрдман. Бригаде присвоено название им. Дзержинского.

Часть бригады, перешедшей в Сиротинский район, реорганизована также в самостоятельную бригаду. Командир бригады — быв. командир 1-го отряда тов. Сакмаркин, комиссар

¹ ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 26, лл. 256—257.

ром — быв. комиссар отряда тов. Сипко. Бригада носит имя тов. Ленина.

Бригада тов. Талаквадзе была передислоцирована из Росонского района на границу Вилейской и Витебской обл. (район оз. ШО)².

Во время формирования в бригаду им. Ф. Э. Дзержинского из бывшей партизанской бригады им. С. М. Короткина вошли следующие отряды: 2-й, 6-й и 7-й; а личный состав бригады насчитывал 613 человек. Но формирование бригады этим не закончилось, для усиления бригады им. Ф. Э. Дзержинского, уполномоченный БШПД капитан А. Ф. Бардадын приказал из Сиротинского района отозвать: а) оставшуюся часть 2-го отряда и преобразовать ее в самостоятельный отряд и б) 4-й отряд (бывшей бригады им. С. М. Короткина)³. На 1 июля 1943 года партизанская бригада им. Ф. Э. Дзержинского в своем составе объединяла 6 отрядов: 1) отряд «Грозный» в составе 178 человек, 2) отряд им. С. М. Кирова — 84 человек, 3) отряд им. В. И. Чапаева — 134 человек, 4) отряд «За победу» — 137 человек, 5) отряд им. Ф. Э. Дзержинского — 90 человек, 6) отряд «Белорусский мститель» — 136 человек; в штабе бригады — 71 человек. Всего в бригаде — 830 человек⁴.

Одной из первых значительных операций партизанской бригады В. Талаквадзе была Балдышинская операция. В деревне Балдыш, которая находилась, в двух километрах севернее станции Адамова (по линии железной дороги Полоцк—Дрисса, участок Боровух-1—Борковичи) находился немецкий гарнизон, который затруднял диверсии и не допускал переходов партизан через железную дорогу на участке Боровух-1 — Борковичи. Поэтому представителем БШПД А. Ф. Бардадыным перед бригадой В. Талаквадзе была поставлена задача: уничтожить Балдышинский гарнизон. Для осуществления этой задачи был выделен отряд «Грозный», который в ночь на 1 апреля 1943 года уничтожил немецкий гарнизон⁵.

Балдышинская операция открыла партизанам путь к более свободному действию.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом начинается коренной перелом в Великой Отечественной войне. Гитлеровцы не хотели мириться с поражением и готовились к новому наступлению, поэтому весной 1943 года стали перебрасывать свежие силы и технику на центральном направлении. Основные коммуникации для снабжения групп армии «Центр» проходили через Белоруссию. Партизаны успешно действовали в тылу врага: в апреле 1943 года они произвели 320 крушений поездов, в мае — свыше 760⁶. Поэтому немцы стали выделять карательные отряды для уничтожения

² ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 26, л. 1.

³ Там же, л. 26.

⁴ Там же, л. 43.

⁵ Там же, лл. 11—14.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, в шести томах, т. 3, М., 1961, с. 464.

партизан, чтобы обеспечить свободное снабжение группы армии «Центр». Учитывая обстановку, начальник БШПД П. З. Калинин 29 мая 1943 года отдал партизанским бригадам Дубровского, Воронянского, Лопатина, Леонова, им. С. М. Гирова, Талаквядзе и отряду «За Родину» распоряжение, в котором сообщалось, что противник готовит наступление с целью блокировки лесных массивов Бегомольской зоны (Бегомольский район Минской области. — В. Г. и В. М.) и ее окрестностей, поэтому партизанам приказывалось — «...сохраняя взаимодействия между бригадами, свободу маневра, не допускать окружения противником»⁷.

Несмотря на сложную обстановку, партизаны усилили действия. С 1 по 25 июня 1943 года бригада В. Талаквядзе небольшими диверсионными группами успешно действовала вдоль железной дороги Полоцк—Молодечно (Ушачского и Лепельского районов Витебской области). Группы нанесли врагу серьезный урон и не давали покоя, а 26 июня диверсионная группа отряда им. Чапаева на перегоне Ловша — Сиротино (железнодорожная линия Витебск—Полоцк) спустила под откос эшелон, были разбиты паровоз и 8 вагонов, разрушено железнодорожное полотно на 100 метров⁸.

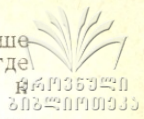
Накануне и в период летнего наступления гитлеровцев 1943 года важное значение имело выведение из строя коммуникаций, чтобы помешать врагу перебросить войска и снаряжение. Во исполнение этой задачи в июле 1943 года диверсионные группы бригады В. Талаквядзе стали действовать более активно. Так, 9 июля 1943 года партизаны из отряда «Грозный» на железной дороге Полоцк—Молодечно, в районе ст. Зябки, вывели из строя паровоз; 17 июля партизаны из отряда «За победу» уничтожили 4 моста (один из них на дороге дер. Долгое — ст. Зябки) и на железной дороге Полоцк — Молодечно, в районе ст. Прозороки, вывели из строя паровоз, движение было приостановлено на 4 часа; 19 июля группа из отряда «За победу» на железной дороге Полоцк—Молодечно вывела из строя паровоз и 2 платформы с автомашинами, движение было приостановлено на 6 часов; 20 июля диверсионная группа отряда им. Чапаева на шоссе между дер. Коссари и Черныца II (Витебская область) взорвала 10 мостов; 22 июля группа партизан из отряда им. Чапаева на шоссе Улла—Ловша (Витебская область) уничтожила 3 автомашины; с 24 июля по 1 августа 1943 года на железной дороге Полоцк—Молодечно (перегон Подсвилье—Зябки) диверсионная группа бригады В. Талаквядзе взорвала 828 штук рельсов, т. е. 10.350 метров железнодорожного полотна; кроме этого, уничтожены паровоз и 12 мостов⁹.

Еще накануне летнего наступления гитлеровцев, в конце июня 1943 года, ЦК КП(б) Белоруссии выдвинул план массового уничтожения рельсов на оккупированной территории СССР, который вошел в историю под названием «Рельсовая вой-

⁷ ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 23, д. 32, л. 189.

⁸ Там же, лл. 37—41.

⁹ Там же, лл. 58—60.

на». Планом операции предусматривалось подорвать свыше 200.000 рельсов, из них более половины в Белоруссии, где проходили важнейшие железнодорожные коммуникации группы армии «Центр»¹⁰.

В ночь на 3 августа 1943 года по приказу ЦШПД 167 партизанских отрядов численностью до 100.000 человек нанесли мощный удар по коммуникациям врага. Операция началась одновременно на фронте в 1.000 км и охватила весь тыл немецко-фашистских войск от линии фронта до западной границы СССР. Только за одну ночь партизаны уничтожили 42 тыс. рельсов¹¹.

Бригада В. Талаквядзе активно включилась в исполнение этой почетной задачи. 4 августа 1943 года диверсионная группа из отряда им. Дзержинского на железной дороге Полоцк—Молодечно (у железнодорожного моста, у деревни Якубовицзна) взорвала 24 шт. рельсов; другая группа (из отряда «Белорусский мститель») на железной дороге Полоцк—Молодечно (перегон Подсвилье—Зябки, у железнодорожного моста) взорвала 140 шт. рельсов, а третья диверсионная группа (из отряда «Грозный») на перегоне Подсвилье—Зябки взорвала 153 шт. рельсов, т. е. вывели из строя 1.912 метров железнодорожного полотна¹².

С 4 по 20 августа 1943 года бригада В. Талаквядзе, разделенная на отдельные диверсионные отряды успешно вела «Рельсовую войну»¹³.

Потерпев поражение на Курской дуге, враг стремился любой ценой удержаться на центральном участке фронта. В это время в тылу врага активно действовали партизаны. Только в Витебской и Могилевской областях сражалось свыше 30 тысяч белорусских партизан¹⁴, в числе которых была и бригада В. Талаквядзе.

21 августа 1943 года диверсионная группа из отряда «Грозный» (бригада В. Талаквядзе) на железной дороге Полоцк—Молодечно (перегон Зябки—Подсвилье, возле лесопильного завода) вывела из строя паровоз, тянувший эшелон с военным грузом на Полоцк; с 22 на 23 августа диверсионная группа из отряда «Грозный» на железной дороге Полоцк—Молодечно, в районе ст. Подсвилье, взорвала 320 рельсов, а 30 августа—2 паровоза; 31 августа диверсионная группа из отряда «Белорусский мститель» на железной дороге Полоцк—Молодечно взорвала 212 рельсов; в ночь с 3 на 4 сентября 1943 года диверсионная группа из отряда «Грозный» на железной дороге Полоцк—Молодечно, возле разъезда Боровые (Видзовский район Вилейской области), сожгла лесопильный завод; 5 сентября

¹⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, с. 466—467.

¹¹ История второй мировой войны 1939—1945. В двенадцати томах, т. 7, М., 1976, с. 307.

¹² ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 26, л. 62.

¹³ Там же, лл. 62—64.

¹⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, с. 363.

партизаны бригады В. Талаквядзе на железной дороге Полоцк—Молодечно, в районе ст. Подсвилье, вывели из строя 2 паровоза и взорвали 134 рельса; 7 сентября партизанская бригада В. Талаквядзе на железной дороге Полоцк—Молодечно вывела из строя 2 паровоза и обстреляла эшелон¹⁵

С 15 сентября до конца декабря 1943 года бригада В. Талаквядзе успешно продолжала борьбу с противником, отряды ее вдоль железной дороги Полоцк—Молодечно провели несколько десятков боевых операций, которые кончились со значительным результатом: убито вражеских солдат и офицеров — 679, ранено — 339; подбито и повреждено паровозов — 61, вагонов — 109; взорвано железнодорожных рельсов 2.568; спущено под откос эшелонов — 5; было приостановлено движение поездов на 135 часов; уничтожено: автомашин — 14, танков — 1, железнодорожных мостов — 5, шоссейных мостов — 40, телефонной связи — 3.400 метров и т. д.¹⁶. А всего за 1943 год или со времени создания бригады (с 19 марта) до конца 1943 года, партизанами бригады убито немецких солдат и офицеров 1.504, ранено — 588; спущено под откос эшелонов — 6; подбито и повреждено паровозов — 82, ж.-д. мостов — 6, шоссейных мостов — 99, рельсов — 5.694; подбито танков — 4, автомашин — 26, самолетов — 1; мотоциклов — 1; взорвано электростанций — 1, лесозаводов — 1, мельниц — 2; сожжено хлебных складов — 3; уничтожено повозок — 68; взят трофей: пушек — 2, пулеметов — 1, автоматов — 4, винтовок — 38, пистолетов — 8, снарядов — 22, гранат — 101 и т. д.¹⁷.

К концу сентября 1943 года Красная Армия вышла на рубеж Днепра, успешно форсировала Днепр, и 6 ноября был освобожден Киев. Войска Белорусского фронта наступали на Гомель, который освободили 26 ноября 1943 года. В ноябре и декабре 1943 года войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов наступали на Витебск. Таким образом, линия фронта непосредственно подошла к районам боевых действий партизан Витебской области, где и была бригада В. Талаквядзе.

К началу 1944 года партизанская бригада В. Талаквядзе имела в своем составе 823 человека¹⁸.

С 1 января до конца марта 1944 года отряды и группы бригады В. Талаквядзе по железнодорожной линии Полоцк—Молодечно успешно провели несколько десятков боевых операций, которые нанесли немцам серьезный урон. Поэтому немцы решили организовать карательные экспедиции (в феврале 1944 года в экспедиции участвовало 2.000 человек, а в марте — 800 человек), но безуспешно, а партизаны за это время (январь—март 1944 года) добились значительных успехов: убито немецких солдат и офицеров — 1.002, ранено — 993; пущено под откос эшелонов — 4; подбито паровозов — 86, вагонов — 44;

¹⁵ ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 26, лл. 79—81.

¹⁶ Там же, лл. 87, 122—124, 115—117, 127, 86, 119—122, 128, 113, 125—126.

¹⁷ Там же, лл. 128—130.

¹⁸ Там же, л. 123.

взорвано железнодорожных рельсов—1.168; уничтожено танков — 1, автомашин — 25, железнодорожных мостов — 2; взорвано взорвано дзотов — 8, уничтожено линий телефонной связи — 1.200 метров и т. д.¹⁹.

Весной 1944 года немцы, в ожидании наступления Красной Армии, решили выделить крупные соединения для очищения лесов от партизан в прифронтовой полосе.

В начале апреля 1944 года бригада В. Талаквадзе находилась в районе озера Шо (на границе Витебской и Вилейской областей). На правом фланге находилась партизанская бригада им. ВЛКСМ, а слева—бригада им. А. В. Суворова. По сведениям разведки, в начале апреля стало известно, что немцы готовят наступление против партизан в районе озера Шо. С 14 апреля противник занял подступы к оборонительной линии бригады В. Талаквадзе — дер. Дречино, Обронь, Слобода, Слободка, Колечполе, Биловшизна, Лотьше, Островь и др.²⁰.

19 апреля 1944 года противник крупными силами (2-го пехотного полка, батальона СС, танкового батальона, артиллерийского дивизиона, при содействии 35—47 самолетов) перешел в наступление на оборону бригады В. Талаквадзе. Немцы наступали с трех направлений: 1) Прозороки — Горячие Пески, Прозороки — Осиновка — Заулок; 2) Зябки — Дречино — Обронь—Слобода—Слободка; 3) Плисса—Пшедоли—Пшевуз — Колечполе—Кобылянка²¹. Начались кровопролитные бои, длившиеся до 8 мая, которые дорого обошлись противнику. С 10 апреля по 8 мая 1944 года, по материалам бригады, противнику нанесен серьезный ущерб: убито немецких солдат и офицеров — 1.444, ранено — 1.372, взято в плен — 11; уничтожено танков — 11, автомашин — 24, 45 мм орудий — 3, пулеметов — 3; подорвано на минах повозок—21; уничтожен склад боеприпасов — 1²².

Вечером 4 мая 1944 года бригада В. Талаквадзе начала контрнаступление, прорвала оборону противника в районе дер. Поперено и Новое, после разгрома нескольких гарнизонов и обозов противника на рассвете 5 мая 1944 года вышла из окружения в районе деревни Череповщина²³.

С 12 мая по 17 июня бригада В. Талаквадзе находилась в лесах Докшицкого района Вилейской области²⁴.

С 22—24 июня 1944 года Красная Армия в составе четырех фронтов (I-й Прибалтийский, 1-й, 2-й и 3-й Белорусские) перешла в наступление и начала операцию «Багратион» с целью освобождения Белоруссии.

С переходом советских войск в наступление активизировались действия партизан. 27 июня 1944 года бригада В. Та-

¹⁹ Там же, лл. 138—143, 147—149, 152—155, 144—145, 149—150, №55.

²⁰ Там же, л. 206.

²¹ Там же.

²² Там же, лл. 209—210.

²³ Там же, лл. 208—209.

²⁴ Там же, л. 209.

лаквадзе с боем перешла Воропаево — Поставы (Душниковский и Поставский районы Вилейской области), где разгромила засаду противника в количестве 50 человек, и 29 июля вышла в Миорский район к местечку Погост-Новый (Вилейская область)²⁵.

6-я гвардейская армия 1-го Прибалтийского фронта, форсировав Западную Двину, продолжала наступление на Ушачи (Витебская область)²⁶. 1 июля 1944 года Красная Армия заняла местечки Лужки и Германовичи (Миорский район Вилейской области), в 35—40 километрах от местонахождения бригады В. Талаквадзе. Бригада (в составе 6 отрядов — 660 человек) заняла оборону на рубеже: м. Погост-Новый, правым флангом, и озером Вожа, левым флангом, фронтом на восток и перерезала пути отхода противника на запад. Противник был вынужден отходить на север к местечкам Пилородзе и Миоры (Вилейской области)²⁷. Для установления связи с частями Красной Армии была послана разведка, которая связалась с двумя полками 6-й Гвардейской армии, а 3 июля два отряда бригады В. Талаквадзе — «Грозный» и «За победу» совместно с частями 6-й Гвардейской армии разгромили гарнизон немцев в Воропаноцизне (Вилейская область, 5 км. от м. Шказынь)²⁸.

Доблестный сын грузинского народа Владимир Мануилович Талаквадзе за проявленное мужество в борьбе с питлеровскими захватчиками награжден: орденами «Красного Знамени» и «Красной Звезды», медалью «Партизану Отечественной войны» I степени и другими правительственными наградами²⁹.

²⁵ Там же, л. 210.

²⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945, т. 4, М., 1962, с. 169.

²⁷ ПА ИИП при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500, оп. 4, д. 26, л. 210.

²⁸ Там же, л. 210.

²⁹ Грузинские дивизии в Великой Отечественной войне советского народа, Тбилиси, 1965, с. 272 (на груз. яз.).

Гастон БУАЧИДЗЕ

ПИРОСМАНИ ИЛИ ПРОГУЛКА ОЛЕНЯ

ФРАГМЕНТЫ
ИЗ КНИГИ

ПИКАССО РИСУЕТ ПИРОСМАНИ

Удивительна посмертная судьба Пиросмани: величайший художник современности незадолго до смерти обратился к образу художника из Грузии. В определенной степени характерно это и для истории новейшей европейской живописи: вновь встретились глубина наивного взгляда на мир и сложная необходимость расчленения форм действительности.

Графический портрет Пиросмани исполнен Пикассо в конце 1972 года, за несколько месяцев до смерти. Оставаясь наедине с самим собою, он избегал заказов. Вряд ли Пикассо согласился бы на что-то случайное, несущественное. Творчество Пиросмани, несомненно, оказалось для него близким, и он размышлял о нем. Ко времени смерти Пиросмани к молодому Пикассо уже пришла широкая международная известность. Возможно, глядя на картины «незнакомца из Грузии», Пикассо вспомнил тот беззаботный день, когда вместе с Гийомом Аполлинером и другими друзьями они «окрестили» для широкой публики таможенника Руссо, а тот великодушно согласился разделить с ним, Пикассо, владения новой живописи.

Для Ильи Зданевича, известного друзьям и почитателям «заумной поэзии» под псевдонимом «Илиазд», издание книги, снабженной, по его просьбе, рисунком Пикассо и вышедшей тиражом всего в 70 экземпляров, оказалось тоже одним из последних актов его творческой жизни. Без малого шесть десятилетий прошло для Ильи Зданевича с того дня, когда он позировал Пиросмани для своего портрета, и знакомство с художником помогло ему тогда узнать, что такое жизнь.

Илиазд не остался в долгу перед Пиросмани: портретом работы Пикассо он откликнулся на свой портрет работы Пиросмани.

Гений Пикассо, охвативший в бесчисленных ³⁴¹⁹³⁵³⁴⁰ ракурсах и освещениях переменчивый и многоликий мир XX века, с не меньшей силой и потребностью в ясности направлял на себя интроспективный взгляд. Его не в последнюю очередь интересовал в себе художник, творец, созидатель. И поскольку мир человеческого существа и духа так же безграничен, как и внешний мир, в котором мы живем, интерес к нему не слабел с годами: все новые и новые дали и свойства обнаруживал в себе Пикассо. В себе — для людей.

Но не только в себе. Творческая личность всегда влекла к себе интерес художника и сердце человека Пикассо. Аполлинер и Элюар, прежде чем стать предметами изображения, были друзьями Пикассо. Поэтому и всматривался он в их облик с дружеской приязнью, которая, как ничто другое, помогает строить и созидать.

Как в дружеский облик творца всматривается Пикассо, у последней черты своей жизни, в Пиросмани. Тот самый Пикассо, которому принадлежат замечательные слова: «Нужно очень много времени, чтобы, наконец, стать молодым». Быть молодым, это значит уметь удивляться и читать новые лица.

Пикассо не знал Пиросмани. Не слышал его голоса, не встречался своим всепронизывающим взглядом с мягкими и неистовыми глазами Никалы. Но знали ли Пиросмани духанщины, встречные и завсегдатаи, которым все внешнее в нем было знакомо?

Годы, расстояние, обычаи незнакомой страны отдаляли Пикассо от Пиросмани. Но на восьмидесяти пяти его созданиях душа Пиросмани гостила у Пикассо в Париже. И этого было достаточно для того, чтобы Пикассо встретился с Пиросмани шире и глубже многих, лично знавших его.

Тепло кутежей и выпечки хлеба обволокло выполненный с ухой и глой портрет. Пожалуй, кроме определения иглы, ничего сухого в рисунок не вкралось.

Пиросмани интересуется Пикассо в момент творчества, т. е. когда он — полнее всего личность, когда он — со всеми и с ним, с Пикассо. Пиросмани стоит перед своим мольбертом. Может быть, точнее было бы сказать — движется, ступает, подступает к мольберту, надвигается на него? Именно в позе бойца жизни запечатлен Пиросмани. В полной мобилизации своих сил и возможностей.

Как и на картинах Пиросмани, нет ничего лишнего в этом портрете: только художник и мольберт.

Внимание распределено между ними неравномерно: мольберт и тренога только намечены.

Иное дело фигура художника: она густо исполосована паутиной линий. Композиция рисунка так же обобщена и выборочна, как композиции лучших вещей Пиросмани. А кроме того, как и у Пиросмани, у Пикассо в центре — человек.

До конца дней Пикассо не забывал эксперименты своей молодости, кубистическое членение людей и предметов, их си-

1935340
1910333

мультанное, одновременное представление. Так и здесь: Пиромсманн смотрит одновременно на нас и в сторону, на мольберт. Оба взгляда — на зрителя и в сторону будущего творения — интенсивны и емки. Из угла их скрещения расходятся по рисунку пучки или лучи энергии.

Пересекая друг друга, линии эти покрывают тело и дугообразно концентрируются вокруг лица и головы портретируемого. Здесь образуется своеобразное магнетическое поле, внутри которого сосредоточиваются в противоборстве и в противоречивом единстве токи жизни. Здесь принимаются ответственные решения, которые в совокупности своей и определяют образ будущего создания.

Ломаные дуги вокруг головы и вертикальные линии над ней, будто намечающие низ тульи, создают форму, напоминающую шляпу: одну из тех широкополых шляп, которые носят крестьянские мальчики и девочки с шарами, рыбаки и доктор на осле, или — шляпу европейского покроя, как у человека с рыбой, кутащего вместе с компанией Бего. Творец и творение всегда соотносятся тысячью нитей. Между густой сеткой волос и колючей бородой заключены глубоко посаженные, сверлящие мир глаза и крупный, волевой нос.

А еще линии скрещивают свои копыта и надламываются, как росчерки молний, на груди, где-то в области старого и юного как мир сердца.

Там и здесь — где-то вблизи глаз и у сердца — происходит отсев информации и принятие решения.

Но в приеме поступающих сведений участвует все тело. Отдельные участки его мгновенно вспыхивают от полученных впечатлений и отбрасывают пучки искр, как охваченные пламенем палочки бенгальского огня. Такие пучки отходят от шеи (словно разложенный на составные нити и охваченный резким порывом ветра шарф), от лаптя-каламани.

Снопки линий, направленные за рамки рисунка, накрепко увязывают художника с действительностью. Связь с землей особенно важна перед решающим рывком, перед возникновением картины в ее единственности и неповторимости, в каком-то одном — запечатлевающим удачу или промах — сочетании, к которому по необходимости сведутся те сотни картин, что рождаются в сознании художника.

Вместе с линиями — жесткими, прямыми, торопливыми, наэлектризованными — в создании облика участвуют точки: более или менее отчетливые. Две основные, две царственные точки рисунка — глаза.

Но, кроме них, есть целый сонм других точек — у истока снопов линий или у завершения иной из них — точки самостоятельные, автономные. А то и — чреватые будущими снопами линий и взрывами. И так — до бесконечности.

Снопом же торчат из палитры кисти. Все три нацелены на треногу с мольбертом и готовы по первому сигналу взяться за дело.

Кисти виднеются из-под локтя художника. Как отражение в зеркале, неожиданно вырастает сходный сноп линий над согнутой в локте рукой. Еще более неожиданно то, что с одной

из этих линий — направленной вверх по вертикали — смещается (горизонтально) кончик древка рисующей кисти. Кисть черпает у восходящих линий их энергию и — переносит ее на пространство будущей картины. Решающая передача происходит под прямым углом: Пикассо настаивает на драматичности, резкости, непредрешенности заключительного акта. К нему волевым усилием склоняет свою кисть художник.

Рука — спокойная, на вид даже безмятежная — контролирует положение. Но и рука разложена на ее составляющие: большой и указательный пальцы сошлись, чтобы держать древко кисти, средний палец — как и сама кисть — упирается в клеенку. Указательный и средний пальцы, как ножки циркуля, упираются в картину и в древко кисти. Пикассо обращает наше внимание на ювелирную точность творческого акта. К ней ведет кажущийся хаос ломаных линий.

Треугольник среднего пальца заканчивается темным шариком точки. На этой точке обрывается левый край натянутой на подрамник клеенки. Не доведена до конца и нижняя ее линия, так в воздухе повисает обрывочно представленный прямоугольник будущей картины. Пикассо — не до геометрических забав детства. Но кончик пальца, как шарик алмаза, будто вырезает из стекла пространство созидания. Техника, в которой работал Пикассо, неизбежно становилась и средством, составной частью его сообщения.

По диагонали рисунка с белым пространством картины перекликается малый прямоугольник палитры. Тримя перечеркнутыми знаками — наподобие типографского знака сноски — обозначены на палитре места, где из тюбиков выдавлены краски.

Как и застолья Пиросмани, картина еще непочата. Момент творчества представлен начальный, богатый грядущим содержанием. Границы создаваемого произведения безбрежны: это — и одна картина Пиросмани, и все его творчество в целом.

Обутый в каламани, напоминающие бумажные кораблики, Пиросмани ступает по грузинской земле.

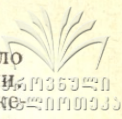
О тайне тайн, о том, как создавал художник свои картины мы никогда не будем знать достаточно. Поэтому всем нескананно повезло от того, что, вслед за рассказами посторонних очевидцев, перед нами отныне — рассказ издалика пришедшего свидетеля.

ПРОГУЛКА ОЛЕНЯ

Одна из его картин представляет оленя — почитаемое в народе животное, — который вырос перед кустами роз... В ней — сама душа бродячего художника.

Арман Лану.

Желтым пухом взбился между Оленем и стволами деревьев жустарник с розами, а вдали ледяные шапки гор тают в голубом небе.

В Олене словно слились качества дерева и животного. Тело его и ноги будто одеревенели, распрямились стволом и ветвями, покрылись корой. А настоящая древесная кора, ревниво отмеже- вываясь, стала иссиня-желтой и хлынула коричневым отливом.

Кажется, совсем недавно оборвалась пуповинная связь олененка со срезом пня. Жалким обрубок остался сучок на пне, но вольно растут оленьи рожки. Расплавленное солнечное золото пролилось со среза пня на его ствол и, словно следующая волна прилива, белизна легла на срез тела олененка и на его брюшко. Белизна еще многократно касается оленя, огибая спину, обрубок хвоста (миниатюрный молоденький пень!), ноги. Остальную часть обрамляющего пробела белила уступают черному или темно-коричневому.

Солнце греет остаток ствола — начало материнское, да- рующее тепло и нуждающееся в нем. Олень замер возле спл- ненного дерева, как дитя перед матерью своей.

Свое второе дыхание олень получает, пройдя через одере- венелость, стряхнув ее. Он связан с лесами, как цветок со стеблем. Горячие биотоки оленя не отторгают, как несовмести- мое, прохладу растительной влаги и равно впитывают — через землю и воздух — соки деревьев, цветов, кустарников и неж- ность той золотистой травы, по глубокому и мягкому, волни- сто стелющемуся ковру которой ступает олень, погружая в не- го свои копытца, будто вросшие в землю.

Большие нежные листья стелются по земле. Смешно вздернутые рога олененка подражают изгибу ветвей. Олень принюхивается к пьянящему разнообразию разлитых вокруг запахов. На его морде за черным сплюсненным кругом сле- дует полоса белая, естественный фильтр, просеивающий одни лишь запахи прекрасные.

Глаза оленя с большими белыми разводами широко рас- крыты. Две ниспадающие белые дуги дополнительно выделяют их. К малейшему шороху олень прислушивается своими велико- лепными ушами, вытянувшимися вверх и в стороны, словно листья невиданного растения. Черная полоска обрамляет неж- ные ракушки ушей. При этом черный контур играет двойную роль, контрастно отделяя белизну и предохраняя ее. Черное служит оправой красоте.

От оленьей морды поднимается фонтан жизнеулавливаю- щих струй. У истока находятся две, дугой расходящиеся бе- лые полоски над широко открытыми глазами оленя. Непороч- ная белизна поит это движение, дарует ему силу. Над двойной белой дугой расходятся юные рога олененка. Расходящиеся уши оленя вторят белой двойной дуге и проецируют ее в про- странство.

Рогатке ушей и рогов в обратном направлении соответ- ствуют рогатки погружившихся в траву оленьих ног. Причем по- выше копыт травяной покров вздувается коричневыми буторка- ми, будто материализующими наслаждение, получаемое землей от соприкосновения с оленьими ножками.

В одновременном погружении в землю и в стремлении к безмятежности небес — высшая гармония оленя. Олень выби- рает восхождение.

Ему сопутствует природа. Два ствола дерева расходятся за оленем. Где-то вверху они соединятся, но и на зримом пробеге мягкой ласкающей накидкой объединяет их рой листьев.

Земля и все, связанное с нею, — трава, кустарник, шиповник, — щипая по земле листья, ствол дерева и светлый пеня — согревы животворным теплом и залиты светом солнца. Солнечный свет — цвета спелой осени: тепло-желтый с примесью коричневого и зеленого, он поглаживает, ласково подминает траву, густую кошку кустарника и та, словно созревшие гроздья винограда или колосья поспевшей ржи, клонится к земле.

Кустарник пчелиным жужжащим роем окружила листья, листья роя разноцветны: есть зеленые, есть откровенно желтые, есть и коричневые. Независимо расселись на зеленом бледные вспышки роз.

Ускоренное движение кустарника разливается более плавным потоком на оголенной поверхности дерева и пня, которые уже пережили свою молодость и в неподвижной, сосредоточенной старости продолжают радоваться новой поросли, но — спокойно и созерцательно.

Вся эта живая круговерть по контрасту читается на голубом с белыми разводами небе.

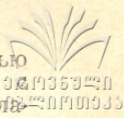
Небо нюансировано Пиросмани более обычного, моделирована светотень деревьев, тела Оленя и кустарника. По всему видно, что Прогулка Оленя возникла в счастливую минуту совладения, подчинения форм, техники и смелого, неудержимого полета вдохновения. Отпечаток таких минут с их редчайшей дозировкой жизни царственно господствует над грядой созданий, как парение орла над вершинами гор.

Осколки белизны местами растворились, местами раскислись в голубом небе, порождая льдины скал и клубы облаков. Голубое небо своей прозрачной чистотой дополняет брожение жизни и создает высшую гармонию тепла и прохлады. Громеда неба сгустилась, определилась, овеществилась, стремясь стать земным, осязаемым, к чему можно будет прикоснуться рукой и ощутить свежесть росы и особый запах, запах застывшей голубизны простора, такой же сущий, как земля, трава, кустарник, розы, тело оленя, его рога или настороженные уши.

Запечатлей художник Оленя в минуту травы, когда страх преобладает над удивлением, произведение заключило бы в себе элемент отталкивающий, низменный и разрушающий. Но вышедший на прогулку Олень спокоен. Он может не заботиться о пропитании насущном и на минуту забыть о преследователях. Олень умиротворен, распрямился.

Каждой клеткой своего тела Олень утверждает восприятие, свободное от сомнений, приятие сущности мира. Над инстинктом сохранения жизни преобладает в Олене слияние с ним, а удивление, на сей раз, переносится на его красоты и богатство. Потому, что когда отступает настойчивый топот копыт, лай собак или рев хищника, Оленю удается прислушаться к основному звуку природы, к звуку тишины.

Не случайно глаз художника запечатлел Прогулку Олененка-младенца, не случайно пригрет он матерью-природой и солнцем. По образу тихого солнечного утра не омрачено вос-

приятие оленем жизни. Олень-дитя с его напоенной свежестью и белизной сущностью, с его клейкими растущими рогами, с его наостренными ушами и широко-широко раскрытыми глазами — извечно юный взгляд художника на мир.

Отныне Олень в чистоте и беспредельной свободе своей, в слиянии с силами природы начинает прогулку по картинам Пиросмани и отмечает непредвзятостью своего видения грядущие первооткрытия грузинской кисти.

ЛЕСНОЕ ПЛЕМЯ

Вслед за Оленем на опушке, вереница других оленей, ланей и косуль либо проходит поодаль, либо подступает к переднему краю картин Пиросмани.

Встречаем мы их в пустынной местности, в лесу и у водопоя.

Одинокие олени, ступающие по открытой небу земле, как и Олень на опушке, омываются голубым простором. Для постижения величия мира им, может быть, недостает горной выси и пьянящего запаха роз.

Между небом и землей, в молочной завесе ступает молодой олень. Небо — серое с голубым, а на черной земле — зеленые отеки. Шерсть оленя кажется влажной и причесанной от хребта к брюху. Легким кружевом развешаны блики по боку животного. Это олень вышел на свой млечный путь.

Сгустилось небо над разветвленными рогами другого оленя, просохла и отвердела земля под его копытами. Темно-коричневое тело оделось в черную броню. Олень собрался с силами и, если нужно будет, готов обломать несколько отростков своих рогов о грудь обидчика.

Пятнистая косуля деловитым шагом устремляется к какой-то намеченной цели. Камни и булыжник непокорно отделяются от кромки горизонта, как коричневая и желтая чешуя — от тела косули. Светлыми островками проросла трава в черноземе. Синее покрывало неба наброшено на косулю, чтобы остудить ее пыл.

После встреч с небом лани возвращаются в лес.

Сначала листву и деревья не различить: после открытого простора глазу нужно привыкнуть к опустившейся бархатной завесе.

Под лесную сень олени входят, замедлив шаг, настороженно. Светящимися телами погружаются они во мрак.

Стоит помедлить и осмотреться и лесные узоры становятся явью.

Косуля, как и изображение детей, немного грузна и грустна для своей поры, но — любознательна. Отдельные ветви, расходящиеся стебли растений золотит солнечный луч.

Косуля вошла в пространство между двумя пнями; высокий, глухой и замшелый остался за нею и на весу поддерживает оттопыренный хвост; малый пен, залитый солнцем, обдулся перед ее мордой, как оттаявшая свеча. Точными шагами косуля ступает грациозно, ритмично, под звук тихой, едва различимой музыки; это позванивают, накладываясь друг на друга, тарелки — желтая, белая, мшистая.

Перед густыми зарослями лань остановилась. Черные, словно свежешелюкрашенные копыта щекочет прочесываемая ветром трава. Лань опустила уши и подушечкой морды потянулась к листьям на дереве. Она не хочет ничего слышать, а только — ощущать на губе сладкую горечь листа. Свежий сок пробегает по жилам и копыта становятся клейкими, как листва.

Лань — один из немногих персонажей Пиросмани, приступающих к трапезе.

Акварельно прозрачны тона на теле оленихи, сияющем, как ломоть дыни в луче колнца.

Олениха оказалась в заботливых тисках своего семейства: голова олененка застыла на уровне ее сосков, а на спине своей она чувствует дыхание оленя.

Согласованно протираются серебристо-зеленая вода, стелющийся по земле лопух, тающая в полумраке листва.

В наступившем затишье олениха пьет. К ее груди приложил ухо олененок. Белым всплеском расписался на воде художник.

Последним к источнику подбежал олень: испарина увлажнила шерсть на его шее, морду свою он приблизил к изгибу спины оленихи, блаженно принохивается к ней и лижет натянутую между лопатками кожу красным язычком.

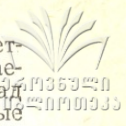
И хотя пьет только олениха, по глотку родимого тепла и светлой истомы отпивают олененок и олень. Едва уловимый плеск воды нашептывает песнь об источнике нежности, о женственной оленихе — матери и подруге.

ЖИРАФ

Как говорится, все познается в сравнении.

Кроме известного Жирафа, производившего неизгладимое впечатление на всех, кто его впервые видел, более того — неотвязно преследовавшего воображение, имеется второй, золотистых тонов. Хочется думать, что он возник раньше своего знаменитого тезки.

Сам по себе золотистый жираф примечателен. Кажется, создавая его, художник шел от уже испробованного им: по колориту экзотичный зверь чем-то напоминает льва. Даже красноватые отблески у обоих на теле. И хотя художник приподнял его и удлинил шею, тело жирафа — приземистое и сбитое — остается на горизонтали. А хвост так же, будто под собственной тяжестью, опускается между ног, как между лап огнедышащего льва.

Однако намерение художника очевидно: оно проявляется в мягкой и темной моделировке тела жирафа, в непередаваемо мирном его выражении и, наконец, в том, что к жирафу, над бледно-зелеными росчерками травинки, летят три золотистые птицы. Так слетаются птицы к ортачальским красоткам, к Маргарите — к человеческим существам. Золотистый жираф, единственное изображение животного у Пиросмани, которое почтили своим присутствием птицы.

Нечто человеческое ищет художник уже в золотистом жирафе, но с поразительной силой воплощает в другом, в единственном Жи́рафе.

Захваченный творением, художник отказывается от всех побочных аксессуаров. Отвести взгляд от Жи́рафа, помимо всего прочего, нельзя и по той простой причине, что, кроме него, ничего не изображено, не считая земли и интенсивной синевы неба. Разумеется, «между небом и землей» запечатлена и вереница других зверей Пиросмани. Но для Жи́рафа художник делает немислимое: он отказывается от цвета в его обычном понимании и сохраняет лишь черное и белое. Художник словно отрекается от дарованных ему природой красок. Но — для того, чтобы открыть искусству смысл высший, доселе в таком виде не существовавший.

Жи́раф не оставляет обходных путей для восприятия. Он властно выходит к нам навстречу. Он — во всеоружии, потому что — безоружен.

Жи́раф рождается из одной волнистой линии, по диагонали из угла в угол пересекающей картину. В ней уже читается вся натура Жи́рафа: полная грации собранность, трепетная натянутость лука. Нет, кажется, ни одной клетки тела Жи́рафа, которая уклонялась бы от своего права и обязанности — жить — ни одной клетки, которая, лениво дремля, упустила бы драгоценные и невозвратимые мгновения бытия.

Свою завершенность волнистая линия получает в изгибе хвоста, стягивающего напряжение в белом каскаде пушистых волосков.

Рядом с этим Жи́рафом, жираф золотистый кажется плюшевой игрушкой с волочащимся по земле набивным хвостом. Хвост Жи́рафа оттянут, как в изящном балете. Кажется, с первыми тактами он стягивает невольную застылость и перед нами развернется немислимый каскад движений Жи́рафа, ни с чем несоотносимый, но диковинно прекрасный.

И хотя ему хочется двигаться, ощущать свое упругое, навстречу небу тянущееся тело, Жи́раф остановился, чем-то завороченный.

Жи́раф далек от повседневного окружающего художника мира, но — удивительно близок его миру внутреннему. Присмотритесь к пятнистому телу животного: разве нет в нем чего-то общего с белыми в черную крапинку стенами домиков кахетинской деревни? Может быть, на тех стенах и вовсе не было крапинок, но такими носил их в своем воображении Пиросмани.

Но, конечно же, выразительнее всего лик Жи́рафа. Если ничто не отвлекает от восприятия Жи́рафа, то и все его тело,

в свою очередь, «готовит», «поясняет» выражение его взгляда. Пиросмани преследует одна настоятельная необходимость: направленный на мир пылкий взгляд он очень часто возвращает себе и нам — в вопрошающих взглядах изображенных людей и зверей. Как и всякое подлинное искусство, искусство Пиросмани — не столько ответ, сколько — вопрос.

Сила и интенсивность этого вопроса меняются от картины к картине и, вместе с этим, колеблется сила воздействия на нас самих произведений. Вопросителен взгляд многих зверей и людей у Пиросмани. Есть в этих взглядах «вопросы дня», «вопросы минуты», но есть и вопросы «извечные». Заключенные в маленькие белые серпы глаза Жирафа словно вобрали в себя многие вопросы. Вытекающая из глазного яблока белая черточка сообщает особую протяженность взгляду животного. У Жирафа — не «взгляд сверху», но — взгляд высокий.

Неисповедимы пути творчества и не узнать нам, в каком волнении, в какой наитии родился Жираф под кистью Пиросмани. Этот вопрос Жираф присоединит к сонму своих других вопросов, венчая волнистое движение вывсь.

МЕДВЕДИ И ЛЮДИ

Медведей у Пиросмани много, они ему явно по душе.

По-разному складываются взаимоотношения человека с медведем. Иногда зверя приручают и водят на цепи, иногда пускают в него пулю или дробь. Но прежде всего, конечно, вольные медведи ходят по лесу.

Лунная ночь высветляет выход Белой медведицы с медвежатами и сообщает ему особое, несколько мистическое звучание и подтекст.

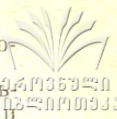
Медведица со своими двумя медвежатами вышла на лесную поляну. Поляна — разновидность пиросманиевского подиума. Им могут служить гумно, открытый простор, скатерть.

Выбравшись на залитую лунным светом поляну и топчась на месте, звери кружатся в медленном и беззвучном вальсе.

Первый толчок вращательному движению сообщает сама медведица. Один медвежонок, более робкий, жмет к матери. В безопасности он себя чувствует лишь под ее брюхом, защищенный двумя живыми колоннами огромных лап медведицы и оберегаемый ее телом от коварных неожиданностей леса.

Второй медвежонок, более отчаянный и независимый, да к тому же строптивый или, может быть, попросту влекомый ведомым, отошел от матери и ступает в другом направлении. Поступок смельчака способствует круговращению сцены, поскольку за его неожиданным движением инстинктивно потянулись медведица с первым медвежонком.

Движение медведицы — очень естественное и хорошо уловленное — словно подсмотрено. Медведица в волнообразном движении наклоняет к земле свою грузную шею, вращая в

воздухе длинной головою, подымает, снова опускает ее, прино- хивается к чему-то на земле и так продвигается по ней.

Поверхность земли — покатая. Медвежье семейство толь- ко что мягкой походкой взобралось на нее. Лапы медведицы и медвежат закруглены: они держатся за земной шар.

Закругленно заштрихованы и медвежьи тела. Кисть худож- ника с удовольствием изображает мягкие, пушистые, щедрые и бесшумные поверхности медвежьих шкур. Шерсть на медвежа- тах еще не подросла. По медвежьему понятию они, пожалуй, немного оголены. В чем мать родила разгуливают медвежата и стесняются своих розовых отблесков. Густая шерсть на мед- ведице зачесана ветрами и уложена дождями.

Озорным огнем горят глаза медведицы при встрече с по- рожденными ею двумя юными жизнями. К настороженности подмешиваются лукавство и ликование. Свежая полоса ее рас- крытой пасти время от времени погружается в лесные кладези чистой красноты.

Блики на телах — особенно на теле медведицы — созда- ют великолепную живописную гамму на белой основе. Красно- сиреневые блики играют на шерсти медведицы. Тени, мягко падающие от трех звериных тел, прилегают к земле, приме- риваются к ней и соизмеряются с нею.

Подле медвежьего семейства — «семейство» раститель- ное: над телом медведицы свисают четыре тьквы, которые словно поднялись в воздух, а пятая лежит у задней лапы мед- ведицы. Бело-зеленоватые пятна тькв обесцвечены серебри- щим прохождением лунного луча.

Как созвездие повисли над Медведицей эти бледные Пло- ды земли.

Расположение тькв подчиняется логике живого декора: все остальное отстывает и ступеньвается. Правда, не в та- кой степени, в какой исчезнут и растворятся виноградные лозы в присутствии марами. Но все равно, широкие зеленые листья ульывают куда-то, существуют независимо от плодов. И лишь самый передний, крупный плод еще придерживает за собою лист. А остальные, распластав свои зеленые крылья, бесшум- ным полетом летучих мышей плывут в темном пространстве.

Снег полукругом отдалается от нас, отгоняя темноту не- закрасешной клеенки с безлюдной зимней тайгой, а где-то ря- дом, должно быть, скована льдом Тунгусская река Ем ут. Тишину и покой нарушил на всем скаку ворвавшийся на поляну человек, верхом на олене. На животном непривычное седло и кожаная уздца. Охотник пришпорил оленя и поднял его. Зад- ние ноги животного погрузились в снег, и от них легли две скорбные полосы тени. Постепенно удаляясь от оленьих ног, тень теряет свою черноту и, смешиваясь со снегом, становится синеватой, фиолетовой. Белизна болезненно ложится на перед- ние, подогнувшиеся ноги оленя, будто холод снега именно здесь сковывает животное и болью отдается в его суставах.

Широкая белая полоса на груди оленя говорит о его не- причастности к убийству. Глаз оленя сосредоточивает в себе все

то, что он ощущает в момент выстрела. Олень не в силах отвести взгляд от медведя, которого убивают.

Все наоборот: человекны олень и белый медведь, а зверем выглядит единственный здесь представитель рода человеческого. Медвежья шуба слилась с охотником в одно целое, покрыв его с головы до пят. Лицо проглядывает, как из бойницы. Впрочем, лица человеческого на нем не осталось: губ не видно, брови беспорядочно приподнялись, нос намечен небрежно... Открытый глаз с бессмысленной жестокостью смотрит на белого медведя, видя в нем лишь мишень.

Вырывающийся из ружейного дула огонь — единственная резкая колористическая нота, не считая отсветов огня на теле белого оленя и на снегу.

Белый медведь не ревет от боли. Он безгранично удивлен. Медведь выпрямился во весь рост и двумя лапами держится за ствол дерева. Нижней он упирается в дерево, а верхней обхватил его: спина ссутулилась, пасть приоткрыта, короткие белые уши раздвинуты и немного смазались на фоне белка черный зрачок. Не случайно зверя убивают не тогда, когда он передвигается на четырех лапах, а именно в то мгновение, когда он выпрямился и, стоя лицом к стреляющему, как солдат в бою, принимает смерть.

Момент убийства запечатлен с предельной четкостью. Огонь ружейного выстрела и кровоточащая рана медведя представлены одновременно. Точно обозначена точка попадания пули — средоточие боли физической, на которую медведь, как будто, не реагирует, сраженный больше болью негодования.

Кровавым цветком расцвела рана на белом теле медведя. Из раны извилистым ручейком стекает кровь. На снегу обозначилась лужица крови. Всюду кровь обведена черной полоской. Это — чернота смерти и небытия.

Лес с ниспадающими ветвями хвойных деревьев, покрытых снегом, приспустил свои иглы. А одно дерево, прямо перед грудью оленя, возникает из холодной снежной пороши, в клубке дыма от выстрела. Ветви содрогнулись от выстрела и вновь ощутили позабытый холод покрывающего их снега.

Сраженный медведь, повалившись, сольется с белым, как он сам, снегом.

Останутся — недоумевающий охотник-зверь и скорбящий олень.

ЧУДЕСНЫЙ УЛОВ РЫБЫ

Рыба участвует в цепи действ. Одни из них происходят в воде, другие — в разлуке с водной стихией. Мы видим то сцены рыбалки, то — причастность рыб к ритуалам застолий.

Рыбак, столь часто репродуцируемый и рассылаемый в разные концы мира, есть, может быть, порождение каприза, вспышки настроения. Трудно сказать, возник ли он в минуту радостного подъема или от желания преодолеть инерцию быта и противопоставить ей яркое видение.

1935320
3032010333

Видишь сначала большое красное пятно рубахи на черном. Рубаха дразнит глаз и ошеломляет.

Как свободно разворачивается темнота ниспадающей клеенки, так же свободно падает морковная краснота рубахи. Навстречу черной развевающейся хоругви художник выбрасывает свое красное полотнище. В этом поединке не на жизнь, а на смерть сталкиваются противоположные начала.

Столкновение — наряду со встречей — является самой сокровенной сущностью живописи Пиросмани.

Столкновение, на первый взгляд, исключает растворение. Но какой бы цвет ни залил полностью клеенку — будь то черный или морковный — это было бы одинаково унылым торжеством пустоты, поскольку любой цвет воспринимается лишь в соседстве с другими.

Тело рыбака погружено во мрак. Но это — не прирученный и привычный, подручный мрак, опускающийся на землю на исходе дня, а — мрак бездонный, неизмеримый. В него погружено тело рыбака, и оно красной рубахой сопротивляется растворению во мраке.

Неожиданно защищает от темноты и соломенная шляпа. Может быть, увлеченный рыбалкой рыбак и не заметил, как стемнело, и так и остался в своей соломенной шляпе? Или надел ее еще до рассвета?

Так или иначе, исход получился удачный: рыба клюнула, рыбак ее держит в руке и собирается опустить в зеленое ведро.

Может быть, рыба увидена пристрастным взглядом рыбака? Ведь именно такую — огромную и великолепную — рыбу мечтает выловить каждый рыбак! Но, скорее всего, рыбаку просто повезло, так как для того, что привлекает его внимание, у Пиросмани — поистине г л а з а р ы б а к а; именно таким щедрым взглядом увидены огромные бурдюки и кевври, а здесь — рыба.

Одна — внушительных размеров — рыба представляет весь улов.

Рыбак мешкает, не зная, как же ему опустить огромную рыбу в несоразмерно маленькое ведро (точно так же и бурдюк не умещался в винный погреб). Природа не укладывается в прокрустово ложе человеческих измерений.

Рыбак доволен и польщен. Значит, недаром он поднялся затемно, стараясь не будить домочадцев, и торжественно, в одиночестве явился сюда, в уединенный уголок природы — для чего же, как не для встречи с Чудесной Рыбой?

Рука рыбака вроде бы даже и не держит рыбу, а только, сомкнув пальцы, приложилась к ее жабрам. А рыба, вынырнув из воды, прилипла к пальцам и так и застыла. Коричнево-серая, с белыми полосами, рыба встречается с рыже-морковным рукавом и рукой рыбака. Засучив брюки по икры, ступил рыбак в воду. Ступнями он ощущает илистое дно, его привычную свежесть. Прохладная вода своими разводами касается ног. Белые полосы потянулись вверх по засученным брюкам, коснулись зеленого ведра, каждый раз меняя цвет, принаравливаясь к основе и говоря с нею на ее языке: с синим — синевой, с зеленым — зеленью, а с зарослями прибрежного камыша — зе-

лено-желтым оттенком. Так же поведут себя на других картинах птицы, прозвывая винограда...

Неожиданно соломенная шляпа предстает, как ^{солнце} в ^{во} мраке.

Удивление рыбака собственной удаче сродни удивлению вышедшего на прогулку Оленя.

Рыбак приобщает нас к миру водорослей, тины и прохлады, куда солнечный луч проникает многократно преломленный и ослабленный.

Рыба — порождение этого потока и этого черно-солнечно-го мира. Трепыхаясь в руке человека, рыба с дрожью рассказывает ему о себе. И рыбак, замороженный, слушает ее. Это нам только показалось, будто он медлит потому, что сокрушается из-за несообразности рыбы и ведра.

И от того, что он узнает, пылает существо Рыбака, как горит на нем морковная рубаха.

СВАДЬБА

Рассказывая о приеме, устроенном собрату в мае 1916 года Обществом грузинских художников, Дмитрий Шеварднадзе, в частности, вспоминает: «При расставании мы вручили ему десять рублей в виде вспомоществования. По нему было видно, что он жил очень стесненно. Деньги он у нас взял и сказал: «На это я куплю красок, нарисую картину и преподнесу ее вам». В самом деле, спустя некоторое время Нико Пиромсани принес нам картину под заголовком: «Свадьба в Кахетии».

Авторская надпись к картине, правда, наводит на несколько иное толкование ее содержания.

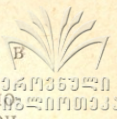
При восприятии живописи Пиромсани следует помнить о том, что родился он в деревне, а жил в городе. Крестьянин или горожанин? Скорее, человек от земли, трудно обживавший город. Еще одно обстоятельство: поселившись в Тифлисе, Пиромсани практически надолго в деревню не возвращался. Однако будучи несколько сторонним человеком в деревне, он и в городе остался таким же. Как ни парадоксально, эта чужеродность его в обоих случаях оказалась решающей в творческой реализации натуры, поскольку этот взгляд извне вовсе не исключал полноты и интенсивности человеческого отношения к людям.

Свадьба в Грузии былых времен — одновременно произведение настроения и жанровая сцена.

На фоне вечернего пейзажа сближаются две группы людей. Холмы нахлынули, как гигантские волны, и застыли на гребне, по-разному освещенные. Отбрасываемая ими тень то коричневатозеленая, то сливового отлива, а склоны позолочены в лучах заходящего солнца.

Справа появилась свадебная процессия. В деревне ее встречают.

Особых колористических контрастов нет. Наоборот, краски мягкие, шелковистые, с разводами, переливающимися, ласкающие глаз и рассеивающие свет в вечернем освещении. Кон-

траст и динамическая напряженность — не в колорите, а в динамике картины, во внутреннем ее содержании.

В группе ожидающих — движения немногочисленны и каллизованы. Свадебный кортеж идет в сторону деревни и приближается к ожидающим.

Кортежу предстоит преодолеть пространство между обеими группами. Центральная часть картины, за исключением стреляющего всадника, выдержана как пауза в немногословной, но содержательной беседе. Именно в «паузе» этой сосредоточен заряд картины.

Любовно выписан клочок земли грузинской, уголок двора кахетинской деревушки. Если отвлечься от остального содержания и сосредоточить внимание на этом уголке, нельзя не заметить переливы цветов, игру цвета и форм. При том, что эта часть земли ничем не украшена: ни единого цветка, ни куста. Кисть Пиросмани находит красоту в непритязательном, именно там, где ее меньше всего ожидаешь встретить. Потому-то неискушенный взгляд зачастую скользит мимо таких «пауз».

Всадник, вырвавшийся вперед от свадебной процессии, разряжает напряженность оголенного пространства, стреляя из ружья. На дереве висит мандили — легкая белая косынка, олицетворяющая чистоту невесты. Ее-то хочет сбить махаробели — вестник радости. Конь еще устремлен вперед, но, ошпоренный всадником, стал на дыбы, красиво прогнув передние ноги. Конь со всадником призывно слились воедино.

Встречающие и прибывающие представлены в определенном контрасте: кортеж — верхом, а ожидающая группа — пешая; в кортеже, за исключением невесты, одни лишь мужчины, а среди ожидающих, за исключением одной мужской фигуры да старика и мальчика — сплошь женщины.

Всадники составляют преимущественно темную массу. Одежда ожидающих женщин представлена в более светлой тональности. Однако есть у обеих групп и нечто общее: их молодость.

Ощущение молодости создают бело-золотистые блики. Водоразделом между обеими молодежными группами служит старость: между ними расположились, в глубине — старушка, и, на переднем плане — старик. Очевидно, родители жениха.

Не случайно женщина смотрит в перспективе за стариком. Они согласованным шагом прожили свою жизнь и, по библейским заветам, составляли единую плоть.

У старика — пышная белая борода и усы. В качестве главы семьи он и выставлен на передний план. На одной линии представленные фигуры стариков, тем не менее, блюдают патриархальную иерархию.

Опираясь на палку, несколько наклонившись вперед, старик пытливо всматривается в лицо невесты, словно желая вычитать на нем судьбу сына.

За спиной матери низ ствола побелел, будто его специально для встречи молодых отскоблили, отчистили даже от естественного цвета. Беловато-розовый, тонкий и опрятный ствол поджидает процессию. Будто и природа играет в нареченную.

Свадебная процессия приближается к своеобразному белому кордону, на который нанизаны сверху вниз церковь, мандили, ствол с дуплом и почтенная борода старца. Следом опережающая жениха невеста как бы первой прорвет незримый кордон, белую ленту семейного бытия.

Шествие молодоженов полно торжественности. Чем торжественнее момент, тем замедленнее шаг.

По воле народного ритуала, жених и невеста на эти несколько часов являются особами царственными — Царем и Царицей. Так их величают в грузинском обрядовом мышлении и, в отличие от карнавальных шуточных короля и королевы, они сейчас всерьез принимают монаршьи почести. На молодых — золотые украшения: крест, небольшая корона и подвески. Крошечные короны придают им особую степенность.

Кажется, будто все прониклось особым, приподнятым настроением и даже лошади чувят, насколько в этот день необычайно серьезны и сдержанны всадники. Люди и лошади значимы благодаря тому, чего не делают и чего не выражают. Вся процессия — выразительная фигура ритуального умолчания. Безмолвие величественно противопоставлено повседневной суете.

Сила его такова, что оно действует на определенном расстоянии вокруг, а пустое пространство между группами является как бы дополнением и продолжением его. Молчаливый клочок земли под ногами молодых — прекрасная находка художника, аккумулирующая общее настроение сцены. К тому же дворик богат и в колористическом отношении.

От белых лошадей жениха и невесты почтительно поотстал кортеж. Всадники менее сдержанны, чем жених и невеста: на их лицах написаны радость, веселье и какое-то свадебное озорство.

На звук выстрела или раньше, услышав топот приближающихся коней и возгласы домочадцев, выбежала собака. При виде торжественного кортежа, значительных лошадиных морд, собака присмирела, замедлила бег, еще продолжая рассеянно влять хвостом.

Между собакой и старцем, расправив руки, вприпрыжку направляется навстречу свадебной процессии мальчик. Он весь — радость и ликование. Обратим внимание: на живописных подмостках персонажи появляются, соблюдая ранг и последовательность.

Поэтому в цепи из трех действующих лиц первым предстает старец, за ним — ребенок, а замыкает эту вереницу собака. Правда, последовательность эта может показаться случайной, потому что в следующее мгновение ребенок опередит старца, да и собака, стряхнув с себя оцепенение, с радостным лаем бросится навстречу процессии. Тогда этикет нарушится и все смешается. Но не этого хочет художник, он стремится запечатлеть стержень ритуала.

Иерархичность простирается и на женскую группу: в первом ряду — женщины зрелые и семейные, а остальные составляют толпу. Оттесненная мужчинами (вне зависимости от возраста — от мальчика до старика — мужчинам отдается пред-

почтение), женская группа упорядочена по возрастному и социальным признакам.

Крестьянин в светлой длинной подпоясанной рубахе из двора сосредоточенно направляется навстречу процессии, деловито замыкая вереницу старика, мальчугана и собаки. Деловитость крестьянина и мудрость старика берут верх над промежуточными состояниями плящущего мальчугана и ошешившего пса.

Эта группа так же отделяется на фоне левой части картины, как лошади невесты и жениха отделяются от кортежа.

Обособляющиеся от левой группы женщины мужчины берут на себя ответственную миссию встречи, оставляя женщинам заботу о создании надлежащей событию атмосферы.

В женской толпе представлены разные поколения. Кинетически группу обобщает женская фигура с зеленовато-фисташковым бубном в руках. Он напоминает сошедший с неба лунный диск. Под звуки бубна женщины танцуют. И звуки, и круговое движение танца заключены в бубне.

На женщинах — по две ниспадающие красные ленты. Также же, но только сложенную вдвое красную ленту держит старушка-мать. Невеста, получив из ее рук ленту, украсит ею свой пояс и расстанется с девичеством.

Бубен задает левой группе круговое танцевальное движение. Но мы видим лишь одну танцующую женщину, не считая слабой танцевальной импровизации девочки, остающейся в преддверии танца. Таким же образом одним выразительным деревом обобщена отдаленная аллея.

Так же одинока танцующая женщина. И аккомпанируют ей на бубне две женщины, но вторая ступшевывается.

Персонажи не только обобщают состояние толпы. Иной раз они с успехом заменяют ее. В этом — одна из причин емкости живописи Пиросмани, того ощущения, что — безотносительно к размерам той или иной вещи — перед вами несравненно большой разворот событий и живописного пространства.

Круг создают танцующая и передний ряд женщин, а также выступающий полукруг старика, мальчика и молодого крестьянина.

Очерченный женщинами круг включает в себя пустой дворик и пространство перед свадебной процессией. Этот темный круг не отвлекает внимание зрителя, полностью сосредоточивая его на светлом пятне, где происходит основное действие.

Престарелая чета, как черную накидку, влачит за собой полосу тени.

Скромно остается за кулисами одно из основных действующих лиц происходящей сцены. Это — луна, поскольку свадьбу справляют в лунную ночь. Лунный свет выявляет потайной смысл предметов, людей, живых существ.

В эту ночь луна не скупится на щедроты. Сияние ее заливают пейзаж. Подымаясь над горизонтом, она делит небо на темную и светлую половины. От этого небо кажется выше, разворачивается гармошкой. Со ступенчато расположенных крыш домов лунный свет низвергается мягким каскадом: с крыши на

крышу, с одной наклонной площадки на другую скатывается его посеребренное золото, следуя далее по склонам гор, всюду высветляя землю и серебристым пятном ложась церкви на горной вершине.

Сияние одухотворяет землю и предметы, но особенно щедро льется его волна по соломенным крестьянским кровлям. Здесь лунный свет уже не сдерживает себя и, сорвавшись с одной из крыш, золотым потоком льется на головы женщин. Они повязаны белыми платками, будго сшитыми из лоскутов лунной материи, как и свисающий с дерева мандили.

И кто лучше луны сумеет выделить достоинства золотой короны на голове молодоженов, газырей жениха и прочих украшений?

Ласкающей рукою пройдетя она по шеям и мордам лошадей и скользнет по их ногам. Может быть, от встречи с лунной и присмирели лошади?

Как умелый осветитель сцены, луна направляет сноп своих лучей на всадника, стреляющего в мандили. Спокойно освещает она красноватую одежду всадника, золотит гриву коня и его плетеный пышный хвост.

Распределяет луна и светлые пятна: пространство дворика озарено ею. Самое теплое пятно легло к копытам лошадей молодоженов.

Вдоль темной дороги, в глубине, стволы деревьев выделены светлыми росчерками.

Ведь в лунную ночь вместе с дорогой во мрак погружены листья и деревья. А стволы равномерно освещены, будто на каждый из них направлено по фонарю. Освещенные стволы — размеренные лучины сияющего Дерева с дуплом. Именно в нем сосредоточена светосила горящих, как тоненькие свечи, стволов.

Стволы вдоль дороги — будто факельное шествие леса, тоже вышедшего встречать молодых.

ДВОРНИК

Галерею трудового люда бесшумно и достойно мог бы открыть приобретший известность Дворник.

Дворник (или сторож) то здесь, то там мелькнет на картинах Пиросмани со множеством действующих лиц. В таких случаях фигура его — одна из многих: маленькая, пропорционально соотносящаяся с общей шкалой изображения. О передаче черт лица, конечно, не может быть и речи. Фигуры эти доносят до нас лишь общий настрой своей доли, запоминаются своей характерной позой, читаются в контексте других людей и событий. Но в то же время, даже в таком предельно обобщенном виде, в них мало или вовсе нет случайного.

Одно из удивительных свойств Пиросмани — умение без колебаний фиксировать в цвете и форме такие — основные — качества людей и предметов, от которых он как художник в дальнейшем и не подумает отказаться. Большие они или малые, но Пиросмани никогда не девальвирует свои ценности.

Это, разумеется, относится и к Дворнику. Когда Пиросмани пожелает отделить его от картины мира и — как мир — себе — рассмотреть без ссылок на других, он сохранит за Дворником и его позу, и упомянутый основной настрой.

Приближая к себе заинтересовавший его объект, Пиросмани обычно убирает все лишнее. Как повар, как диптихи носильщиков или ортачальских красоток, как лани и львы, Дворник представлен в оголенной и предельно обобщенной атмосфере.

Пиросманьевскую манеру представлять зрителю своих персонажей на голой сцене можно было бы сравнить с театральной постановкой, в которой актеры играли бы без декораций. И в театральной постановке, и на портрете цель в таком случае преследуется одна: сосредоточить внимание зрителя на персонаже или актере.

За спиной Дворника мы не видим ни двора, ни крыльца, ни подъезда. Нет ни кучи мусора, ни палых листьев, ни даже метлы.

Среди красноречивых декораций и в мастерском гриме актерская задача облегчается. Чтобы сыграть без грима и на голой сцене, необходима большая интенсивность внутреннего видения образа. Иначе слова и жесты неминуемо канут в пустоту.

Пиросмани систематически избирает этот трудный путь постижения и обобщения. Это значит, что он не отказывается характеризовать Дворника в дворнике — и даже делает это с далекого идущей полнотой, — но и оставляет (и предоставляет) нам широкий доступ к человеку в дворнике.

Под ногами у Дворника — клочок серой почвы. Однако если к нему присмотреться, можно различить дощатый пол, на котором стоит Дворник. Соответственно белый фон за изображением Дворника окажется стеной.

Но в таком случае Пиросмани — подлинный иллюзионист: стена полностью раскрывается и растворяется, распахивается, как просеки. А линия, отделяющая пол от стены, воспринимается ни много, ни мало — как линия горизонта. Путь от конкретной реалии к горизонту Пиросмани проделывает с такой невинной легкостью и быстротой, что дух захватывает.

Подходя к своим произведениям как колорист, Пиросмани обычно выбирает основные пары контрастов, либо — ведущую цветовую гамму. В изображении Дворника он, по-видимому, не отказался от контраста, но организующим фактором избрал один подспудный, «потайной» цвет — фиолетовый — с большей или меньшей интенсивностью присутствующий и в синем (начиная с шароваров), а в сером, особенно если смотреть на картину с расстояния.

Фиолетовый находится в стороне от обычных колористических исканий Пиросмани, он как будто и не входит составной частью в его устоявшуюся палитру. Но ведь и Дворник — как отдельное изображение — у него — единственный. Вот и колорит он ему подобрал особый.

Возможно, первым толчком творческого воображения при создании этой картины явилась цветовая идея?

Если так, то, может быть, на идею эту навело художника лицо портретируемого, коль скоро Пиросмани в первую оче-

редь стремится раскрыть душу тех людей, которых видит его глаза? А в лице Дворника — его щеки и крупный нос, ставшие серыми и немного фиолетовыми от холода?

Время года на картине обозначено не более места действия. То-есть — никак не обозначено. О холоде позволяет судить разве что упомянутый цвет лица, да еще — такое же серо-фиолетовое оцепенение рук.

Но стоит только задуматься о холоде, допустить на минуту эту мысль, и — целая притаившаяся стая поддерживающих его доказательств слетается к нам с картины. Одни из них — психологические, другие — колористические. И те, и другие кажутся равно убедительными.

Привлекший взгляд фиолетовый налет на руках обращает наше внимание на тот жест, в котором они застыли. Об этом можно судить не по правой руке, которая сжимает толстую палку, а по левой, пальцы которой подогнулись под себя. Обычно так поджимаются к ладони кончики пальцев именно на холоде, чтобы немного отогреть свои коленеющие подушечки.

Рука наводит на мысль с этой точки зрения внимательнее присмотреться к фигуре Дворника. Конечно, он уже немолод и поэтому сутулится. Но, кажется, есть в этой сутулости и нечто от зимней поры: пожевание.

Если бы не так, то к чему Дворнику поношенное черное пальто из грубого, толстого сукна?

Конечно, проще всего Дворнику было бы надеть перчатки, но именно они-то, наверное, не положены ему по униформе. А может быть — попросту неудобны в каждодневной работе?

Если Дворнику холодно, то холод объясняет и многое другое на картине.

Прежде всего — ее общий колорит. Наверное, у Пиросмани не так уж много вещей, в такой степени цельно и последовательно выдержанных в одном — богатом и нюансированном — колорите.

На лице и руках сиреневый оттенок разбавлен серым. На досках пола происходит динамическая переключка высветленных и затемненных пятен, снопов света и полос тени.

К светотени, мы помним, Пиросмани прибегает нечасто. Здесь вместе с разработанным колоритом он обращается и к помощи светотени. С ее участием в картине связано, пожалуй, одно из наиболее отчетливых ощущений драматизма: тени от трости и от ног Дворника, не сливаясь полностью, производят впечатление единого теневого потока.

Черному на картине отведено значительное место. Черны пальто, ботинки, трость Дворника, его глаза. Теневой поток передан при помощи смеси черного и серого.

Темная полоска, сходная по цвету с тенью, отделяет одну доску крашеного пола от другой.

В контексте внешне статичной и внутренне насыщенной содержанием живописи полоса тени воспринимается как чужды не единственный движущийся элемент. Не столько ноги Дворника отбрасывают тень, как это, естественно, бывает в

природе, сколько ощущение того, что Дворник ступил на по-
лосу тени, которую сносит в сторону.

Дворник — из-за возраста тоже — вынужден опереться
на свою толстую палку, чтобы почувствовать себя устойчивее на
этой, ускользающей из-под ног, почве.

Палка оказывается не только источником физического рав-
новесия, но и средоточием сконцентрированного цвета. В ней
стущена, спрессована чернота со всей картины, но преимущест-
венно — с пола.

Одним из постоянных свойств живописи Пиросмани пред-
ставляется то, что содержание свое она утверждает simulta-
ненно по нескольким каналам: среди них — и цвет, и форма,
и символика.

Так вот, формой своей толстая трость с загнутой ручкой
явственно напоминает посох. Тот самый, с которым передви-
гается отшельник Георгий и другие паломники пиросманиев-
ского мира. С другой стороны, это — та самая палка, с кото-
рой стоит на пороге мельницы сторож или мельник.

Если метле в руках Дворника Пиросмани предпочел эту
палку-посох, то умысел здесь очевиден: художник созна-
тельно стремился к образу обобщающему и емкому.

Фон картин Пиросмани бывает преимущественно одног-
онным или, в лучшем случае, — двухтонным. Но в отдельных
случаях художник тщательно, тонко и изобретательно мо-
ду- лирует фон. Так он поступает, например, в этой картине.

Если цветовая ткань может быть одновременно холодной и
теплой, то это относится к фону, окружающему Дворника. На
белой основе в едва уловимых или вовсе неуловимых перехо-
дах и переливах встречаются — словно пастельной техникой
втертые — отголоски голубого, черного, фиолетового. Навер-
ное, именно растворение фиолетового в белом и сообщает ат-
мосфере картины упомянутую холодную теплоту.

Как дымка зимнего утра окружает эта атмосфера Двор-
ника.

Не отказываясь от контраста, Пиросмани, мы видели, из-
бирает в данной картине, как ведущий элемент — нюансиров-
ку цветов в пределах колористической гаммы.

Настало время взглянуть и на цветовые контрасты. Харак-
тер у них здесь особый, и они тоже поддались воздействию до-
минирующих живописных токов.

Одно из основных — если не основное — цветовых соот-
ношений на картине есть отношение белого фартука Дворника
к бело-черному фону с притаившейся в нем сиреневостью. Эти
два наиболее значительных колористических пятна — одно
большое, другое сравнительно меньшее — поляризуют цвето-
вую протяженность композиции.

Между передником и фоном — в колористическом плане
— расположилась целиком фигура Дворника, создавая темный
срединный пласт между двумя светлыми занавесями.

Белизна передника — с несколькими голубыми бликами —
в целом более холодная. В сопоставлении с нею колеблющаяся
между холодом и теплом смешанная белизна фона склоняется

ж теллу. Так что фигура Дворника оказывается заключенной между холодом передника и небольшой долей тепла фона.

На своих картинах вообще, а на портретах — в особенности. Пиросмани любит прибегать к одному большому стилистическому пятну. Здесь им является белый передник Дворника, как на Рыбаке — его красная рубаха. Такие цветные пятна являются одним мощным звуковым взрывом, который неизбежно прокатывается по всему живописному пространству произведения и соизмеряет с собой все на нем изображенное.

В портретной живописи с таким пятном в первую очередь соотносится лицо изображенного человека. Какими бы средствами оно ни было охарактеризовано само по себе, лицо, его черты и выражение получают в результате этой переключки несравненно больший резонанс. И через этот прием — как и другими средствами — Пиросмани осуществляет свое шествие от частного ко всеобщему.

«Голос» чистого — или почти чистого — цветового пятна в этом соотношении обуславливается и звучанием данного цвета, и его символикой. Холодное звучание передника отливается в крупных черных зрачках глаз, тоскливо посаженных на такую же непорочную белизну белков.

Символика цветов у Пиросмани пустила глубокие корни в живописной ткани его произведений, а в отдельных случаях — как в случае именно с белым — символика эта прямо оговорена художником. Белый — цвет духовной чистоты. Но в разных контекстах он приобретает различное конкретное содержание, наполняется иным смыслом. Одно дело — белизна у орточальских красоток, другое — здесь.

Белизна закрепляет в лице Дворника его долгую честную и совестливую жизнь. Как будто из самой души его выступает белый треугольник внутренней одежды, свидетельствующий об этой честности.

В конкретный контекст его труда белое вступает, внося с собою целый ряд неизбежных контрастов и противодействий. Для человека, сражающегося с грязью и мусором, передник становится почти белым щитом или панцирем.

В белом переднике сосредоточены вера, мужество и достоинство этой жизни, которую, может быть, никакой другой свет и не освещал надолго.

Если лекарев ослик отмежевывается от земли своими кокетливыми белыми копытами, то от мусора и хлама дворничья рука отмежевывается отчетливо выставленными полосками белых манжет.

Есть еще одна важная особенность у передника: его белое пространство обведено непрерывной черной контурной линией. Этим отмечена неприкосновенность и завершенность, цельность обведенного пространства. На подобных — тоже белых — четко обозначенных пространствах скатертей происходят действия многозначных пиров. Свою белую скатерть и свой бесхитростный пир пронес через законченные будни и Дворник.

1935920
2011033

Трудно бывает, да, наверное, и ни к чему отделять глухой стеной жизнь художника от жизни выдуманного им мира и населяющих его персонажей. И в лунной прогулке медведя и в белой гряде поросячьих ушей, и в облике ограбленного, оставшегося в одном нижнем белье, и в чистых прочтениях белыны у Дворника — частица при жизни художника незримой, а после его смерти единственно осязаемой ткани приобщений.

Конечно, Дворник — вовсе не какой-то бесплотный ангел, которому для полета недостает крыльев. В его нелегкой жизни бывало всякое. Сейчас он может разве что мысленным взором охватить самое значительное на пройденном пути — те крупницы подлинной человечности, с которыми ему довелось соприкоснуться и которые, отчасти, приходилось додумывать, воображать. В длинной однообразной веренице дней всего и не упомнишь. Да это и не важно. Важно то, что он до последних дней сохранил право на Белый Передник.

Щеки у него ввалились, скулы выступили еще резче, уши почти слились с лицом. Тяжело опустился книзу крупный нос. В пользу глаз — для поддержания настойчивости и пристальности их взгляда — отказались от того, чтобы вообще быть изображенными, губы. Их покрыла густая рыжеватая растительность, в которой смешались, как непролазные заросли, то, что могло стать бакенбардами, усами и бородой. Гребень и ножницы цырюльника считанные разы прикасались к Дворнику.

Из под форменной фуражки, довершая впечатляющую картину заросшего лица, вырываются непокорные и беспорядочные клочья волос.

Да и волосы и растительность на лице Дворника какие-то странные: в самый раз лешему разгуливать в таком окладе из лишаинника...

Вторя хаотичному разбегу растительности, сходными клочьями спадает с плеч служилое черное пальто.

Так мог бы выглядеть и рыбак, лицо которого от долгой рыбалки обросло водорослями. Именно у рыбаков мы видели такие оголенные ноги и закатанные брюки. В довершение всего, Дворник на босу ногу надел трудно определимую человеческим языком обувь: нечто среднее между калошами и резиновыми ботинками с загнутыми краями.

Чтобы положить конец всем этим недоразумениям и втолковать нам, что перед нами — не паломник с посохом, не леший и не рыбак, художник вывел на желтой полоске форменной фуражки — «Дворникъ» — и приписал номер: 1036.

Но если всеми упомянутыми лабиринтами Пиросмани вел нас к этой простой и все разъясняющей надписи, то не для того ли, чтобы показать нам, прежде всего, Человека, оказавшегося в этой жизни Дворником?

ОРТАЧАЛКА

Это изображение ортачальской красоты решено сдержанно, в основных тонах — черном, белом, красном и желтом преимущественно. С определенным присутствием синевы, голубизны.

Женщина возлежит, положив голову на подушку и подтянув под щеку руку, а второй рукой натягивает на себя белую, полупрозрачную простыню или накидку. Основной цвет, выделяющий ее облик — белый, который предопределяет сочувственное отношение к ней художника.

От черного отрываются и ее лицо, и белое тело, и подушка. Пиросмани избегает выписывания ложа. Оно дано несколькими прерывчатыми красными полосами и светлой дугой, которая голубым огоньком пробегает недалеко под подушкой по черноте. Трудно сказать, на чем лежит женщина. Скорее всего, можно себе представить деревянную тахту, покрытую красным ковром. Но это все допускает лишь воображение. Уточнение не входит в замысел художника. Главное здесь — минимально необходимое обоснование горизонтальной линии, на которой покоится женщина.

Отдаление от зрителя тела, всего облика женщины создается белой накидкой, которая свободно ниспадает в нашу сторону и мягко ложится произвольными складками. Накидка на почтительное расстояние отдаляет зрителя от Ортачалки.

На черном фоне видны две красно-белые розы и четыре белых цветка, напоминающие лилии. Желтые их листья рассыпаны по клеенке и почти поглощены ее чернотой. Несколько голубых бликов видно около цветов и под подушкой.

Художник представляет нам белое, довольно целомудренное по колориту тело. В едином ровном и невозмутимом колорите представлена лишь миллиграммами дополнительной красноты наделенная грудь. Белизна подушки во многом определяет общий колорит. Женская красота далека от эротики.

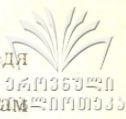
Глаза выражают характер и состояние женщины: взгляд сочувствующий и доверчивый, взгляд существа, которое можно заставить страдать от несправедливостей жизни. Женщина соотносится с внешним миром, как эти бездумные цветы и розы. Губы ее — кровавой красноты, будто оголены они и снята с них кожа. Поэтому так болезненно во всем существе может отдаваться боль. Это — приглушенный цвет крови, черноватый или к черноте склоняющийся. Губы Ортачалки разделены черной полоской. Приглушенная чувственность притаилась где-то между чернотой и подчеркнутой краснотой. Черные треугольники ложатся на туфли, красные, как губы.

Взгляд женщины направлен в сторону ожидаемого. В вечном ожидании счастья и тепла застыла она.

БУКЕТ ДЛЯ МАРГАРИТЫ

Маргарита, как и столько других персонажей Пиросмани, запечатлена где-то на лоне природы: чистая линия горизонта, клочок земли и небо. И хотя пейзажа как такового нет, все то немногое, что изображено вокруг Маргариты, активно воздействует на восприятие картины.

Только узкая нижняя кромка неба тронута белизной. Земля еще покрыта мглою, а верхняя часть неба уже сияет голубизной. Этой рассветной порой бледное, белое светило встает

над землей. Встает и бесшумно ступает и является, разведя руки, как Маргарита.

По широким листьям лопуха, по срезам пней и травинкам скользят лучи более теплые, золотящие их. Вместе с лучом по земле пробегает ветерок, встряхивая дрему травы и цветов.

Маргарита привыкла быть зрелищем для людей. И этот рассветный час она тоже встречает в белом вечернем наряде и полосатых гетрах — как она накануне вышла на сцену. Только сейчас все атрибуты сцены как-то потускнели, а цвета, которые, дразня, переливались при искусственном освещении, ныне померкли. От сцены остались лишь открытая грудь и обнаженные, незащищенные руки. Платье стало белым, как подвечное, и даже обычно пунцовая краснота пояса и двух ниспадающих лент выветрилась и остался лишь слабый намек на красное, точно такой же — как на губах. Да и сами полосы лент сдвинулись в сторону, ступевываясь.

Маргарита поменялась ролью со зрителями. Вместо того, чтобы петь и развлекать (петь-то она, может быть, и поет, но как-то робко, вполголоса), она сама смотрит в нашу сторону, замороженная. Игры на ее лице нет никакой, а только лишь удивление и белые огоньки в зрачках.

Игру Пиросмани воспринимает как наигрыш, а наигранное и наносное он передать не в силах. И если уж Маргарита кого-то играет, то, наверное, себя же, французскую певичку, кочующую по миру и пришедшую на эту землю, на которую она указывает всеми выпрямившимися пальцами правой руки.

Лицо Маргариты окружено стайкой птиц. Желтых, самых теплых. Птицы с трех сторон слетаются к ней, а одна из них подлетает к самому лицу, желтым крылом накладываясь на белое покатое предплечье. Такое движение птиц знакомо нам по другим картинам и, в частности, по изображениям ортачальских красоток. Не только движением птиц, но и обликом своим — густыми дугами черных бровей, продолговатым носом, закругленным овалом лица и волной волос напоминает Маргарита ортачальских красоток. Из какого бы уголка мира она ни прибыла и именно потому, что изобразил он ее приемля, Пиросмани не мог не приблизить Маргариту к тому, какой видел ее его глаз.

И в то же время, многое отличает Маргариту от ортачальских красоток. Ортачалка лежит, натягивая на себя покрывало. Маргарита стоит, разводя руки. Она украшена: скромно и трогательно. Украшена кружевными оборками и янтарными (или золотыми) браслетами.

Колористическим обрамлением для ортачалки служит переличка приглушенной красноты ее губ и туфельек. Краснота губ и лент пояса Маргариты обесцвечена вовсе, а функция колористического обрамления, как увидим, переходит к желтизне птиц, браслетов и туфель.

Маргарита не только украшена, но и одарена букетом белых роз и брошенными к ее ногам белыми словами надписи. Правой рукой Маргарита указывает и на землю, и на слова: **АКТРИСА МАРГАРИТА.**

А все пространство слева от нее — дар, подношение Пиросмани. Розы белы ее белизной. А сжимая пальцами зеленые стебли, Маргарита может почувствовать прохладу и свежесть стелющихся у ее ног стебельков и травы. Она сжимает в своих пальцах живую частицу земли.

Под букетом — два спиленных ствола. Корнями они уходят в землю, а обнаженный свой срез подставили струям воздуха и бегу лучей. Один пень — предупредительно ниже другого, как чокающиеся на жизненном пиру роги. Два пня осеняет белый букет роз, два пня, навечно пустившие корни друг подле друга. Именно под ними проставлена подпись художника.

Не довольствуясь одним браслетом, Пиросмани заключил обе руки Маргариты в янтарные запястья. Заключил, словно беря ее в сладкий полон.

И каждое запястье наделил парой янтарных шариков. Янтарные шарики сошлись еще ближе, чем пни. А чтобы заземлить эти украшения, закрепить на земле, он заключил ноги Маргариты в теплые желтые (легкие и мягкие, как балетные) туфли, а на них посадил по два желтых шарика. И теперь Маргарите, вольной как желтые птицы, некуда деться. Желтым теплом ее накрепко привязали к этой земле.

И если в жизни Пиросмани Маргарита исчезла неожиданно и бесследно, то здесь, в его живописи она осталась: белая в желтом оцеплении.

ЦВЕТЫ

На двух вариантах пасхальной темы цветы чутко согласованы с общим настроением картины. В первом случае, там, где на блюде — только пасхальные яйца, запоминаются белизна женского платья и красный цвет яиц. Соответственно и красноту гладиолусов, выглядывающих из-за густой растительности, «гасят» выразительные белые разводы.

Во втором случае на блюде вырастает и пасхальный кулич. Пасхальные яйца здесь — густо красные. Красные отблески легли на платье женщины. Зарделись и гладиолусы, полыхая на черном.

Оставаясь в пределах естественного сюжета, уровнем выше представляет Пиросмани куст роз. Приподнятые над землей, цветы становятся более крупными и избирательными; вереницу «анонимных» цветков сменяют три великолепные розы. Независимыми принцессами сидят на зеленом розовые и белые розы.

Еще выше, на земляной кровле деревенского дома, оказываются трава и затерявшиеся в ней полевые цветы. Кисть художника воспринимает их как естественное украшение дома, а сам дом, вследствие этого, становится клочком родной земли.

Все три приведенных случая могут сойти за картинку природы. Это — не «придуманый» художником сюжет. Два первых случая отражают опыт «общечеловеческий», в третьем случае — локально-грузинский мотив. Дальнейшему обобщению в живописи Пиросмани подвергнется и то, и другое.

Одно из назначений цветов — сопровождать прекрасное (Маргарита, юный Олень).

Другие случаи особо акцентируют женщину как адресата цветов. Но цветы и женщины встречаются и в другом, в своем назначении: и те, и другие украшают жизнь. Небезынтересно поэтому сравнить проросшую травой и цветами кровлю с кровлей дома, на которой сидят кутящие женщины. На травяной кровле на смену полевым цветам пришли женщины.

Для Пиросмани кровля дома — выношенная, активно порождающая «матрица». Может быть, наиболее наглядное тому подтверждение — шляпа женщины, напоминающая цветник или... именно проросшую цветами кровлю.

Данный случай уже выводит нас из области естественных сюжетов и переносит в область творческой фантазии художника, глубокие реальные корни которой мы только что видели.

Цветы на шляпе — самый высокий возможный уровень их расположения на картине.

Одна из основных особенностей артистического темперамента Пиросмани — его волевое отношение к отбору изображаемого. Если «природный» мотив может подкрепить его намерение, импульс, Пиросмани от него не отказывается (полевые цветы, куст роз...). Но основная его затея — преподнести цветы.

Для этого он иногда составляет букеты.

В руке у Маргариты — букет белых роз, у Дамы с зонтом — четыре лилии.

Соотношение букета с цветочным фоном, «аккомпанементом» в обоих случаях разное. Розы не растут в поле. К тому же букет Маргариты — нарочито составленный и перевязанный. Отношение его к скромным полевым цветам подчеркивает исключительность букета, его богатство, намерение преподнесшего.

Напротив, Дама могла сорвать лилии тут же, у своих ног. Дама стоит среди лилий как одна из них. Маргарита так же исключительна в мире художника, как букет роз — среди полевых цветов.

Оркестровка цветочной темы особенно интенсивна в случае с Дамой, поскольку она охватывает здесь все три уровня: лилии на земле готовят кульминацию лилий в руке (здесь crescendo более последовательное, чем на портрете Маргариты); а обобщенные цветы на шляпе воплощают удаляющуюся, смолкающую музыкальную тему.

Не будем говорить о других формах и состояниях, которые порождает в различных картинах присутствие цветов. Ограничимся несколькими примерами: воротник Дамы чем-то сродни увеличенным лепесткам лилий, с ними же перекликается «восьмерка» бляхи на поясе, да и зонт похож на два цветка, навязанных на длинный стебель. Связь всего перечисленного с лилиями закреплена белизной.

Или вот еще.

Женщина приподняла кружку с пивом. Но как похожа на белью розмашки взошедшая над краем пена...

Однако букет — не единственная возможность преподнести цветы. На изображениях Ортачалских красоток цветы преподнесены не к их ногам, а — изображены за ними, как декоративный мотив. Художнику нет нужды до того, что цветы не могут расти из пола или из стены. Так ведь в обычной жизни и птицы не садятся на плечи людей! И птицы, и цветы, как нежные радары, направляют наше внимание к изображенным женщинам. Птицы предельно уточняют это направление — к лицу, к глазам женщин. Через цветы и птиц художник как будто стремится заглянуть в глаза, в самую душу падших женщин. По телу их целомудренный взгляд пробегает, почти не задерживаясь. Цветы и птицы — посланцы духовного.

Художник, как в чудесном сне, переносит женщин вместе с их ложем в природу (проделывает он это не впервые: под сень деревьев, на зелень лужайки уносятся и пиршественные столы заодно с кутилами...). Зеленые дуги травы и тонкие стержни стебельков «оправдывают» присутствие цветов. А сами-то цветы, это — розы (как у Маргариты) и лилии (как у Дамы). Поэтому можно не ошибиться, сказав, что это — две излюбленные разновидности цветов у Пиросмани. Учитывая и его высказывание (о белом), и то, что говорят сами цветы, можно добавить: красные розы несут любовь, привязанность, нежность; белые лилии — чистоту, прощение. Характерно, что именно для обездоленных существ художник не поскупился на весь свой арсенал цветов.

Вопреки ходячей житейской мудрости и заземленному здравому смыслу, Пиросмани дважды подключил к «партии» лилий — по одному нераскрывшемуся бутону: сердце Ортачалок еще не закрылось для девичьих грез и ожидания чего-то чистого и непорочного.

Независимость духа, отсутствие подобострастия перед узаконенным и перед самими порядками природы — наверное, одни из тех живительных свойств, благодаря которым к живописи Пиросмани постоянно будут возвращаться для нравственно-го обновления и для дерзаний.

Проявлением дерзновенной независимости является и увязка темы цветов с жизнью мужчин. Склонность к универсальному характерна для Пиросмани: если — красота и праздник, то не для женщин только, но — для всех людей, для зверей и земли. Для молодости и для старости.

Широкие листья декоративного растения за Саркизом активно участвуют в характеристике его образа: густая и черная как смола шевелюра, вьющиеся холеные усы торговца с Винного спуска выдают такое же буйное цветение жизни. А сам белый цветок (рядом с льющимся вином напоминающий негатив виноградной грозди) лишь скромно сопровождает и варьирует тему картины.

Если за Ортачалками дан хотя бы намек на то, что цветы растут откуда-то, то виньетка на портрете М. Д. М. (как и портрет в целом) решена как чистый декоративный мотив. Вьющиеся по обеим сторонам мужчины приглушенно-красные, немного слащавые чайные розы напоминают распространенный в иранской миниатюре цветочный орнамент. Орнаментальность

13.19353-21
012 ПР10333

усилева симметрией: с обеих сторон в сходной последовательности расположено по пять роз. Розы торжественны (и мрачны ваты), как венки, но — несут тепло дружеской кистью исполненному изображению.

Разве не странно, что двое подьехавших к Белому Духану мужчин держат в руке по букету? Кому они предназначены? У цветов нет конкретного адресата. Адресованы они хорошему настроению, предстоящей пирушке. Они не будут сданы духанщику на хранение и даже не будут поставлены в вазе на стол. Они попросту исчезнут, испарятся, уступив место цветам застольного красноречия.

Да и в их нынешнем состоянии букеты являются частицами общей атмосферы картины: один букет вобрал и сгустил зеленые тона воздуха, а другой лег розовым пятном на черную одежду.

Впрочем, цветы, оказывается, могут преподноситься и мужской компании. К застолью движется старик в белом переднике. Поначалу пышный букет в его руке настолько неожидан, что испытываешь искушение воспринять его, как вязанку шашлыков на вертеле. Кто знает? Может быть, старик-официант и в самом деле несет кутящим сочные горячие шашлыки, только на мгновение чудодейственно преобразившиеся в цветы?

Контраст между цветами и глубоко серьезным обликом старика с двумя черными впадинами глаз, между цветами и по-монашески в черное облаченными кутилами у Белого Духана и сам по себе разителен.

И идет ведь старик вслед за официантом с жареной кутией...

Точно так же в полукруге людей, собирающихся приступить к пасхальной трапезе, мальчик с букетом красных и белых роз стоит в одном ряду с мужчинами со снедью, с барабаном и т. д. Но мальчик — ближе всех к центральной фигуре композиции — старику с кувшином и корзиной. Розы — первые в том ряду, который старик освящает.

Они необходимы не меньше, чем звуки музыки и лица земная.

А рецептура составления букетов у Пиросмани своя: поэтому сходным образом соединились розы в руке мальчика и — розы Маргариты.

Мальчик, наконец, разрешил наши сомнения о том, как кутилам в тарантасе и старику официанту все-таки удастся доставить цветы до трапезы.

«ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧУВСТВА»

Как сказано в предисловии этого издания, в процессе изучения его автором Акакием Васадзе составных элементов структуры художественного произведения (результаты этих исследований получили отражение в его работе «Стих и творчество», 1975) у него «зародилось желание раскрыть и объяснить сам процесс творчества, первую попытку которого и представляет настоящая книга».

В ней исследуется эмоциональное переживание, действующее в художественном, в частности поэтическом, творческом процессе. После выяснения природы и специфических свойств художественного чувства приводятся доводы его отличия как от обычных, так и от эстетических чувств. И делается это во взаимодействии его с фантазией и установкой художника. Кроме того, автор касается здесь также вопросов перевоплощения, специфического отражения действительности, прообраза, а также основ и первичных импульсов художественного творческого процесса. Причем теоретические рассуждения базируются на конкретном анализе поэтических произведений.

Эту книгу, посвященную вопросам психологии художественного творчества, выпустило на русском языке издательство «Мецниереба» (1978).

«ТРАДИЦИЯ И ЭКРАН»

Задача автора данной книги Левана Рондели, по его же определению — «выявить значение и роль традиционных черт грузинского искусства в решении сегодняшних насущных проблем кинематографа».

Знакомая читателя с актуальными проблемами кино, стремясь придать этой теоретической проблематике конкретность и наглядность, облегчающие восприятие, опирается при постановке вопросов и анализе явлений на материал грузинского кино. Автором прослеживается также ответственность в нем традиционных черт грузинского искусства.

В книге затронут целый ряд вопросов, связанных с проблемой «традиция и кино» в аспекте его самобытности, обновления, взаимовлияния, взаимобогащения другими национальными кинематографами и т. д.

Весь комплекс этих ракурсов и осмыслений разрабатываемой темы направлен на идейно-нравственное воспитание зрителей, в котором такую большую роль играет искусство кино, в том числе грузинского, интерес к которому сегодня столь велик.

Книга «Традиция и экран» вышла на русском языке в издательстве «Ганатлеба» (1978).

«ПРОБЛЕМЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ»

«В научном мире признано официально, — говорится во вступлении к этой книге Вахтанга Жвания, — и сегодня уже не вызывает сомнений, что представить творчество И. Чавчавадзе лишь по вошедшим в собрания его сочинений произведениям в полной мере невозможно».

Стремлением восполнить этот пробел и продиктован данный труд, где автор постарался дать анализ тех главных основ мировоззрения классика грузинской литературы, которые определяют его отношение к проблемам справедливости и социально-экономической жизни, опираясь, помимо других известных материалов, на статьи не вошедшие ни в одно собрание сочинений И. Чавчавадзе. Это, в частности, более 120 статей критического и информационного характера, передовиц, исследований, печатавшихся в период его работы редактором газеты «Иверия» без его подписи, а также статьи, опубликованные в русской прессе, записи выступлений на различных собраниях и съездах, и т. д.

Книга В. Жвания, подготовленная на русском языке Министерством юстиции Грузинской ССР (1978), — в русле дальнейшего углубления и полного исследования отечественного прошлого, воспитания у советских людей, как сказано

в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС, «чувства уважения к достойным странам прошлого всей страны...».

«ЧТО ТАКОЕ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?»

Задавшись целью популярно изложить проблемы научно-технической революции, ее сущности и основных направлений, воздействия на социальную и экономическую сферы в различных общественных системах, Владимир Кортава особо акцентирует в этой книжке вопрос о влиянии НТР на нравственность. Опираясь большим количеством конкретных примеров, он подводит читателя к выводу о том, что прогресс современного человеческого общества возможен лишь на основе органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

«На основе дальнейшего развития созданных социализмом отношений, — читаем в заключительном абзаце книжки, — закономерно происходит движение к коммунистическому обществу, к единственному обществу, в котором, по словам Маркса, «самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил».

Книжка В. Кортава вышла на русском языке с грифом издательства «Медниереба» (1978).

НАПУТСТВИЕ ПИСАТЕЛЯМ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ правления Союза писателей Грузии Г. Абашидзе пригласил на встречу группу вновь принятых членов Союза писателей республики: Б. Миндадзе, Н. Некершвили, Э. Нижарадзе, Г. Нишнианидзе, С. Пайчадзе, Г. Санадирадзе, В. Сихарулидзе, Н. Шатаидзе, А. Чхиквишвили, Д. Церединиани, Т. Цивцивадзе, М. Джохадзе и Г. Джохадзе.

Г. Абашидзе тепло поздравил новых членов Союза, пожелал им в будущем придерживаться славных традиций грузинской литературы, быть всегда рядом с народом, постоянно повышать свое профессиональное мастерство, дальнейших творческих успехов.

На встрече присутствовали секретари правления Союза писателей Грузии Н. Думбадзе, Г. Цицишвили, Дж. Чарквиани и Г. Жоржوليани.

«РУСТАВЕЛИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

НЕДАВНО читатели получили первые две книги этого четырехтомного издания.

В первый том включены руствелологические материалы,

опубликованные во Франции, Англии и немецкоязычных странах. Во втором томе представлены переводы на грузинский язык работ о Руставели, опубликованные на итальянском, испанском, польском, болгарском, турецком и других языках.

Огромное культурно-историческое значение «Витязя в тигровой шкуре» обусловило интенсивный рост руствелологической литературы во всем мире.

Составитель издания — профессор Тбилисского государственного университета П. Менабде. В подготовке материалов активное участие приняли известные зарубежные каргвелологи — И. Бицадзе (Болгария), И. Браун (Польша), М. Иштванович и Л. Тарди (Венгрия), И. Маршев и Р. Нойком (Швейцария), Г. Фогт (Норвегия) и другие.

ПРЕМИЯ НУРЕКА — НОДАРУ ДУМБАДЗЕ

НОВЫЙ роман Н. Думбадзе «Закон вечности» строители Нурекской ГЭС назвали лучшей книгой года и единодушно присудили автору свою рабочую награду.

выйдет в свет в издательстве
«Сабчота Сакартвело».

ИЗДАЕТ ЙЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В ЙЕНСКОМ университете имени Ф. Шиллера в ГДР начала выходить журнал «Георгика», в котором будут печататься статьи о грузинском языке и литературе, истории, искусстве, работы в области общественных наук, информация о новых изданиях и переводах на грузинский и немецкий языки, рецензии на книги...

Вышел в свет первый номер нового журнала. В нем помещена статья о научной и общественной деятельности одного из основоположников Тбилисского государственного университета академика АН Грузии А. Шанидзе, рецензии на новые книги.

В редколлегию журнала «Георгика» входят видные немецкие картвелологи, а также грузинские ученые — академик АН Грузинской ССР Ш. Дзидзигури, профессора М. Лордкипанидзе, Г. Тевзадзе, Э. Хинтибидзе, главный редактор издательства ТГУ Н. Бердзенишвили.

Журнал будет печататься один раз в год. Следующий номер будет посвящен вопросам философии.

ГОСТЬЯ ИЗ ЛОНДОНА

В ГРУЗИИ гостила английская переводчица, пропагандист многонациональной советской литературы в Великобритании Хильда Перхам.

В течение недели гостя из Лондона знакомились с творчеством видных грузинских ху-

Три года назад началось творческое содружество писателей страны со строителями Нурекской ГЭС. Со всех концов Советского Союза в Таджикистан стали поступать книги с дарственными надписями известных прозаиков и поэтов — М. Шолохова, К. Симонова, Ю. Бондарева... Среди книг был и трехтомник избранных произведений грузинского писателя.

«Для меня признание рабочего человека — самая высокая и дорогая награда», — сказал Н. Думбадзе.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. ЧАВЧАВАДЗЕ

ПРИ ИНСТИТУТЕ истории грузинской литературы имени Ш. Руставели Академии наук Грузинской ССР создана главная редакционная коллегия по изданию полного собрания сочинений великого грузинского писателя Ильи Чавчавадзе под председательством академика Академии наук республики А. Барамидзе.

Новое издание будет 20-томным. Первые три тома отводятся художественным произведениям, остальные публицистике, критике, личной переписке. Каждый том будет снабжен приложением вариантов и указателей.

В первый том, который будет сдан в печать в 1980 году, войдет хроника жизни писателя, а также краткая история текстологического изучения и издания его произведений.

Полное академическое издание сочинений И. Чавчавадзе

дожников Л. Гуднашвили, Д. Какабадзе и К. Гурули, подготовила статьи о творчестве Н. Пиросманашвили, современном грузинском театре и кино.

В редакции журнала «Литературная Грузия» Х. Перхам встретила с членами редколлегии. Во время беседы разговор шел о дальнейшем сотрудничестве в деле популяризации грузинской литературы в Великобритании.

ВСТРЕЧА С ТРУДЯЩИМИСЯ

СТАЛИ уже доброй традицией встречи труженников города Тбилиси с известными грузинскими писателями и поэтами.

Недавно по инициативе Бюро пропаганды художественной

литературы Союза писателей Грузии и Первомайского райкома партии такая встреча состоялась в этом старейшем районе города.

Открывая встречу, секретарь райкома партии Первомайского района Тбилиси В. Джапаридзе рассказала об узах дружбы, связывающих писателей с трудящимися нашей республики.

Перед присутствовавшими выступили секретари правления Союза писателей Грузии Н. Думбадзе, Дж. Чарквиани, писатели и поэты М. Кахидзе, М. Поцхишвили, Т. Чантурия, Г. Гегечкори, Э. Квитаншвили, и другие. Они рассказали о своих творческих планах, прочли свои произведения.

В заключение вечера гости ответили на вопросы трудящихся.

АБАШИДЗЕ Ираклий Виссарионович. Род. в 1909 г. Начал печататься в 1928 году, автор множества сборников стихов как на грузинском, так и на русском языках. Особой популярностью пользуются стихи военных лет («Капитан Бухайдзе», «Песня раненого», «Памяти Леселидзе»), цикл «По следам Руставели» и другие. В критических работах И. Абашидзе затрагивает актуальные проблемы развития современной грузинской литературы.

В настоящее время И. Абашидзе — главный редактор Специальной научной редакции Грузинской Советской Энциклопедия Академии наук Грузинской ССР.

БУАЧИДЗЕ Гастон Сергеевич. Род. в 1935 г. Автор книг «Ретиф де ла Бретонн в России» и «От Монмартра до Мтацминды», статей о французской и грузинской литературе, путевых очерков о Франции, исследований о художниках Н. Пирсманашвили, Д. Какабадзе, Л. Гуднашвили, Н. Янкошвили, З. Валишевском. Перевел на грузинский язык произведения Ж. Верна и Ж.-П. Сартра, на французский — грузинских классиков: Н. Бараташвили, Важа Пшавела, С.-С. Орбелиани, Ш. Руставели.

ГАБРИАДЗЕ Реваз Леванович. Род. в 1936 г., прозаик, сценарист, режиссер. Окончил факультет журналистики Тбилисского государственного университета и Высшие сценарные курсы в Москве. Автор повести «Дивная птичка» и нескольких сборников рассказов. Он является автором широко признанных кинофильмов: «Необыкновенная выставка», «Негорюй», «Чудаки», «Кувшин», «Серенада», «Мимино», «Белый камень», «Бабочка», «Колесо», сериала «Дорога».

ГУРУЛИ Вахтанг Шалвович. Род. в 1953 г. Аспирант кафедры истории СССР Тбилисского государственного университета. Тема его научных исследований — участие грузин в партизанском движении во время Великой Отечественной войны.

КАКАБАДЗЕ Нодар Мефодьевич. Род. в 1924 г. Доктор филологических наук, профессор. Работает в области германистики. Автор многих научных трудов, монографий, книг, в том числе монографии о Генрихе Манне, двух книг о Томасе Манне, «Очерков по истории немецкой литературы XX века», сборника критических статей о грузинской и немецкой литературе «Силуэты».

зи портреты» и др. Ряд научных работ (напр., «Лирика Томаса Манна») опубликовался в ГДР на немецком языке.

КИРИЛЮК Зинаида Васильевна. Кандидат филологических наук, доцент Киевского университета. Занимается исследованием русской литературы XIX века, русско-украинских литературных связей. Автор пятидесяти публикаций — монографий, брошюр, посвященных Пушкину, Белинскому, декабристам, критику и беллетристу пушкинской эпохи Сомову и т. д.

МАЧАРАДЗЕ Валериан Георгиевич. Род. в 1921 г. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории СССР Тбилисского государственного университета. Автор более пятидесяти трудов по проблемам взаимоотношений Грузии с Россией.

НАДИРАДЗЕ Колау (Николай) Галактионович. Род. в 1895 г. Окончил юридический факультет Московского университета, один из видных представителей грузинского символизма. Первая книга вышла в 1920 году. Автор нескольких сборников стихов и прозы. Переводит на грузинский язык стихи русских поэтов.

СТУРАА Лия Шалвовна. Закончила филологический факультет Тбилисского государственного университета, где сейчас читает курс лекций по истории грузинской советской литературы. Автор шести сборников стихов, два из которых — на русском языке.

ШАВШУКОВ Евгений Алексеевич. Род. в 1912 г., пенсионер. Ряд лет был членом литературного объединения Уралмаша. Некоторые его очерки, рассказы, повести, пьесы публиковались в местной печати, читались по радио. В настоящее время работает над книгой о творчестве во всех его проявлениях, о человеке творящем, устремленном в будущее.

ШАМЕЛАШВИЛИ Рафаил Михайлович. Род. в 1922 г. Доктор филологических наук, профессор кафедры грузинского языка Кутаисского гос. пед. института им. А. Цулукидзе. Автор 150 научных трудов, в том числе 13 книг. Среди них: «В. И. Ленин — величайший мастер живого слова», «Лексика современного грузинского языка», «О языке «Витязя в тигровой шкуре», «Обособленные слова и выражения в грузинском языке и методика их преподавания», «Краткий словарь лингвистических терминов» и др.

„ლიტერატურული მხატვრული და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)
გამოცემის 1957 წლის იანვარიდან. № 1 იანვარი 1979 წ.

Сдано в набор 2 января 1979 г. Подписано к печати 2 февраля 1979 года. 6 печ. листов, усл. листов 10,08. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

40 კოპ.

ეროვნული
ბიბლიოთეკა